

• По страницам редких изданий

ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

▲ Обложка книги

Офицеры в парадной форме во время строевого смотра 1956 г.

▲ Проектные рисунки единого нагрудного знака для сверхсрочников 1957 г.

Петлицы сержантов сверхсрочной службы образца 1957 г. ▶

Погоны на верхние рубашки образца 1957 г. ▼

Символика и униформа Российского военного воздушного флота

В 2004 году исполнилось 100 лет со дня введения первой формы одежды для русских летчиков. К этому юбилею Российский военно-исторический журнал «Цейхгауз» совместно с Фондом содействия авиации «Русские витязи» в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 гг.» подготовил иллюстрированное двухтомное описание униформы военнослужащих российской авиации и воздухоплавания, охватывающее период от времен императора Александра III до наших дней.

В конце 2005 года читатели увидели вторую часть второго тома*, в которой хронологически прослеживаются все изменения обмундирования, знаков различия и снаряжения Военно-воздушных сил армий Советского Союза и Российской Федерации с 1955 по 2004 год. Материал составлен на основе подлинных архивных документов, позволяющих проследить все обстоятельства появления, существования и отмены образцов форменной одежды, применявшихся на протяжении описываемого периода. Большинство архивных документов и подлинных рисунков вводится в научный оборот впервые. Книга богато иллюстрирована не только старинными и современными рисунками, но и фотографиями, многие из которых также публикуются впервые. Значительно украсят издание многочисленные изображения предметов обмундирования, снаряжения и нагрудных знаков из музейных и частных коллекций, дополненные цветными реконструкциями, выполненными методом компьютерной графики.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся военной авиацией и воздухоплаванием, исследователям истории армии и флота России и СССР, а также всем, кто неравнодушен к ратному прошлому Отечества.

* Кибовский А.В., Степанов А.Б., Цыленков К.В. Униформа российского военного воздушного флота: В 2 т. Том 2, часть 2 (1955—2004). М.: Фонд содействия авиации Русские витязи, 2005. 352 с., ил.

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ **5**
1-80 2006

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу во втором полугодии 2006 года — 28 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 157-84-50

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и интернет — приложений «Военно-исторического журнала» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Май
№ 5
2006 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Стратегическое развертывание ВВС Красной армии на западе страны перед Великой Отечественной войной

Военно-экономический фактор в Битве под Москвой

Партизанские соединения на защите Ленинграда

Командармы Великой Отечественной войны

Забайкальцы за Хинганом

Советские войска в Иране. 1941—1946 гг.

Мемуары о Великой Отечественной войне как исторический источник

Прорыв «линии Маннергейма»

ISSN-0321-0626

«Цветет черемуха»
Фрагмент картины художника В.К. Дмитриевского. 1971 г.

**9 мая — День Победы советского народа
в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.
День воинской славы России**

Военно-исторический журнал 2006 № 5 май

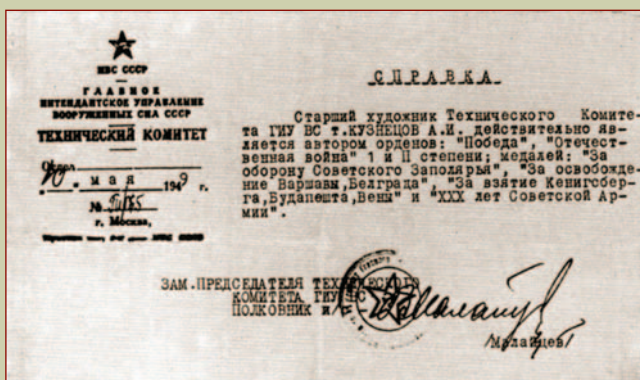
▲ Варианты эскизов ордена Победы
Художник А.И. КУЗНЕЦОВ. 1943 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕПРЕВЗОЙДЕННОГО ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Эскиз ордена для награждения высшего командного состава Красной армии
Художник Н.С. НЕЕЛОВ. 1943 г.

▲ Один из последних вариантов ордена Победы
Художник А.И. КУЗНЕЦОВ. 1943 г.

▲ Справка, выданная А.И. Кузнецову в подтверждение его авторства в создании орденов и медалей 1949 г.

▲ Портрет Маршала Советского Союза А.М. Василевского
Художник Б.В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. 1950 г.

▲ Н.С. Неелов 1984 г.

▲ Орден Победы 1943 г.

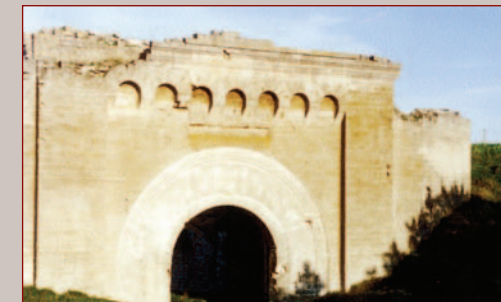

▲ А.И. Кузнецов 1957 г.

Фанагорийская крепость и Еникальский пролив 1798 г.

▲ Южные ворота форта

ФОРПОСТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Крепость Керчь: история и современность

Э.И. Тотлебен
Неизвестный художник,
вторая половина XIX в.

С ДРЕВНЕЙШИХ времен берега Керченского полуострова как региона, имеющего стратегическую ценность в Северном Причерноморье, привлекали взоры различных племен и народов. Скифы, греки, готы, аланы, тюрки, византийцы и многие другие стремились господствовать в Восточном Крыму и Тамани, что было возможно только при условии полного контроля над Керченским проливом. Для этого сооружались поселения с долговременной системой укрепления — приморские крепости. Одной из таких является крепость Керчь, по праву считающаяся образцом военно-инженерного искусства третьей четверти XIX века.

После присоединения Крыма к России в 1783 году многие укрепленные города Причерноморья постепенно стали терять свое оборонительное значение. Древняя Керчь и построенная вблизи нее турками в начале XVIII века крепость Еникале по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года отошли к России и впоследствии, слившись, превратились в важный порт на берегу Керченского пролива. В ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. после захвата противником крепостей Еникале и Керчь (до конца 20-х годов XX в. она занимала центральную часть современного города Керчи) в 1771 году на одноименном мысе была создана Павловская батарея (крепость). Уже в ходе Крымской войны 1853—1856 гг.

она доказала свою целесообразность, долгое время сдерживая численно превосходящие силы противника, не позволяя им войти в Азовское море.

Решение о строительстве крепостных укреплений долговременного характера на Керченском полуострове было принято в 1856 году императором Александром II. Тщательные изыскания топографов и специалистов военно-инженерной службы показали, что располагать фортификационные сооружения необходимо в районе мысов Павловский и Ак-Бурун. Инженерное оборудование местности началось в 1857 году под руководством полковника Ната.

Тогда же началось сооружение заградительной постройки в проливе шириной 6 м и высотой над морем 90 см, в результате чего на участке от Павловского мыса до косы Тузла пролив был сужен до 850—1000 м. Более чем за 20 лет было построено около 300 зданий и сооружений, прорыто около 6 км тоннелей и т.д., что потребовало от государства колоссальных материальных затрат (только в 1862 г. было освоено 6 660 000 рублей).

При строительстве крепости самое широкое применение нашли идеи выдающегося военного инженера Э.И. Тотлебена — героя обороны Севастополя и автора ряда проектов сухопутных и приморских крепостей. Не случайно его имя запечатлено в названии одного из центральных сооружений крепости — форта «Тотлебен».

5 мая 1867 года Керченские укрепления были переименованы в крепость Керчь, что придало им особый статус. Крепость стала частью общей системы крепостей Российской Империи и важным звеном в схеме крепостей Северного Причерноморья.

Публикацию подготовил Ю.Л. БЕЛИК

▲ Капонир № 5

▲ Казарма Минского люнета

▲ Вид с моста на Северные ворота

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ дом «Мегалир» выпустил в свет очередную книгу из серии «Философия Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Труд посвящен одному из важных событий Второй мировой войны — 60-летию открытия второго фронта в Европе в 1944 году, который способствовал успехам советских войск на советско-германском фронте и сыграл важную роль в разгроме фашистской Германии.

В опубликованных в книге материалах Международной

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

научно-практической конференции, проведенной в Лондоне, большое внимание уделяется анализу и осмыслению процесса подготовки и открытия второго фронта в Европе, действий англо-американских войск в ходе осуществления Нормандской операции 1944 года, ее взаимосвязи с событиями на советско-германском фронте. В связи с этим характеризуются особенности взаимодействия советских войск и войск союзников по антигитле-

ровской коалиции в Европе при достижении ими общей цели — разгрома войск фашистской Германии.

Книга поможет читателям лучше понять события Великой Отечественной и Второй мировой войн, значение Победы над фашистской Германией для нашей страны и всего человечества, его истории и извлечь из прошлого уроки, необходимые в современных условиях для решения проблем в интересах обеспечения безопасности.

Эту книгу получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 79).

* 60 лет открытия второго фронта в Европе (6 июня 1944 г.). М.: ИД «Мегалир», 2005. 256 с.

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Май
№ 5 (553)
2006 год

- ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 3 **MILITARY ART**
М.А. БОБРОВ — Стратегическое развертывание ВВС Красной армии на западе страны перед Великой Отечественной войной
M.A. BOBROV — Strategic deployment of the Red Army Air Force in the west of the country before the Great Patriotic War
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.** 8 **THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945**
А.И. МИРЕНКОВ — Военно-экономический фактор в Битве под Москвой
A.I. MIRENKOV — Military economic factor in the Battle of Moscow
- НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ** 16 **UNKNOWN FROM THE SPECIAL SERVICES LIFE**
В.И. ЛОТА — Разведывательное обеспечение Балатонской оборонительной операции Красной армии в годы Великой Отечественной войны
V.I. LOTA — Reconnaissance support of the Balaton defense operation of the Red Army during the days of the Great Patriotic War
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 21 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
С.В. КУЛИК — Партизанские соединения на защите Ленинграда
S.V. KULIK — The partisan formations in the defense of Leningrad
- ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 24 **THE BATTLE ALBUM OF «VOYENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL»**
А. ДОШЛОВ — Забайкальцы за Хинганом
A. DOSHLOV — Inhabitants of the Baikal Lake region behind Hingan
- ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ** 26 **COMMANDERS AND CHIEFS**
Командармы Великой Отечественной войны
The Great Patriotic War Army Commanders
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ** 31 **FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
А.В. ЛОБАНОВ — Артиллерия резерва главного командования: вермахт против Красной армии
A.V. LOBANOV — Artillery of the reserve of the WPRA General Headquarters: Wehrmacht versus the Red Army
- ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ** 34 **FAMILY ARCHIVE**
В.Г. КИКНАДЗЕ — Благодарности Верховного Главнокомандующего
V.G. KIKNADZE — Official thanks of the Supreme Commander-in-Chief
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 36 **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
Л.К. МАКОВСКАЯ — «Для увековечения славы победоносного оружия Красной армии...»
L.K. MAKOVSKAYA — "To immortalize the glory of the Red Army victorious arms..."
- ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА** 40 **WORLD WAR II**
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ — Советские войска в Иране. 1941—1946 гг.
N.F. KOVALEVSKY — Soviet troops in Iran. 1941—1946
- ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ** 41 **HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY**
И.В. РЕБРОВА — Мемуары о Великой Отечественной войне как исторический источник
I.V. REBROVA — Memoirs about the Great Patriotic War as a historical source
- СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939—1940 гг.** 44 **SOVIET-FINLAND WAR OF 1939-1940**
Ю.Б. РИПЕНКО — Прорыв «линии Маннергейма»
Yu.B. RIPENKO — Breakthrough of "The Mannerheim line"
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ** 51 **HISTORY OF MILITARY MEDICINE**
В.М. КЛЮЖЕВ, П.В. ИПАТОВ, С.Л. ДЕНИСОВ — «Великий Петр решил... создать свою русскую больницу»
V.M. KLYUZHEV, P.V. IPATOV, S.L. DENISOV — "Peter the Great decided...to create own Russian hospital"
- ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ** 57 **MEMOIRS AND ESSAYS**
О.В. СИВУХИН — Памятный перелет через два океана из Риги в Лиму в 1970 году
O.V. SIVUKHIN — Memorable flight over two oceans from Riga to Lima in 1970
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 61 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
В.В. САВИНКОВ — «Без аннексий и контрибуций» (Публикация В.А. АВДЕЕВА)
V.V. SAVINKOV — "Without annexations and contributions" (Publication by V.A. AVDEEV)
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 66 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
А.Б. СЕЛИФАНОВ — Балтийский флот в Великой Отечественной войне
A.B. SELIFANOV — The Baltic Navy in the Great Patriotic war
- О.А. ЗНАМЕНСКАЯ — Окопный генерал А.Е. Снесарев верно служил Отечеству 67
O.A. ZNAMENSKAYA — Entrenchment general A.N. Snesarev served faithfully to his fatherland
- В.В. СЫСОЕВ — Штурмовые винтовки мира 68
V.V. SYSOEV — Assault rifles of the world
- А.В. МЕДВЕДЕВА — А.А. Свечин об искусстве вождения полка 68
A.V. MEDVEDEVA — A.A. Svechin about an art of leading a regiment
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** ★ ★ **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 69 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
Дополнительные документы об аресте Гимmlера (Публикация О.Н. КОСЕНКО)
Additional documents about Himmler's arrest (Publication by O.N. KOSENKO)
- ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ** 73 **MILITARY PATRIOTIC EDUCATION**
А.А. ЕГЕРЕВ, О.А. ХОТЯГОВ — Летчик-штурмовик А.В. Демехин: «Говорят, я совершил подвиг...»
A.A. EGEREV, O.A. KHOTYAGOV — Attack pilot A.V. Demekhin: "It is said that I accomplished a feat"
- ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА** 74 **MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND**
Е.В. ПАНОВ — Он клятву выполнил
E.V. PANOV — He has kept his oath
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 76 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
С.В. Евдокимов — Воспоминания контр-адмирала (Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)
S.V. EVDOKIMOV — Memoirs of the rear-admiral (Publication by V.A. GOURKOSKIY)
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 78 **TO THE READERS OF «THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE»**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Криптограмма «Генерал М.Д. Скобелев»
A.S. ZHDANOVSKIY — The cryptogram "General M.D. Skobelev"
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 14, 23; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 15, 20, 23, 79; ХРОНОГРАФ — 46; СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ — 40, 50; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 7, 60; ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ — 72; СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80**
SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 14, 23; THE EDITORIAL MAIL OF «VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL» — 15, 20, 23, 79; CHRONOGRAPH — 46; ASK-AND WE SHALLANSWER — 40, 50; THE BOOKSELF OF A MILITARY HISTORIAN — 7, 60; MEMORABLE DATES — 72; INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSE — 80

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ВВС КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАПАДЕ СТРАНЫ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

По взглядам ведущих военных специалистов, эффективность действий советской авиации накануне Великой Отечественной войны во многом определялась характером и качеством проводимой перед боем подготовки, умением командиров и штабов авиационных частей и соединений организовать управление, взаимодействие и всестороннее обеспечение боевых действий. Это в свою очередь зависело от складывавшейся политической обстановки в мире, взглядов на предназначение и роль авиации, количественно-качественного состояния авиационных частей и соединений, характера действий сухопутных войск и авиации противника и многих других условий. Анализ проводившихся мероприятий целесообразен потому, что имевшиеся недостатки отрицательно сказались на эффективности и характере боевых действий авиации Красной армии в начальном периоде войны. Очевидна актуальность этого и в настоящее время, поскольку учет опыта прошлых лет при разработке концепции развития и применения ВВС в современной войне просто необходим. Именно эти обстоятельства попытался отразить в предлагаемой статье ее автор.

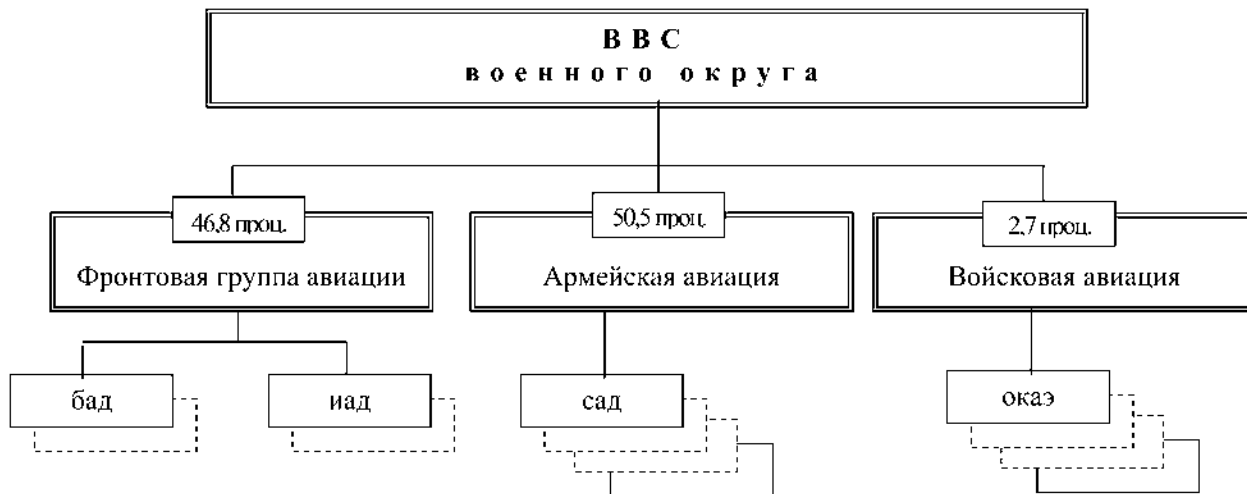
В КОНЦЕ 1930-х годов советское военное руководство предполагало, что в случае войны между СССР и Германией стороны начнут боевые действия лишь частью сил. Непосредственное отражение вторжения агрессора возлагалось на армии прикрытия, которые сосредоточивались у западных границ СССР. Основные же силы должны были развертываться в тылу страны под прикрытием первого эшелона¹. Поэтому и планировалось сначала ведение упорной обороны на государственной границе с опорой на мощные полевые укрепления с целью не допустить продвижения противника на нашу территорию и тем самым обеспечить необходимое время для отмобилизования главных сил, а затем нанесение мощного контрудара и перенос боевых действий на его территорию². Возможность отхода войск в глубокий тыл страны категорически отрицалась.

Решением вопросов применения крупных сил авиации занималось оперативное искусство ВВС, выделившееся в 1930-х годах в самостоятельную отрасль военных знаний. Огромный вклад в разработку основных положений оперативного искусства ВВС внесли такие видные военачальники и ученые, как А.С. Алгазин, П.П. Попов, А.Н. Малиновский, А.Н. Лапчинский, Б.Л. Теплинский, В.В. Хрипин и другие. Согласно этим положениям авиация предназначалась для совместных действий с другими видами Вооруженных сил. Как указывалось в проекте Полевого устава РККА (ПУ-39), «главнейшей задачей авиации являлось содействие

успеху наземных войск в бою и операции»³. Как эту, так и ряд других задач предполагалось выполнять силами бомбардировочной, штурмовой, истребительной и разведывательной авиации. По принадлежности авиационные силы делились на дальнюю бомбардировочную авиацию Главного командования (ДБА ГК), фронтową, армейскую и войсковую авиацию. Первую из них представляли соединения тяжелых бомбардировщиков, которые действовали по плану Главного командования; истребительные и бомбардировочные дивизии, находившиеся в непосредственном подчинении командующих фронтами, — фронтową группу авиации; смешанные авиационные дивизии, входившие в состав общевойсковых армий, — армейскую авиацию; подразделения корректировочно-разведывательной авиации корпусов сухопутных войск — войсковую авиацию (см. схему).

Большое влияние на организационную структуру ВВС перед Великой Отечественной войной оказал опыт Советско-финляндской войны, который, однако, не в полной мере отразил назначение, задачи, формы и способы применения авиации в крупномасштабной войне. Обобщая его, комиссия, возглавлявшаяся Маршалом Советского Союза Г.И. Куликом, сделала вывод, что авиацию необходимо непосредственно подчинить общевойсковым командирам. Продолжением внедрения этой идеи был отчет начальника Главного управления ВВС Красной армии генерал-лейтенанта авиации Я.В. Смушкевича об итогах боевых действий воздушных сил на Карельском перешейке. «С полной несомненностью, — отмечалось в отчете, — доказана необходимость подразделения Военно-воздушных сил на армейскую авиацию, специально предназначенную для взаимодействия с наземными войсками, и оперативную, действующую в интересах операций и войны»⁴. Эти выводы и легли в основу новой организационной структуры ВВС, которая показана на схеме. При данной структуре командующий ВВС Красной армии фактически был лишен возможности управления ВВС военных округов (фронтов), командующие которых могли распоряжаться авиацией по своему усмотрению. Такая структура оставалась практически неизменной до мая 1942 года и, как показал опыт, себя не оправдала.

Анализ действий войск в начальный период войны и состава группировок авиации сторон, развернутых вдоль западной границы СССР, свидетельствует, что советское военное руководство перед фашистской агрессией было недостаточно информировано о замысле предполагаемых действий вермахта. В соответствии же с этим замыслом наиболее сильной группировкой немецких войск являлась группа армий «Центр». Также считалось, что Красная армия сосредоточит на этом направлении свои главные силы как в угрожаемый период, так и в начале войны, а в дальнейшем и на последующих ее этапах. Действия группы армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, включавший до 30 проц. состава всей авиации, развернутой вдоль советской границы (см. табл. 1). Этой группировке противостояли в основном ВВС нашего Западного особого военного округа, куда входили около 25 проц. авиационных соединений приграничных военных округов. Основная же их часть (до 40 проц.) была развернута на юго-западном и южном

Структура фронтовой авиации ВВС Красной армии к лету 1941 года

Составлена по: Материалы 22-й юбилейной военно-научной конференции в Военно-воздушной академии. Моноино: ВВА, 1958. С. 149.

направлениях (см. табл. 2). Как показало дальнейшее развитие событий, такое распределение сил оказалось неверным. Оно отрицательно повлияло на начало и ход вооруженной борьбы и явилось одной из причин больших потерь авиации Красной армии в первые дни войны.

Еще одним существенным недостатком созданной авиационной группировки на территории западных военных округов было низкое качественное состояние ее самолетного парка. Из 7133 имевшихся боевых самолетов на долю новых типов (Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Пе-2, Ил-2) приходилось всего 1448 единиц, что составило всего 20,3 проц. (см. табл. 2). Среди этих самолетов, направленных в приграничные военные округа, 70,5 проц. составляли истребители, 25,5 — бомбардировщики, 1,2 — штурмовики и 2,8 — разведчики⁶. Основная масса самолетного парка — 79,7 проц. в пяти объединениях фронтовой авиации, расположенных у западных границ, была представлена устаревшими типами: истребителями И-15, И-153, И-16, бомбардировщиками ТБ-3, СБ, разведчиками Р-5, Р-З, Р-10, СР.

Укомплектованность авиационных частей и соединений приграничных военных округов личным составом тоже оставляла желать лучшего. Так, в авиации всех пяти округов насчитывалось 5937 боеготовых экипажей, что было на 1196 меньше общего количества имевшихся в

них боевых самолетов. Такое положение складывалось не только среди летного состава — авиационных специалистов других профилей также катастрофически не хватало. Например, в ВВС Западного ОВО укомплектованность едва доходила до 85 проц. При этом укомплектованность летным составом достигала 76, летчиками-наблюдателями и воздушными стрелками-радистами — 100, инженерным и техническим составом — 81, техниками спецоборудования — 75 проц. Это привело к тому, что около 450 самолетов, или более 30 проц. самолетного парка, оказались без экипажей⁶. К этому необходимо добавить и то, что уровень подготовки летного состава к выполнению боевых задач был невысоким. Только 1062 экипажа, или 21 проц. всего боевого состава ВВС приграничных военных округов, могли выполнять боевые задачи днем в сложных метеоусловиях. Еще хуже дело обстояло с подготовкой ночью. В простых метеоусловиях были подготовлены 1080 экипажей (18,2 проц.), а в сложных — всего 44 экипажа (0,7 проц. — в ВВС ЛенВО и ЗапВО; см. табл. 3).

Очень медленно шло переучивание летного состава на новую авиатехнику. Если на 22 июня 1941 года в ВВС западных приграничных военных округов имелись 1448 самолетов новых типов, то экипажей, переучившихся на них, было всего 208⁷. Из этого количества лишь 4 экипажа были подготовлены к выполне-

Таблица 1

Состав группировки ВВС Германии и ее союзников (без ВВС Венгрии) на 1 июня 1941 года

Параметры	В объединениях люфтваффе						Авиация в оперативном подчинении сухопутных войск				ВВС Германии	ВВС сателлитов		Итого в составе авиации противника	
	всего	5 ВФ	1 ВФ	2 ВФ	4 ВФ	не входящие в ВФ	всего	армия «Норвегия»	группа армий «Север»	группа армий «Центр»		группа армий «Юг»	финские		румынские
Всего самолетов	3235	98	592	1367	887	291	669	10	176	244	239	3904	506	504	4914
Всего боевых самолетов, в том числе:	2703	98	530	1252	772	51	562	10	139	216	197	3265	506	504	4275
БА ИА РА	1519	66	271	822	360	-	-	-	-	-	-	1519	236	132	1887
	965	12	203	384	366	-	-	-	-	-	-	965	161	204	1330
	219	20	56	46	46	51	562	10	139	216	197	781	109	168	1058
Транспортные и связи	532	-	62	115	115	240	107	-	37	28	42	639	-	-	639

Составлена по: 1941 год — опыт планирования и применения Военно-воздушных сил, уроки и выводы. Материалы военно-научной конференции руководящего состава ВВС (к 70-летию СА и ВМФ). М., 1989. С. 33.

Таблица 2

Состав группировки ВВС РККА западных приграничных военных округов на 22 июня 1941 года

Род авиации	Количество самолетов					Удельный вес родов авиации, проц.	Количество самолетов новых типов и их удельный вес, проц.	Количество неисправных самолетов и их удельный вес, проц.	Всего самолетов
	ЛенВО	ПрибВО	ЗапВО	КОВО	ОдВО				
Бомбардировочная	308	425	695	516	268	31	360; 16,3	213; 12,3	2212
Истребительная	857	621	870	1238	640	59,2	102,2; 24,2	562; 13,3	4226
Штурмовая	74	93	70	80	—	4,5	18; 6	26; 8,2	317
Разведывательная	31	72	154	79	42	5,3	48; 13	58; 15,3	378

Составлена по: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 73965. Д. 2. Л. 8.

Таблица 3

Количество экипажей и уровень подготовки летного состава ВВС приграничных округов на 22 июня 1941 года

Военные округа	Всего	Количество экипажей					Подготовлено экипажей к ведению боевых действий							
		Рода авиации					днем в простых метеословиях		днем в сложных метеословиях		ночью в простых метеословиях		ночью в сложных метеословиях	
		БА	ИА	ША	РА	корректировочная авиация	кол-во экипажей	в проц.	кол-во экипажей	в проц.	кол-во экипажей	в проц.	кол-во экипажей	в проц.
ЛенВО	1249	289	799	62	41	58	1135	91	323	26	314	25,1	27	2,2
ПрибВО	957	381	418	93	10	55	787	82	154	16	126	13,2	-	-
ЗапВО	1343	456	549	70	159	109	1289	96	285	21	242	18,0	17	1,3
КОВО	1683	449	895	117	78	144	1547	92	508	30	359	21,3	-	-
ОдВО	705	192	401	—	47	65	699	99	21	3	39	5,6	-	-
Итого:	5937	1767	3062	342	335	431	5457	92	1062	17,9	1080	18,2	44	0,7

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 296. Л. 31—33; Ф. 362. Оп. 6169. Д. 6. Л. 234; Ф. 290. Оп. 3284. Д. 3. Л. 224.

Таблица 4

Состояние аэродромной сети ВВС РККА западных приграничных военных округов на 1 мая 1941 года и план ее развития

ВВС военных округов	Количество аэродромов		Строилось в 1941 году					Всего должно быть к концу 1941 года	Проц. обеспеченности
	требовалось	имелось в наличии	по основному плану		по дополнительному плану новых и дооборудованных	Всего новых			
			новых аэродромов	в том числе с ИВПП					
ЛенВО	277	86	11	6	27	38	124	45	
ПрибВО	78	58	-	-	20	20	78	100	
ЗапВО	160	112	39	9	-	39	151	94	
КОВО	527	150	88	3	286	374	524	100	
ОдВО	700	64	9	1	-	9	73	100	
Всего:	1112	470	147	19	333	480	950	85	

Составлена по: Бабкин В.Д. Опыт подготовки и ведения боевых действий объединений и соединений фронтовой авиации в начальный период Великой Отечественной войны и его значение для современных условий: Дисс. ... канд. истор. наук./ Воен.-возд. акад. им. Ю.А. Гагарина. Монино, 1989. С. 30.

нию боевых задач днем в сложных, а ночью в простых метеословиях.

Начавшееся наращивание авиационной группировки в западных округах потребовало ускоренного развития аэродромной сети, поскольку существовавшая система уже не обеспечивала рассредоточенного базирования действующих и вновь образованных авиационных соединений и частей. В большей степени это касалось областей, присоединение которых к территории СССР произошло в 1939—1940 гг. Имевшихся там аэродромов было явно недостаточно для размещения на них прибывающих и формируемых авиачастей и соединений. Кроме того, многие аэродромы не имели необходимого оборудования, складов ГСМ, средств связи, коммуникаций и подъездных путей. В дополнение к этому почти все они могли обеспечить полеты самолетов только старых типов, а в период весенне-осенней распутицы становились непригодными к эксплуатации. Взлетно-посадочные полосы (ВПП) с искусственным покрытием, с которых полеты можно было производить круглогодично, имелись только на 19 аэродромах (табл. 4). На 22 июня 1941 года из имевшихся в западных приграничных военных округах 626 аэродромов 135 реконструиро-

Таблица 5

Состав группировки дальнебомбардировочной авиации Главного командования на 22 июня 1941 года

Соединения	Тип самолетов				Всего
	ДБ-3	ДБ-3Ф (Ил-4)	ТБ-3	ТБ-7	
1 ДБАК (Новгород)	95	112	68	-	275
2 ДБАК (Курск)	132	115	5	-	252
3 ДБАК (Смоленск)	1	201	93	-	295
4 ДБАК (Запорожье)	94	251	4	-	349
18 ДБАД (Скоморохи)	-	121	38	9	168
Итого:	322	800	208	9	1339
Количество неисправных самолетов	62	61	34	8	171

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 21883. Д. 4. Л. 251.

Количество экипажей и уровень подготовки летного состава ДБА ГК на 22 июня 1941 года

ДБА ГК	Количество экипажей	Подготовлено к боевым действиям				Переучивались и вводились в строй
		днем		ночью		
		простые метеоусловия	сложные метеоусловия	простые метеоусловия	сложные метеоусловия	
Общее количество	951	928 97,6 проц.	223 23,4 проц.	112 11,8 проц.	24 2,5 проц.	23 2,4 проц.
На новых самолетах	12 1,3 проц.	12 1,3 проц.	—	—	—	—

Составлена по: Материалы 22-й юбилейной военно-научной конференции. Монино: ВВА, 1958. С. 236, 237.

Таблица 7

Общая численность самолетного парка авиационных группировок, созданных СССР у западных границ к 22 июня 1941 года

Авиационные группировки	Рода авиации				Всего самолетов
	ИА	БА	ША	РА	
ВВС западных приграничных военных округов	4226	2212	347	378	7133
ДБА ГК	-	1339	-	-	1339
ВВС ВМФ	763	217	120	345	1445
Итого:	4989	3768	437	723	9917
Соотношение родов авиации	50,3 проц.	38 проц.	4,4 проц.	7,3 проц.	100 проц.

Составлена по: Бабкин В.Д. Указ. соч. С. 165.

вались. Кроме того, 141 аэродром находился в стадии строительства, окончить которое планировалось в том же году⁸. Анализ показывает, что для 117 аэродромов, входивших в состав пяти приграничных округов, такое количество аэродромов вполне могло обеспечить рассредоточенное базирование всей фронтовой авиации (на 1 авиационный полк приходилось 4 аэродрома). Но в большинстве своем оперативные аэродромы не были подготовлены для нормального функционирования авиационных частей. Так, только 61 из 155 имевшихся в наличии ВВС Западного ОВО оперативных аэродромов был оборудован бензоемкостями (открытого типа)⁹. Кроме того, к ним не подводились линии проводной связи, что лишало базировавшиеся на них авиачасти полноценного функционирования и управления ими.

С целью решения этой проблемы было создано Главное управление аэродромного строительства, а для ускоренного проведения строительных работ к июню 1941 года сформировали 100 аэродромно-строительных батальонов. В целом по уточненному плану строительства ВПП, утвержденному 24 марта 1941 года СНК и ЦК ВКП(б), все пять приграничных военных округов должны были иметь к концу этого года 950 аэродромов (постоянных и оперативных)¹⁰.

Глубина базирования авиационных частей и соединений в среднем составляла: для истребительной и штурмовой авиации — 60—110 км, для бомбардировочной — 120—300 км. Однако отдельные истребительные части базировались на глубину до 400—450 км от госграницы (ЗапВО и КОВО), тогда как ряд аэродромов для них находились в непосредственной близости от госграницы. Так, аэродром Далубово (126 иап 9 сад) находился в 10 км от границы, Чунев (28 иап 15 сад) — в 15 км, а Черновцы (149 иап 64 иад) — в 20 км, причем большая часть самолетов новых типов находилась на передовых аэродромах. Общая глубина базирования ВВС приграничных военных округов доходила до 370—500 км. Такая организация аэродромной сети для фронтовой авиации, с одной стороны, заранее обрекала значительную часть нашей авиации на явное ее уничтожение с самого начала боевых действий, а с другой — не могла обеспечить своевременную и эффективную поддержку обороняющихся сухопутных войск.

Глубина же базирования соединений и частей ДБА ГК, в которых имелись в общей сложности 1339 самолетов (см. табл. 5), составляла от 300 до 900 км, при

этом основная их часть базировалась в полосе 600—800 км от госграницы. Такая большая глубина базирования хотя и повышала живучесть ДБА ГК, но и одновременно существенно сокращала глубину воздействия на противника, особенно на самолетах устаревших типов, численность которых доходила до 60—70 проц., а неисправных летательных аппаратов — 12,3 проц. Из общего количества экипажей только 23,4 проц. были подготовлены для действий

днем в сложных, 11,8 — ночью в простых и 2,5 — ночью в сложных метеоусловиях (см. табл. 6). Из этого следует, что частям ДБА ГК были присущи те же недостатки, что и фронтовой авиации.

В целом к началу Великой Отечественной войны Советский Союз имел на западе от отражения агрессии с учетом ВВС приграничных военных округов, ДБА ГК и авиации флота достаточно многочисленную авиационную группировку, насчитывавшую около 10 000 боевых самолетов (см. табл. 7). Анализ соотношения родов авиации показывает, что авиационная группировка в большей степени была способна выполнять оборонительные, а не наступательные задачи.

Как уже упоминалось, значительная часть (50 проц.) фронтовой авиации находилась в подчинении командующих общевойсковыми армиями. Поскольку эти силы предназначались для действий в тесном взаимодействии с сухопутными войсками, чрезвычайно важно было обеспечить гибкое и непрерывное управление. Для этих целей в соединениях сухопутных войск предполагалось создать развитую систему пунктов управления и широко осуществлять в общевойсковых штабах авиационное представительство. Однако реализовать эти замыслы с началом войны не удалось. Для организации системы наведения и целеуказания самолетам в соединениях сухопутных войск у авиационного командования не было ни сил, ни средств. В результате начавшейся в марте 1941 года реорганизации части авиационного тыла и входившие в них подразделения связи были выведены из состава авиационных соединений. Таким образом, была ликвидирована основа для создания авиационных пунктов управления в сухопутных войсках. Невозможность создания соответствующей развитой системы обуславливалась и низкой мобильностью авиационной связи, базировавшейся на проводных средствах, а также ее высокой уязвимостью для воздействия противника. Об этом красноречиво свидетельствует опыт начального периода Великой Отечественной войны. Известно, что в ночь на 22 июня 1941 года в тыл советских войск было заброшено большое количество диверсионных групп (численностью от 4—5 до 15—20 человек в каждой) с задачей нарушить проводные линии связи, дезорганизовать управление войсками. В первые же часы боевых действий эти группы совместно с фашистской авиацией вывели из строя большое количество радиостанций, узлов и линий государственной и военной связи. В результате надолго

было потеряно управление отдельными соединениями и частями фронтовой авиации.

Отсутствие связи между пунктами управления сухопутных войск и авиацией в воздухе, а также примитивная организация обозначения переднего края приводили к тому, что удары наносились на значительном удалении от своих войск. Это не позволяло поддерживать ударам авиации в полной мере использовать результаты ударов авиации.

Затраты времени на сбор и передачу заявок на применение авиации, прохождение их в штабах, постановку задач и подготовку экипажей обуславливали невозможность перенацеливания авиации на решение вновь возникающих задач. Как правило, заявки общевойсковых штабов удовлетворялись бомбардировочными и штурмовыми авиационными частями и подразделениями только на следующий день. Имелось и множество других недостатков в управлении авиацией.

ТАКИМ образом, советские ВВС перед началом Великой Отечественной войны не имели хорошо отлаженной системы управления. Пункты управления не были развернуты полностью. Наземная связь не обеспечивала надежное управление войсками, в частях и подразделениях ощущался большой некомплект в средствах связи и специалистах. Управление авиационными соединениями, частями и подразделениями в воздухе по радио было отработано слабо из-за острого недостатка самолетных и наземных радиостанций, их ограниченных возможностей и неумелого применения личным составом. Это в значительной степени предопределило несвоевременное приведение авиационных соединений и частей в боевую готовность.

Проведенный анализ созданной у западных границ Советского Союза в первой половине 1941 года авиационной группировки показал, что боеготовность ВВС военных округов на западе оставалась низкой. Это обуславливалось укомплектованностью ее соединений и частей в большей степени устаревшими типами самолетов, значительным количеством неисправных машин, незавершенностью перевооружения и переучивания летного состава на новую материальную часть, некомплексом летного и инженерно-технического состава, плохо организованной системой управления, невысокой оперативно-тактической подготовкой командного состава, слабым развитием аэродромной сети и сложностями в тыловом обеспечении.

Все это свидетельствует о том, что противник получил значительные преимущества, что оказало огромное влияние на неблагоприятный для советских ВВС исход боевых действий в начальный период Великой Отечественной войны. Эти факторы необходимо учитывать в оперативной и боевой подготовке современных ВВС России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начальный период войны (по опыту первых кампаний и операций второй мировой войны). М.: Воениздат, 1974. С. 204, 205.

² Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М.: Воениздат, 1965. С. 31.

³ Полевой устав РККА 1939 г.: Проект (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939. С. 52.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 7395. Д. 2. Л. 56—62.

⁵ Там же. Оп. 11285. Д. 213. Л. 19; Ф. 362. Оп. 6169. Д. 6. Л. 16; Д. 234. Л. 9—13.

⁶ Там же. Ф. 29. Оп. 3284. Д. 4. Л. 20.

⁷ Там же. Ф. 35. Оп. 107559. Д. 5. Л. 116—163, 170—207.

⁸ 1941 год — уроки и выводы. Научно-исследовательская работа. Мононо: Изд-во ВВА, 1987. С. 36.

⁹ Бабкин В.Д. Указ. соч. С. 31.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11282. Д. 32. Л. 49—75.

Полковник М.А. БОБРОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Военные парады на Красной площади

Обложка книги

ОСОБЕ место в истории нашего Отечества занимают военные парады, проводимые на Красной площади. Мавзолей, Кремлевская стена, Успенский собор, памятник Минину и Пожарскому — все это неотделимо от ее величественного облика. Традиция проведения парадов на Красной площади берет свое начало с 1 мая 1918 года, когда в Москве состоялся первый военный парад.

История парадов — это живая картина преобразования боевой мощи Вооруженных сил страны, история боевых традиций всего нашего народа. В военных парадах на Красной площади принимают участие личный состав всех видов Вооруженных сил и родов войск. В послевоенное время Военно-морской флот на парадах представляли курсанты высших военно-морских училищ (ныне — институтов).

К 65-летию начала Великой Отечественной войны Калининградское региональное отделение Академии военных наук и Академии военно-исторических наук издало специальный выпуск научного военно-исторического сборника «Флагман». Выпуск сборника посвящен участию Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф. Ушакова в военных парадах на Красной площади. Пять раз институт (ранее — 2-е Балтийское высшее военно-морское училище (ВВМУ), Балтийское ВВМУ подводного плавания, Калининградское ВВМУ) принимал участие в военных парадах, в том числе — в параде 9 мая 2005 года, посвященном 60-летию Великой Победы.

Авторский коллектив сборника под руководством доктора педагогических наук, доцента вице-адмирала А.А. Римашевского сумел подготовить уникальный материал, основанный на документах Центрального военно-морского архива (г. Гатчина), исторического архива института и личных архивов участников военных парадов на Красной площади. В выпуске также представлен очерк кандидата исторических наук, доцента полковника Ю.В. Зенкова — участника ленинградских парадов 1951—1955 гг. Информативно насыщенный и богат иллюстрированный сборник будет полезен всем интересующимся военной историей России, историей военных парадов и военно-образования нашего Отечества.

* Флагман. Научный военно-исторический сборник Калининградского регионального отделения Академии военно-исторических наук. Калининград. 2005. № 8. 96 с.

Война Аргентины и Великобритании за Фолклендские острова в 1982 году

Обложка книги

НЕОСЛАБЕВАЮЩИЙ интерес отечественных военно-научных и военно-исторических кругов вызывает опыт вооруженного конфликта между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские (Мальвинские) острова в 1982 году. Одним из комплексных отечественных исследований военно-исторического опыта Англо-аргентинского конфликта 1982 года стала монография* доктора военных наук, доцента капитана 1 ранга запаса Е.Ф. Лосева.

Обращение автора к теме Фолклендской войны, также известной как война у Фолклендских островов, Мальвинская война и Южно-Атлантическая война, продиктовано следующим: во-первых, все публикации начала 80-х годов XX века готовились на основании материалов, не отличавшихся полнотой и объективностью содержания; во-вторых, военно-исторический опыт Англо-аргентинского конфликта отражен не утратившие до сих пор актуальности взгляды на применение военно-морских сил и авиации в вооруженной борьбе.

В свете этого исследование построено на значительно расширенной по сравнению с предыдущими работами по этой тематике историографической базе и новых источниках, причем как зарубежных, так и отечественных. Это позволяет читателям не только проследить общую хронологию событий, но и познакомиться с замыслом действий сторон, особенностями оперативного развертывания, тактикой действий, преимуществами и недостатками боевого применения сил и средств.

Монография состоит из 12 глав, материал подан в хронологическом порядке. Основное внимание в ней уделено особенностям боевого применения ВМС, оперативно-тактическим вопросам использования новых систем оружия и техники. Помогают восприятию материала многочисленные фотографии, схемы, таблицы и другие иллюстрации.

Военно-исторический опыт Англо-аргентинского конфликта 1982 года, обобщенный в монографии, обладает достаточной теоретической ценностью и практической значимостью. Многие сделанные автором выводы подтверждают неизменность принципов военного искусства для современных войн, прежде всего принципа крайнего напряжения сил, соблюдение которого позволило Великобритании выиграть войну. В то же время, в очередной раз была опровергнута английская теория «ограниченных войн». Монография заслуживает внимания специалистов, военных историков и всех интересующихся историей войн, военно-морского флота и авиации.

* Лосев Е.Ф. Англо-аргентинский конфликт 1982 года. Монография. Калининград: Балтийский ВМИ им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2006. 111 с. ил.

Капитан 3 ранга В.Г. КИХАДЗЕ

По вопросам приобретения книги обращаться: (4012)73-86-13; Losev1947@mail.ru

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ и в первую очередь военно-исторические факты свидетельствуют, что во все времена войны велись и ведутся исключительно на материальной основе, а цели их всегда преследовали и преследуют в итоге экономические выгоды для страны (стран) агрессора.

Фашистская Германия, вступив на путь агрессивных войн, стремилась к расширению своего «жизненного», территориально-экономического пространства. Начиная войну против Советского Союза, гитлеровцы возлагали большие надежды на оккупацию его огромной территории, использование его экономики, природных богатств, трудовых ресурсов. Заранее была разработана специальная программа экономического использования захваченных территорий СССР — «Ольденбург», являвшаяся составной частью плана нападения на СССР «Барбаросса». Эта программа была детализирована в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка» Геринга), созданы штаб «Ольденбург» и хозяйственные инспекции для районов Ленинграда («Гольштейн»), Москвы («Заксен»), Киева («Баден») и Баку («Вестфален»). Стремление овладеть природно-экономическим потенциалом СССР сочеталось с ярко выраженными расовыми и идеологическими установками, что придавало немецко-фашистской агрессии особо опасный характер.

Да, враг был действительно сильным и коварным, имевшим хорошо вооруженную, отмобилизованную, с опытом ведения современной войны армию. Исполняя внезапность нападения, главная группировка немецко-фашистских войск через 4 месяца оказалась в Московском регионе. Причины неудач Красной армии в начале войны известны, о них достаточно аргументированно было сказано самими различными авторами.

Здесь следует упомянуть вот о чем. Нередко высказывается мнение, что Советский Союз в военно-экономическом отношении не предпринимал мер для подготовки к отражению агрессии. Между тем архивные источники и другие

исторические материалы свидетельствуют, что руководство страны делало очень многое, нередко в ущерб благосостоянию народа, для укрепления обороноспособности государства. Увеличивалось производство военной продукции, росли государственные резервы. На протяжении трех лет третьей пятилетки (1938—1940) ежегодный прирост продукции всей промышленности составлял в среднем 13 проц., в то время как оборонной — 39 проц.¹ В первой половине 1941 года Советский Союз превзошел Германию, в то время уже отмобилизовавшую свою экономику в связи с войной на Западе, по ежемесячному производству артиллерийских орудий на 17 проц., минометов — на 40 проц. и стрелкового оружия — на 10 проц.² Правда, Германия производила ежемесячно на треть больше самолетов и танков на 70 проц. — автомобилей, к тому же советская промышленность выпускала часть оружия устаревших образцов. СССР превосходил фашистскую Германию в 4 раза по производству нефти, в то же время уступал ей на 30—40 проц. в производстве угля, чугуна, стали, электроэнергии. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал: «Конечно, СССР в короткие сроки не мог выполнить все военно-экономические планы, и вполне естественно, что фашистская Германия, захватив экономику западноевропейских государств, к началу войны значительно превосходила СССР в военно-экономическом отношении»³.

Да, это факт, что в результате допущенных промахов из имевшихся в войсках Красной армии на 22 июня 1941 года 22,6 тыс. танков к концу года осталось 2100, из 20 тыс. боевых самолетов — 2100, из 112,8 тыс. орудий и минометов — всего около 12,8 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов — 2,24 млн.⁴ Без восполнения таких потерь, причем в кратчайшие сроки, вооруженная борьба с агрессором стала бы просто невозможной. Значительное количество запасов материальных средств, находившихся на территории западных особых военных округов, в начальный период войны при быстром продвижении немецких войск

в глубь нашей страны было уничтожено или досталось врагу.

Уже к 10 июля 1941 года в оккупированных районах оказалось 68 проц. складов, дислоцированных на территории западных приграничных округов⁵. Только Западный фронт за первые 18 дней войны лишился 1766 вагонов боеприпасов, более 17,5 тыс. т горючего, 2038 т смазочных материалов, 60 проц. запасов продовольствия и фуража, всех запасов вещевого имущества⁶.

Кроме того, уже в первые месяцы войны более полутора тысяч крупных промышленных предприятий, как мы теперь говорим, из состава военно-промышленного комплекса, прекратили выпуск столь нужной фронту продукции. Они были свернуты и двигались на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию... По сути, на восток перемещалась целая индустриальная держава.

САМЫМИ критическими месяцами в состоянии военной экономики СССР оказались ноябрь и декабрь 1941 года. Из-за военных потерь и эвакуации тысяч предприятий валовая продукция промышленности с июня по ноябрь уменьшилась в 2,1 раза⁷.

Сложившееся критическое положение все же повергло руководство страны и Вооруженных сил в шок или растерянность, как это пытаются представить современные авторы. Напротив, предпринимались самые энергичные меры по выправлению ситуации. ЦК ВКП(б), Государственный Комитет Обороны, Совет Народных Комиссаров работали с предельным напряжением сил, мобилизуя все ресурсы страны для помощи Красной армии.

Программа военной перестройки экономики СССР предусматривала: всемерное развитие военного производства за счет переключения на нужды обороны основных государственных ресурсов; создание новых мощностей военного производства и переключение на выполнение оборонных заказов значительной части гражданского производственного потенциала; перебазирование предприятий из прифронтовой полосы и угрожаемых районов в восточные районы страны и их пуск в кратчайшие

сроки; максимальную мобилизацию людских ресурсов, интенсификацию и повышение производительности труда.

В целях повышения оперативности в работе органов тыла и обеспечения большей централизации планирования и организации всестороннего тылового обеспечения Вооруженных сил постановлением ГКО от 28 июля и приказом наркома обороны СССР от 1 августа 1941 года были созданы Главное управление Тыла Красной армии и управления тыла во фронтах и армиях. Объединивший ранее разрозненные тыловые службы в единый самостоятельный и дееспособный организм, Тыл Красной армии оказался способным принять от народного хозяйства страны колоссальное количество военной продукции и подать в действующую армию через все звенья снабжения вплоть до танка, самолета, орудия, военнослужащего.

Осенью 1941 года немецко-фашистское командование сосредоточило на московском направлении огромные силы, предполагая одним ударом прорвать нашу оборону и занять советскую столицу. Учитывая нависшую опасность, Государственный Комитет Оборона 14 октября 1941 года принял решение об эвакуации из Москвы и Московской области оборонных и других важных заводов. Завод «Фрезер» эвакуировался в Томск, «Калибр» — в Челябинск, 1-й Государственный шарикоподшипниковый — в Саратов, Куйбышев и Томск, «Москабель» — в Томск, электромашиностроительный завод «Динамо» частично перебазировался в Миасс, Подольский аккумуляторный завод — в Тюмень и т.д. Многие эвакуированные в тыл предприятия становились базой новых заводов, в кратчайшие сроки переходивших к выпуску военной продукции. Из Москвы и области были вывезены полностью или частично около 500 крупных промышленных предприятий (одновременно были эвакуированы свыше 1,5 млн. человек)⁸. Всего во втором полугодии 1941 года из прифронтовых областей страны были перебазированы, в основном на восток, 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных, главным образом военных⁹. Оставшиеся в

прифронтовой полосе предприятия продолжали напряженно работать, обеспечивая нужды фронта. Особенно большую роль сыграли производительные силы Центрального промышленного района (Москва, Тула и другие центры). Хотя в ноябре 1941 года около 40 проц. территории Московской области было оккупировано противником, трудящиеся столицы и области снабжали фронт боеприпасами, снаряжением, продовольствием.

В ноябре 1941 года, когда немецко-фашистская пропаганда превращала близкое падение Москвы, ГКО утвердил представленные наркоматами графики ввода в строй эвакуированных заводов, а также графики производства различных видов вооружения и боеприпасов. Предприятия Наркомавиапрома на восстановленных и действовавших заводах обязаны были к концу декабря выпускать в сутки 73 самолета (42 истребителя, 17 бомбардировщиков, 14 штурмовиков). Танковые заводы в последней декаде января 1942 года должны были в соответствии с графиком достигнуть ежесуточного производства 140 машин — выпускать 42 танка Т-34, 20 танков КВ, 78 легких танков Т-60 и Т-50¹⁰.

В ПЕРИОД Битвы под Москвой, несмотря на труднейшие условия военного времени, оборонная промышленность уже с конца 1941 года начала выпускать такое количество боевой техники, которое позволяло не только восполнять потери, но и улучшать техническое оснащение Красной армии. Защищавшие столицу танкисты и летчики, артиллеристы и пехотинцы стали во всевозрастающем количестве получать боевую технику, в бою ощущали крепнущую помощь тыла. Количество вооружения в войсках Западного фронта к декабрю 1941 года по отдельным его видам возросло от 50—80 до 370—640 проц.¹¹. Оружием обеспечивались 1-я ударная, 20 и 10-я армии, сформированные в глубине страны и переданные к началу контрнаступления под Москвой в состав Западного фронта.

В целом изменение соотношения основных видов вооружения на советско-германском фронте к концу 1941 года видно из табл. 1.

За пять месяцев Красная армия истребила столько немецко-фашистских войск и германской боевой техники, что Гитлер и его штаб вынуждены были забыть о «блицкриге», на который они рассчитывали в начале войны. Противник испытывал серьезный кризис в вооружении и боеприпасах; экономика Германии даже с помощью ресурсов покоренных стран была не в состоянии возмещать огромные потери в технике на советско-германском фронте. По свидетельству Ф. Гальдера и А. Шпеера, в конце 1941 года немецкая армия могла расходовать снарядов лишь около 35 проц. по сравнению с расходами в начале войны¹².

Испытав на себе силу ударов советских танков под Москвой, командующий 2-й танковой армией Г. Гудериан сожалел о том, что германская промышленность не может создать такие же танки, как Т-34. Конструкторов смущала, писал он, «невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших частей Т-34, особенно алюминиевого двигателя мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось из-за нехватки необходимого сырья, также уступала легированной стали русских»¹³. «В начале октября 1941 г. восточнее Орла, — отмечал знаток бронетанкового вооружения Э. Шнейдер, — русские танки Т-34 показали нашим привыкшим к победе танкистам свое превосходство в вооружении, броне и маневренности»¹⁴. Во втором полугодии 1941 года авиационной промышленностью СССР было произведено 1293 превосходных штурмовиков Ил-2 (в первом полугодии — 249), 1867 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 (в три раза больше, чем в первом полугодии), 2141 истребитель ЛаГГ-3 (вместо 322 в первом полугодии)¹⁵. Для полевой артиллерии за вторую половину 1941 года только 76-мм пушек было выпущено свыше 4000, что в несколько раз превышало уровень их производства в 1940 году¹⁶. 45-мм противотанковых пушек было выпущено почти столько же, сколько за весь 1940 год. Резко возросло производство 25-, 37- и 85-мм зенитных пушек. А производство авиационных пушек превышало уровень первого полугодия почти в 10 раз.

Таблица 1

На какое число	Действующая армия СССР				Действующие силы Германии и ее союзников			
	Люди, млн. человек	Танки	Орудия и минометы	Боевые самолеты	Люди, млн. человек	Танки и штурмовые орудия	Орудия и минометы	Боевые самолеты
22 июня 1941 года	2,9	9170	46 830	8453	5,5	3712	50 000	4950
1 декабря 1941 года	4,2	1984	32 194	3688	4,7	1453	36 033	2465

Составлена по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 156—157, 291.

Таблица 2

Производство вооружения и боевой техники в СССР в 1941 и первом полугодии 1942 года

Вооружение и боевая техника	Первое полугодие 1941 г.	Второе полугодие 1941 г.	Первое полугодие 1942 г.
Танки, тыс. шт.	1,8	4,8	11,2
Боевые самолеты, тыс. шт.	4,0	8,2	8,3
Орудия, тыс. шт.	10,0	30,2	53,6
Минометы, тыс. шт.	10,5	42,3	122,8
Пулеметы, тыс. шт.	42,8	106,2	134,6
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	3,1	89,7	535,4
Винтовки и карабины, млн. шт.	0,8	1,56	2,0

Составлена по: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 4. С. 78.

До сего времени раздаются голоса, что «не было бы ленд-лиза, не было бы и Победы». Это, конечно, не так. От союзников по антигитлеровской коалиции было получено танков — около 12 проц. от выпуска советских танковых заводов (включая САУ), самолетов — до 15 проц. самолетного парка, поставлялись также тракторы, автомобили, средства радио- и телефонной связи, автоматическое оружие, взрывчатые вещества, промышленное сырье и продовольствие, но при этом общий объем поставок союзников не превысил 4 проц. валового продукта народного хозяйства СССР за военные годы¹⁷. «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте»¹⁸, — отмечал Г. Гопкинс, ближайший помощник американского президента Ф. Рузвельта. Необходимо также сказать, что основной объем поставок по ленд-лизу пришелся на 1943—1944 гг., когда СССР уже добился коренного перелома в войне. В Советском Союзе ценили помощь союзников, высказывали признательность и благодарность, однако эти поставки не могли иметь решающего значения в разгроме Германии и ее сателлитов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ мощь нашего государства, высокая мобильность военно-промышленного комплекса позволили в суровых и сложных условиях военного времени не только ликвидировать временное превосходство Германии в производстве вооружения, боевой техники и других видов материальных средств, но и превзойти ее как по количеству, так и по качеству вооружения (см. табл. 2).

Касаюсь такого важного вопроса, как обеспеченность войск боеприпасами, возьмем, к примеру, тот же Западный фронт. В сентябре 1941 года снабжение частей и

соединений фронта боеприпасами было удовлетворительным, что позволяло им вести активные боевые действия. Но вот приближается октябрь. Противник предпринимает мощное наступление, заставляя наши войска отходить. Ситуация такая, что приходится взорвать склады, размещенные в треугольнике Ржев — Гжатск — Вязьма, где была сосредоточена большая часть запасов фронта. Промышленность не имеет возможности полностью обеспечить потребности войск. Главное артиллерийское управление вынуждено не только ограничить отпуск боеприпасов со складов центра, но в целях строгой регламентации даже возвращать назад уже отправленные эшелоны. Фронт в октябре получает только 3862 вагона с боеприпасами. По этим и ряду других обстоятельств наступает так называемый снарядный голод. Подобная ситуация наблюдается и в войсках других фронтов, принимающих участие в Битве под Москвой.

Даже к началу контрнаступления Западный фронт имел в наличии не вполне достаточное количество боеприпасов, необходимых для выполнения поставленных задач (см. табл. 3).

В обеспечении боеприпасами в первую очередь нуждались армии правого и левого крыльев фронта, которые должны были наносить

главные удары с флангов по вклинившемуся противнику, но сжатые сроки подготовки тыла к операции не позволили это сделать. Наличие у армий центра боеприпасов в больших размерах объяснялась также близостью к ним центральных складов и наличием в их районах хороших дорог.

Благодаря тому, что военная промышленность постепенно набирала мощность, Западный фронт в ноябре получил уже 5187 вагонов с боеприпасами, в декабре — 11 611 вагонов, а в январе — 19 941 вагон¹⁹. В период контрнаступления наибольший среднесуточный расход боеприпасов в войсках Западного фронта был по выстрелам 122-мм гаубиц и пушек (0,1 боекомплекта), а также по 107-мм и 120-мм минометам (0,12 боекомплекта)²⁰.

Кроме того, большое количество боеприпасов в войска было доставлено автомобильным транспортом со складов центра. Только в московском парке «Сокольники» были размещены 12 автобатальонов резерва Верховного Главнокомандования (по 500 машин в каждом), загруженных боеприпасами, которые использовались по решению Ставки.

В качестве примера можно привести следующий эпизод. Однажды И.В. Сталин вызвал генерал-майора М.П. Миловского, начальника штаба Тыла Красной армии, и приказал ему лично вести один из автобатальонов с боеприпасами в район Мценска. Миловский выполнил задачу, доставил боеприпасы на огневые позиции артиллерии, а также в танковую бригаду М.Е. Каткуова, что оказалось для войск крайне своевременным. И позднее в ходе контрнаступления Сталин неоднократно поручал генерал-майору Миловскому доставку боеприпасов на фронт. Однажды, по возвращении из района Клина, генерал был вызван в Кремль. Здесь произошел такой разговор:

— Что вы увидели непосредственно на передовой? — спросил Сталин.

— На одной из остановок у до-

Таблица 3

Обеспеченность боеприпасами армий Западного фронта по состоянию на 5 декабря 1941 года (в боекомплектах)

Вид боеприпасов	В армиях правого крыла (30, 1 и 16-й)	В армиях центра (5, 33 и 43-й)	В армиях левого крыла (50 и 49-й)
Винтовочные патроны	1,8	1,8	1,7
Мины	1,2	2,8	2,6
Артиллерийские выстрелы	1,4	2,5	2,1

Составлена по: Ковалишин А.Ф. Организация и работа Тыла Западного фронта в Битве под Москвой. М.: Воениздат, 1958. С. 63; данных об обеспечении боеприпасами 10-й и 20-й армий в архиве не сохранилось.

роги лежали запорошенные снегом трупы немецких солдат. Подойдя к ним и смахнув палочкой снег с лица, я увидел, что солдат подстрижен, а виски подбриты, — ответил Миловский.

Подумав, Сталин, обращаясь к членам ГКО, находившимся в его кабинете, сказал: «Ну, что я говорил? Враг еще не разбит, в его частях поддерживается нужный порядок, давайте думать, что делать дальше...»²¹.

Здесь необходимо отметить и такое обстоятельство. В конце октября приказом наркома обороны СССР были введены лимиты на расход боеприпасов. «На первых порах против лимитов ополчились многие», — писал впоследствии начальник Тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев, но когда разобрались, то оказалось, что система лимитирования «заставила войска считать свои ресурсы, искоренять расточительство, экономно и разумно использовать все, что давала страна фронту. Она позволила ощутительно сократить расход боеприпасов и других средств снабжения и накапливать запасы для последующих операций»²².

В ПЕРИОД Битвы под Москвой сложные задачи пришлось решать такому органу Тыла Красной армии, как Управление снабжения горючим. Кроме обеспечения горючим войск фронтов, оно снабжало им также автотранспортные части, использовавшиеся для эвакуации промышленных предприятий из Москвы. В связи с эвакуационными перевозками железнодорожный транспорт был перегружен, что осложняло подвоз горючего в столицу и нефтяного сырья на Люберецкий нефтеперерабатывающий завод.

В период с 15 ноября по 5 декабря 1941 года ежедневный расход горючего на Западном фронте составлял (в заправках): высокооктановых бензинов — 0,23; авиационных бензинов — 0,08; автомобильного бензина — 0,48; дизельного топлива — 0,10²³. В целом расход горючего был невысоким, так как в распоряжении фронтов еще не было достаточного количества танков, самоходных артиллерийских установок и самолетов.

ГКО поставил перед Управлением снабжения горючим, руководителями нефтяной промышленности и Моссоветом задачу создать в районе Москвы десятидневный запас горючего в размере 58,5 тыс. т²⁴. Эта задача решалась в основном за счет поступления горючего со складов государственных резервов, московских и подмосковных нефтебаз и складов Наркомата обороны, расположенных на территории Западного

фронта, а также с нефтеперерабатывающих заводов Башкирии, Орска и волжских нефтебаз. Авиационное горючее доставлялось с Кавказа по Каспийскому морю и Волге. Благодаря принятым мерам установленный запас горючего к 5 декабря в районе Москвы был создан. Значительные запасы горючего поступили в распоряжение войск, защищавших столицу. На Западном фронте они обеспечивали 35—40-суточную работу наземных машин и 10—12-суточную работу авиации. В ходе контрнаступления расход горючего по сравнению с оборонительным периодом увеличился на 40—80 проц. За январь 1942 года войсками Западного фронта было израсходовано 2996 т авиационных бензинов, 755 т бензина КБ-70, 31 126 т автомобильного бензина, 1920 т дизельного топлива²⁵.

В целях быстрого маневра запасами горючего и при необходимости срочной его подачи в войска в распоряжении Ставки ВГК имелись автомобильные части, которые доставили за время Битвы под Москвой 25 тыс. т авиационного горючего на аэродромы фронтовой авиации²⁶. В дальнейшем был налажен подвоз горючего по железным дорогам. В результате запасы горючего во фронтах к концу зимнего наступления 1941/42 года не только не снизились, но даже несколько возросли.

Все возможное делалось и по линии продовольственного снабжения фронтов. Конечно же, в корне не прав известный гитлеровский генерал Ф. Меллентин, который изрекал: «Русский солдат вполне удовлетворялся пригоршней проса или риса, добавляя к ним то, что дает ему природа... Красная армия не имела даже полевых кухонь...»²⁷. Безусловно, проблемы с продовольственным обеспечением войск существовали, но Управление продовольственного снабжения Тыла Красной армии с помощью госу-

дарственных и хозяйственных органов в целом решало их успешно. Обеспеченность Западного фронта на 5 ноября 1941 года основными продуктами питания составляла: муки и сухарей — 10 суточных дач, крупы разной — 23, мяса и рыбы — 3,5, жиров — 8, сахара — 15²⁸. Еще в сентябре 1941 года ГКО утвердил основные нормы продовольственного снабжения Красной армии. Продовольственный паек первой категории (соединений и частей передовой линии) составлял 3547 ккал зимой и 3357 ккал в летнее время, тогда как паек немецкой армии с июля 1942 года для солдат боевых частей составлял только 2543 ккал, других частей еще меньше. В последующем паек немецкого солдата неоднократно уменьшался, при этом правительство Германии принимало в расчет то, что солдаты будут обирать население оккупированных территорий.

В войсках фронтов, оборонявших Москву, имелись и походные кухни, одно-, двух- и трехкотельные, и хотя к ноябрю 1941-го их не хватало, принимались дополнительные меры по обеспечению войск горячей пищей — изыскание на месте пищеварительных котлов, изготовление очажных кухонь на предприятиях Серпухова, Малоярославца, Подольска. При недостатке термосов пища подносилась на передовую в бидонах и ведрах, утепленных чехлами. В отдельных случаях в окопах устраивались специальные ниши, где солдаты могли подогреть пищу, подвизнувшись с батальонных кухонь. Основное требование сводилось к тому, чтобы личный состав, находившийся на передней линии, обеспечивался горячей пищей не менее двух раз в сутки. Широко распространение получила выпечка хлеба в напольных печах в армейском тылу, а также в гражданской хлебопекарной сети.

Таблица 4

Обеспеченность войск Западного фронта продовольствием и фуражом в период контрнаступления в декабре 1941 года (в суточных дачах)

Наименование	НАЛИЧИЕ				
	на 5 декабря	на 10 декабря	на 15 декабря	на 20 декабря	на 25 декабря
Мука хлебная	5	4	6	7,5	8
Сухари	2	1,5	1,5	1,5	1,5
Крупа разная	14,5	10,5	9,5	9	6
Мясо	7	3	4	4,5	4
Жиры	6	4	3	2,6	2
Сахар	3,5	10	15	16	15
Соль	8,5	10,5	8,2	6,5	4
Овес	10	7,5	9	8,5	6

Составлена по: Ковалишин А.Ф. Указ. соч. С. 74.

БЛАГОДАРЯ принятым мерам войска всех фронтов имели достаточное количество продовольствия и фуража (см. табл. 4). Однако бывали и перебои с подвозом продуктов, срывы в доставке пищи в боевые порядки. Зачастую это было связано с боевой обстановкой и конкретными условиями, в которых действовали части и подразделения.

Здесь хотелось бы сделать небольшое отступление и обратиться к неопубликованной рукописи А.В. Хрулева. В ней есть следующая запись, относящаяся к рассматриваемому периоду. Однажды И.В. Сталин собрал командующих фронтами, членов военных советов для обсуждения вопросов планирования крупных военных операций. «Когда, — пишет Хрулев, — дело подходило к концу (я при этом не присутствовал), Верховный задал вопрос: у кого есть какие-либо претензии к материальному обеспечению? Ни один из командующих и членов военных советов не заявил претензий. Только Л.З. Мехлис сказал, что тыл очень плохо работает, не обеспечивает войска полностью продуктами, что следует принять меры к тому, чтобы улучшить работу органов тыла.

Сталин немедленно вызвал меня. И когда я зашел к нему в кабинет, он выразил недовольство. «Жалуются на Вас фронты, Вы плохо работаете, не обеспечиваете войска». «А кто жалуется и на что?» — ответил я вопросом на вопрос. Сталин: «А как Вы думаете, кто бы мог пожаловаться?» Отвечаю: «Скорее всего, это Мехлис».

Как только я произнес эти слова, в кабинете раздался взрыв хохота. Увидев такую реакцию, я понял, что сидящие понимают несерьезность утверждения Мехлиса, и обратился к Верховному, что желательно бы услышать от жалобщика конкретные претензии: какие продукты фронту не дают, какое обмундирование не отпускают, не обеспечивают медико-санитарным имуществом или еще что-нибудь другое? Мехлис тут же заявил: «Вы все время нам не отпускаете лавровый лист, уксус, перец, горчицу». И вновь дружный хохот».

Конечно, эта запись не может служить полным подтверждением факта надежного материального обеспечения войск во время проведения столь значительной в истории Великой Отечественной войны операции, как Битва под Москвой, тем не менее она проливает определенный свет на оценку деятельности наших тыловых служб в этот весьма напряженный и ответственный период.

В период контрнаступления под

Москвой продовольственной службе впервые пришлось столкнуться с организацией заготовок продовольствия и фуража из местных ресурсов в освобожденных от врага районах. На практике оказалось, что в местных колхозах, удаленных от дорог, сельчане сумели сохранить значительные запасы зерна, картофеля, овощей и сена, а кое-где и скота. Распоряжением Совнаркома только на январь 1942 года Западному фронту из районов Московской области было выделено картофеля и овощей в количестве трехмесячной нормы. Заготовка этих и других продуктов в ходе наступления позволила предотвратить перебои в снабжении в условиях суровой зимы и больших снежных заносов на путях подвоза. В феврале 1942 года Западному фронту было дополнительно выделено около двухмесячной потребности в сене за счет государственных мобилизационных ресурсов.

ОСОБО следует сказать о снабжении личного состава той и другой стороны вещевым имуществом. Поскольку фашистское руководство планировало «молниеносную войну», вражеские войска к наступлению холодов остались в летнем обмундировании. Принятые затем германским командованием спешные меры по изъятию теплых вещей у местного населения (для этого из членов штурмовых отрядов были созданы специальные команды «сборщиков») не дали желаемых результатов: советские люди прятали от мародеров свое не столь уж богатое добро. В связи с этим 24 декабря 1941 года берлинское радио передало специальный приказ Гитлера, в котором содержалась угроза в отношении лиц, уклоняющихся от сдачи теплых вещей для нужд немецкой армии: они должны были караться смертной казнью.

«Правда» 4 декабря 1941 года писала: «Сегодня мороз. Дует резкий северный ветер. Но наши бойцы тепло одеты, активно ведут горячий бой, выбивая немцев из блиндажей. На улицах только что отбитой у врага деревни Н. — десятки трупов немцев. Солдаты одеты в летнее обмундирование, в тонкие куртки и пилотки; почти у всех головы для тепла обмотаны женскими платками и шальями, отянутыми у колхозников; у некоторых ноги обмотаны обрывками одеял».

Не все в этом важном деле, конечно, было благополучно и в частях Красной армии. Ведь большое количество запасов, в том числе и зимнего обмундирования и обуви, было утрачено при отступлении.

А.В. Хрулев вспоминал, что еще

в 1940 году в правительстве рассматривали вопрос о месте размещения вещевых мобилизационных запасов. Вопреки мнению военных, Л.З. Мехлис настаивал на их размещении в западных приграничных районах и сумел склонить к этой точке зрения И.В. Сталина. За это пришлось расплачиваться уже в первые недели и месяцы войны, когда большое число материальных средств было захвачено врагом или уничтожено советскими войсками при отступлении²⁹.

Перевод личного состава советских войск на зимнюю форму обмундирования осуществлялся в период тяжелых оборонительно-отступательных боев, в условиях передислокации складов. Наличие достаточно больших вещевых запасов на центральных базах, расположенных в районе Москвы и в Подмоскovie, а также функционирование здесь же мощных промышленных предприятий позволили решить эту задачу.

По состоянию на 5 декабря армии Западного фронта были обеспечены: шапками-ушанками — на 100 — 108 проц., телогрейками ватными — на 74 — 105, шароварами ватными — на 78 — 102, перчатками зимними — на 100 — 112, рубахами теплыми — на 72 — 101, валенками — на 53 — 99 проц. Недостаточная обеспеченность зимним обмундированием относилась в основном к 30-й и 50-й армиям, находившимся на флангах фронта³⁰.

Уже 11 января 1942 года на собрании партийного актива города своего имени М.И. Калинин говорил: «Наша Красная Армия прекрасно одета и обута и неплохо питается. Это засвидетельствованный всем миром факт, что наша страна сумела одеть и обувь свою армию лучше, чем немцы. А это на весах войны имеет большое значение»³¹. Преодолевая огромные трудности, промышленность во второй половине 1941 года поставила армии более 11 млн. шинелей против 2,1 в первом полугодии, 8,6 млн. хлопчатобумажных гимнастеров против 5,8, 9,2 млн. пар обуви против 5,3 млн. пар³². Очень большую помощь в вещевом обеспечении войск оказывали жители столицы, Московской и многих других областей страны, о чем будет сказано ниже.

ВБИТВЕ под Москвой важное значение имела работа железнодорожного транспорта как основного средства доставки грузов. В начале октября 1941 года железные дороги центра: Ярославская, Горьковская, Казанская и Ленинская (Московско-Рязанская) стали основными коммуникациями Московской зоны оборо-

ны. От них требовалось в сжатые сроки, не снижая темпов эвакуационных перевозок, перебросить к столице сотни воинских эшелонов с резервами, переместить сюда часть войск с других фронтов и одновременно осуществлять крупные внутрифронтовые перевозки. Особое значение в системе центральных коммуникаций играла Московско-Окружная железная дорога, являвшаяся связующим звеном между линиями, прилегавшими к Москве. 24 октября было создано Военно-эксплуатационное управление столичного узла, а 11 московских отделений движения преобразованы в военно-эксплуатационные отделения. В середине ноября объем работ на станциях Московского узла по сравнению с довоенным возрос в 3—5 раз³³.

Всего в октябре и ноябре по централизованным и внутрифронтовым планам на Московско-Окружной железной дороге было принято с других дорог 2867 транспортов с грузами, или 11 748 вагонов³⁴. Общий объем воинских перевозок, выполненных железнодорожниками для Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов за все время Московской битвы, составил 333 452 вагона³⁵. В целях увеличения пропускной способности узлов и станций широко использовался так называемый караванный способ пропуска эшелонов, когда один поезд следовал за другим на расстоянии видимости хвостовых сигналов впереди идущего состава.

И. В. Сталин ежедневно заслушивал доклады должностных лиц о движении воинских эшелонов. Несколько забегая вперед, скажем, что уже в ходе Битвы под Москвой у него созрела мысль отстранить от должности наркома путей сообщения Л. М. Кагановича и назначить на этот пост А. В. Хрулева, не освобождая его от должности начальника Тыла Красной армии. Это было сделано в феврале 1942 года.

В конце 1941 года не меньшие трудности испытывали войска при доставке грузов по грунтовым дорогам: осенняя распутица, затем снежные заносы. Малочисленный войсковой автомобильный транспорт в декабре 1941 года практически остановился. В связи с сильными морозами при запуске автомобилей необходимо было предварительно подогревать воду и масло, предохранять от мороза перевозимые овощи и хлеб. Не хватало антифриза и цепей противоскольжения, серьезные осложнения вызывали снежные заносы, расчищать дороги от снега дивизии были не в состоянии. Начали применять транспортную

авиацию. Но сеть аэродромов была развита слабо, погода часто оказывалась нелетной...

Начальник Тыла Красной армии обратился к Верховному Главнокомандующему с предложением об организации до 80 конных обозов (гужтранспортных батальонов) по 250 пароконных повозок или саней в каждом. И. В. Сталин, выслушав А. В. Хрулева, иронически заметил: «Вот новости! Век техники и вдруг — торба с овсом, повозочные, сани...». Однако другого выхода и он найти не смог. Решение вступило в силу.

«Первый же санный обоз, — вспоминает А. В. Хрулев, — привез в 39-ю армию Калининского фронта больше запасов, чем доставил авиатранспорт в течение многих дней»³⁶.

СЛОЖНЫЕ задачи решались медицинскими службами фронтов. К началу оборонительной операции под Москвой они были укомплектованы медицинскими частями и учреждениями далеко не полностью. В частности, на 2 ноября 1941 года в 5-й армии Западного фронта насчитывалось всего четыре полевых госпиталя на 800 коек, в 16-й армии — два госпиталя на 400 коек, в 33-й армии — три госпиталя на 600 коек³⁷. Этого было явно недостаточно. На протяжении всей Битвы под Москвой, осуществляя эвакуацию и лечение раненых, медицинская служба центра, фронтов и армий в то же время наращивала силы и средства. Уже к началу декабря 1941 года в армиях Западного фронта имелось в среднем по 12 тыс. госпитальных коек, а во фронте — около 71 тыс. На этом фронте до конца контрнаступления на главных направлениях были перемещены за наступавшими армиями и развернуты три полевых эвакуационных пункта с их лечебно-эвакуационными учреждениями. Значительная часть госпиталей фронта развернулась в Москве и Подмоскovie.

Следует отдельно остановиться на той помощи, которой оказывали войскам в Битве под Москвой труженики столицы. Промышленность, городское хозяйство, все москвичи предпринимали все возможное для оказания помощи воинам. К осени 1941 года выполнением фронтовых заказов было занято около 2000 московских промышленных предприятий. Доля военной продукции с 23 проц. в августе возросла до 94 проц. в ноябре³⁸. Войска фронтов систематически получали из Москвы пополнение людьми, оружием, боеприпасами, обмундирование, продовольствие.

На заводе «Динамо» изготавливали полковые минометы, реактив-

ные установки М-30, М-13 «катушки». Завод «Красный пролетарий» поставлял фронту боеприпасы, полевые кухни и т. д. На Московском автомобильном заводе наряду с выпуском грузовых автомобилей ЗИС было налажено производство оборонной продукции — минометов, снарядов, пистолетов-пулеметов системы Шпагина (ППШ), механизмов зенитной пушки К-72 и узлов пулемета ДШК, поковок автоматических винтовок.

Ремонт боевой техники, поврежденной в боях под Москвой, был налажен на заводе «Динамо», автозаводе и многих других предприятиях. Лишь в первой половине декабря 1941 года были отремонтированы 1500 танков и бронемашин³⁹. Ряд предприятий выпускал ежи и железобетонные колпаки для оборонительных сооружений.

Коллектив Московских железнодорожных мастерских в сжатые сроки построил три бронепоезда, а всего рабочие Московского железнодорожного узла тогда поставили фронту 21 бронепоезд, 6 поездов-бань и оборудовали 38 санитарных поездов.

Для воинов, сражавшихся под Москвой, на предприятиях столицы и области было изготовлено 162 тыс. шинелей, 21 тыс. ватных телогреек, свыше 264 тыс. перчаток, 326 тыс. теплых портянок и много другого имущества⁴⁰. В столице были созданы общественные мастерские по ремонту военного обмундирования. В этих мастерских работали свыше 35 тыс. женщин.

Еще к началу ноября 1941 года жители Москвы внесли в Фонд обороны 86 млн. рублей деньгами, 10 млн. рублей облигациями государственного займа, 7,7 кг золота, 373 кг серебра и т. д.⁴¹

О СОБУЮ страницу летописи самоотверженной помощи москвичей Красной армии составляла их работа по эвакуации раненых и больных с фронта и лечению их в госпиталях и больницах. Шефство над лечебными учреждениями осуществляли 750 предприятий и учреждений города. Десятки тысяч женщин, движимых чувством патриотизма, работали в госпиталях и больницах, считая заботу о раненых своим кровным делом. Они выполняли любую работу по уходу за ранеными, уборку помещений, переноску раненых и т. д. Многие круглосуточно дежурили у постелей тяжело раненых. Следует сказать и о донорском движении москвичей, которые сдали 500 тыс. литров крови для спасения жизни раненых и больных.

Исследование архивных мате-

риалов показало, что в грандиозной Битве под Москвой участвовала фактически вся страна. Например, трудящиеся Горьковской (Нижегородской) области на свои средства построили и послали на защиту Москвы бронепоезд «Козьма Минин», а из Мурома прибыл бронепоезд «Илья Муромец». Трудящиеся Армении, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и других союзных республик посылали защитникам Москвы эшелоны мяса, риса, сыра и других продуктов питания, десятки и сотни тысяч подарков и посылок. Только за сентябрь, октябрь и ноябрь 1941 года для воинов поступило более 15 млн. единиц различных теплых вещей, в том числе 1 172 972 пары валенок и 523 100 полушубков. Более трех четвертей из них были направлены в войска, оборонявшие Москву. Личный состав фронтов имел добротное обмундирование и обувь, тогда как немецкие солдаты и офицеры оставались одетыми по летней форме одежды при сильных морозах, обирали местное население, надевали на себя женские платки, кофты, а на ноги соломенные бахилы и т.п.

Детально показать работу тыла в Битве под Москвой в ограниченной по объему статье, конечно, затруднительно. Думается, однако, что изложенное в какой-то мере позволяет представить и глубже осознать военно-экономические аспекты этой величайшей в истории Великой Отечественной войны битвы.

Битва под Москвой стала проверкой прочности единства фронта и тыла страны, которую СССР успешно выдержал. Гитлеровский план «блицкрига» был сорван, война перешла в качественно новую стадию, когда друг другу противостояли уже не только войска, сражавшиеся на поле боя, но все внутренние ресурсы стран — материальные, социальные, духовые. Выяснилось, что Советский Союз способен их мобилизовать и использовать весьма эффективно, что становилось все более затруднительным для Германии. В СССР была проделана гигантская работа по военной перестройке народного хозяйства, реорганизации и упорядочению деятельности тыловых органов Вооруженных Сил. В основном сложилась структура управления Тылом Красной армии, оправдавшая себя в кровопролитных сражениях и в основном остававшаяся без существенных изменений до конца войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великая Отечественная война Советского Союза: Краткая история. М., 1970. С. 42.

² Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 51.

³ Жуков Г.К. Подвиг тыла в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1987. № 5. С. 98.

⁴ Якушевский А.С. Арсенал победы // Воен.-истор. журнал. 1998. № 3. С. 4.

⁵ Вещиков П.И. Военное хозяйство — Тыл Вооруженных Сил России (XVIII—XX вв.). М., 2003. С. 290.

⁶ Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 147.

⁷ Там же. М., 1999. Кн. 4. С. 77.

⁸ Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 2. Трудовой подвиг народа. С. 267.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. С. 122.

¹¹ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977. С. 160.

¹² Klein B. Germany's Economic Preparation for War. Cambridge, 1959. P. 194, 195.

¹³ Guderian G. Erinnerungen eines Soldaten. Neskargemung, 1960. S. 251.

¹⁴ Цит. по: Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 302.

¹⁵ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.) М., 1970. С. 177.

¹⁶ Там же. С. 184.

¹⁷ Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 214.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Вещиков П.И. Указ. соч. С. 303.

²⁰ Ковалишин А.Ф. Организация и работа Тыла Западного фронта в Битве под Москвой. М.: Воениздат, 1958. С. 64.

²¹ Вещиков П.И. Указ. соч. С. 307.

²² Хрулев А.В. Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне // Воен.-истор. журнал. 1961. № 6. С. 75.

²³ Ковалишин А.Ф. Указ. соч. С. 66.

²⁴ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 175.

²⁵ Ковалишин А.Ф. Указ. соч. С. 69.

²⁶ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 175.

²⁷ Меллентин Ф. Танковые сражения. 1939—1945 гг. М., 1957. С. 243, 250.

²⁸ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 193.

²⁹ Хрулев А.В. Указ. соч. С. 65, 66.

³⁰ Ковалишин А.Ф. Указ. соч. С. 78.

³¹ Пролетарская правда. 1942. 27 января.

³² Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 216, 217.

³³ Величие подвига Москвы. М., 1985. С. 173.

³⁴ Дикишин В.Ф., Киселев А.М. Военные сообщения Советской Армии в битве под Москвой. М., 1960. С. 69.

³⁵ Там же. С. 78.

³⁶ Хрулев А.В. Указ. соч. С. 76.

³⁷ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 309.

³⁸ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 463.

³⁹ 10 пятилеток Москвы. М., 1981. С. 135.

⁴⁰ Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Ч. II и III. М., 1963. С. 102.

⁴¹ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. С. 463.

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Круглый стол в Институте военной истории, посвященный 100-летию отечественного подводного флота

В РАМКАХ реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006—2010 годы» в Институте военной истории (ИВИ) МО РФ проведен круглый стол «100 лет подводному флоту России». Целью его проведения явилось сохранение лучших боевых традиций отечественного подводного флота, воспитание у граждан Российской Федерации чувства гордости за заслуги отечественного ВМФ в защите национальных интересов государства и активизация внимания государственных органов и общественности к актуальным проблемам развития современного подводного флота России.

Организовали и вели круглый стол начальник Института военной истории кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков и ведущий научный сотрудник ИВИ, кандидат исторических наук Герой Советского Союза вице-адмирал в отставке Н.В. Усенко.

В работе круглого стола приняли участие ветераны-подводники: адмирал в отставке Ф.И. Новоселов, Герой Советского Союза вице-адмирал в отставке Р.А. Голосов, вице-адмирал в отставке А.И. Шевченко, контр-адмирал в отставке В.В. Вазенин, контр-адмирал в отставке О.Г. Чефонов, доктор технических наук, профессор капитан 1 ранга в отставке Р.И. Калинин, доктор исторических наук, профессор капитан 1 ранга в отставке А.В. Усиков, капитан 1 ранга в отставке И.К. Громов.

С докладом «Состояние и перспективы развития подводного флота России» выступил начальник научно-исследовательской исторической группы ВМФ капитан 1 ранга Е.Г. Мачкин. По вопросам истории создания подводного флота России и его строительства в советский период выступили кандидат исторических наук капитан 1 ранга Д.Ю. Козлов и кандидат исторических наук полковник М.Э. Морозов. В работе круглого стола приняли участие заместитель начальника ИВИ кандидат исторических наук полковник Н.И. Никифоров, заместитель начальника ИВИ по научной работе кандидат исторических наук полковник И.И. Басик, главный редактор «Военно-исторического журнала» кандидат исторических наук капитан 1 ранга И.А. Анфертьев и главный редактор журнала «Морской сборник» капитан 1 ранга В.В. Остапенко. В заключение круглого стола свои стихи о подводниках прочитал капитан 2 ранга запаса П.В. Николайчик.

Подполковник С.А. КОРИН

Генерал-майор запаса
А.И. МИРЕНКОВ

«СОВМЕСТНЫЕ БОЕВЫЕ ГОДЫ СБЛИЖАЛИ ВСЕХ НАС...»

В 6-м, июньском, номере «Военно-исторического журнала» за 2005 год были помещены публикации, посвященные участию в Великой Отечественной войне эстонцев — военнослужащих Красной армии. К сообщению капитана в отставке В.А. Кинге прилагалось благодарственное письмо в адрес его отца гвардии старшего сержанта Августа Ивановича Кинге.

К сожалению, это письмо было опубликовано на эстонском языке. Тогда-то я и вспомнил моего знакомого, с которым служил в финансовом отделе Ленинградского военного округа, Юло Эдуардовича Парика, ныне полковника в отставке. Он являлся одним из героев моей книги «Моя профессия финансист» (М., 2002. С. 121). Ю.Э. Парик добросовестно выполнил мою просьбу: перевел указанный документ на русский язык и прислал мне перевод. В ответном письме он также припомнил ряд событий из своей фронтовой биографии. Все это, на мой взгляд, может быть опубликовано в журнале.

Полковник в отставке В.М. РАЕВ,
кандидат экономических наук, профессор (Москва)

Письмо полковника в отставке Ю.Э. Парика

Уважаемый Вениамин Михайлович!

Книгу я прочитал с интересом и вспомнил свои военные годы.

Письмо тов. Кинге, опубликованное на эстонском языке в «Военно-историческом журнале», я перевел. Приятно было вспомнить то время (1942—1944 гг.), когда я был в том же полку, что и Кинге (300-й стрелковый 7-й эстонской стрелковой дивизии). Это я определил по подписям командиров и их заместителей в письме. Гвардейскими же соединениями и часть стали после войны — согласно приказу наркома обороны СССР от 28 июня 1945 года.

С ветеранами этого полка мы встречались неоднократно в Таллине. Был ли тов. Кинге на этих встречах, я не знаю, поскольку с ним лично не знаком.

Командир этого полка подполковник Паул в начале войны был кадровым офицером 180-го или 182-го стрелкового полка 22-го эстонского территориального корпуса.

С приветом,

Ю.Э. ПАРИК
(Санкт-Петербург)

1941—1945

ПИСЬМО демобилизованному гвардии сержанту Кинге Августу Ивановичу

Дорогой товарищ Кинге!

Теперь, когда мы победили гитлеровскую Германию, ты, с честью выполнивший свой долг перед Советской Родиной, покидаешь ряды Красной Армии, возвращаешься домой к своей семье, к мирному созидательному труду.

На этом прощальном торжестве мы скажем: «До свидания фронтовой товарищ! Вместе с нами ты прошел большую дорогу войны. Длинная, трудная и суровая была для советского солдата эта дорога к победе».

Много дней ты провел в яростных сражениях, проявляя беспредельную храбрость, без сна и отдыха твердо переносил невероятные трудности и лишения. Ты всегда беспрекословно и хорошо выполнял задания, был храбрым в бою, честно выполнял клятву воина Красной Армии и приказы Верховного Главнокомандующего генералиссимуса товарища Сталина.

В тяжелой борьбе с коварным и злобным противником тебя воодушевляли великие идеи партии Ленина — Сталина. Во имя защиты чести, свободы и независимости нашей социалистической Родины ты не щадил своих сил и крови.

С боевыми призывами «За Родину!», «За Сталина!» ты ринулся на врага, и никакие вражеские укрепления

и никакие трудности не могли сдерживать благородного стремления твоего сердца к Победе.

Упорно и старательно ты готовился к сражениям, неустанно повышал свой боевой и политический уровень.

Ты сражался на разных фронтах, участвовал в жарких боях под Великими Луками, отважно воевал за освобождение своей Родины — Советской Эстонии, и в последние дни войны боевая дорога привела тебя к участию в боевых операциях по освобождению соседней Советской Латвии.

Твои боевые труды были не напрасны. Наше соединение было неоднократно отмечено благодарственными приказами Верховного Главнокомандующего Советского Союза генералиссимуса Сталина. Нашему соединению присвоено наименование «Таллинское», оно награждено орденом Красного Знамени и получило славное звание гвардейского. Ты уходишь от нас гвардейцем. Советские знамена победоносно развеваются над разбитой и обращенной в прах Германией.

Как жаль расставаться с тобой! Совместные боевые годы сближали всех нас, но знай, боевой товарищ, мы тебя никогда не забудем!

От имени всего рядового, сержантского и офицерского состава благодарим тебя за верную службу Родине. Ты заслужил бесконечную благодарность нашего народа-победителя.

Ты поедешь к своей любимой семье и снова почувствуешь радость работы мирного времени. Надеюсь, что там, далеко от своей дорогой воинской части, ты не уронишь чести и достоинства советского воина, будешь работать честно и добросовестно, будешь укреплять мощь и могущество Советской страны и Красной Армии.

Не забывая свою воинскую часть. Постоянно вспоминай нас, держи с нами связь. Рассказывай знакомым, родственникам, детям и внукам о подвигах советских воинов в дни Великой Отечественной войны, о бессмертных делах своей воинской части, воспитывай их в духе наших боевых традиций.

От всего сердца желаем тебе долгой, счастливой и радостной жизни, успехов в работе на благо нашей Советской Родины!

До свидания боевой товарищ! Доброго пути!

Командир эстонского Таллинского Краснознаменного гвардейского стрелкового соединения гвардии генерал-майор (К. АЛЛИКАС)

Заместитель командира по политической части гвардии подполковник (А. РАУД)

Командир войсковой части гвардии подполковник (ПАУЛ)

Заместитель командира по политической части гвардии майор (СЯРЕМАТ)

19 июля 1945 года

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАТОНСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

20 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА руководитель американской Военной миссии в Москве бригадный генерал Джон Р. Дин¹ попросил начальника советского Генерального штаба (ГШ) генерала армии А.И. Антонова принять его по важному делу. Во время встречи Дж. Р. Дин сообщил, что он прибыл по указанию генерала Д.-К. Маршалла². Цель визита — передать советскому Генеральному штабу важные сведения о планах немецко-фашистского командования на восточном фронте.

Из данных американской разведки следовало, что немцы создают две группировки для контрнаступления против Красной армии: одну в Померании для удара на Торн, вторую в районе Вены, Моравска Остравы для наступления в направлении на Лодзь. При этом в южную группировку предполагалось включение 6-й танковой армии СС. Подобные сведения неделей раньше А.И. Антонов получил и от начальника армейской секции английской Военной миссии в Москве полковника Бринкмана.

Данные англичан и американцев представляли несомненный интерес, так как они подтверждали сведения, поступившие 27 января в Генеральный штаб от начальника Главного разведывательного управления Красной армии генерал-лейтенанта И.И. Ильичева. Начальник ГРУ докладывал: «Установлено, что 1, 2 и 132 танковые дивизии СС, входящие в состав 6 танковой армии СС, из Арденн перебрасывались в северном и северо-восточном направлении, но не исключено появление 6 ТА СС на советско-германском фронте». Первоисточником этих данных был генерал-лейтенант А.Ф. Васильев³, глава советской военной миссии в Великобритании, который в свою очередь получил

их в британском военном ведомстве. И.И. Ильичев из этих сведений сделал следующий вывод: «Сообщенные англичанами данные по немецким войскам в основном правдоподобные, за исключением сведений об 11 танковой, 344 и 712 пехотных дивизиях, которые находятся не на Западно-Европейском, а на советско-германском фронте, и сведений о 90 механизированной и 4 артиллерийской дивизиях, которые, по имеющимся у нас данным, выведены из Италии в Австрию».

Через четыре дня начальник ГРУ направил И.В. Сталину, А.И. Антонову, С.М. Штеменко, бывшему в то время первым заместителем начальника Генерального штаба — начальником Оперативного управления, и Ф.Ф. Кузнецову⁴ — начальнику Разведывательного управления Генерального штаба новое донесение о переброске немецких войск на советско-германский фронт, из которого следовало, что Гитлер надеялся остановить или хотя бы задержать наступление советских войск, выиграть время и попытаться найти выход из уже безвыходного положения. Этому, по замыслу фюрера, должно было способствовать нанесение внезапного удара по войскам 3-го Украинского фронта в Венгрии. Учитывая, что даже частичный успех противника может задержать разгром основных сил фашистской Германии и оказать тем самым влияние на итоги войны в Европе, Генеральный штаб поставил перед военной разведкой задачу: установить, в каком направлении и в каком количестве немецкие войска перебрасываются на советско-германский фронт. Особый интерес представляли сведения о переброске 6-й танковой армии СС, на вооружении которой, как докладывали военные разведчики,

находились новые немецкие танки «тигр» и «пантера».

31 января 1945 года начальник ГРУ И.И. Ильичев по данному вопросу направил И.В. Сталину специальное сообщение⁵, в котором докладывал:

«1. 6 танковая армия СС в срочном порядке перебрасывается с Западно-Европейского на советско-германский фронт. Погрузка частей армии в эшелоны должна была начаться в районе Дюссельдорф, Вуперталь и Кёльн 27 января и закончиться к 3—5 февраля 1945 г.

Выгрузка 6 ТА СС будет произведена, по-видимому, в Центральном секторе фронта, а не в Силезии. Такое предположение сделано на основании следующих данных: <...>

— офицерам 12 танковой дивизии СС, входящей в состав 6 танковой армии СС, приказано явиться из отпусков в район Шнайдемюль;

— конвойной бригаде «Фюрер», входящей в состав 6 танковой армии СС, приказано получить танки и людское пополнение в Коттбус...».

Далее шли данные о составе 6-й танковой армии СС, в которую входили:

«...1 тд СС «Адольф Гитлер» — 11 000 чел[овек], 40 танков; 2 тд СС «Рейх» — 12 500 человек., 60 танков; 9 тд СС «Хоэнштауфен» — 10 000 человек., 40 танков; 12 тд СС «Гитлерюгенд» — 9000 чел[овек], 40 танков; конвойная бригада «Фюрер» — 6000 чел[овек], 20 танков; пехотная бригада «Фюрер» — 4000 чел[овек], 20 танков. Переброска 6 танковой армии СС на советско-германский фронт кодируется в немецких сообщениях условным наименованием операции «Грей» («Грей»).

2. Имеются признаки, что часть сил 5 танковой армии и 19 армии также может быть перебросена на Западно-Европейского на советско-германский

фронт. Обе армии получили инструкции, в которых даны указания о порядке действий выходящих войск против атакующего противника.

Из состава указанных армий на советско-германский фронт могут быть переброшены:

— из 5 танковой армии — 11, 116 танковые дивизии, 3 и 5 артиллерийские дивизии;

— из 19 армии — 17 артиллерийская дивизия».

Завершая донесение, И.И. Ильичев сообщал: «...По официальным данным англичан, переданным 30 января 1945 года главе нашей Военной миссии в Англии генерал-лейтенанту Васильеву, значительная часть сил 6 танковой армии СС 24—26 января 1945 года перебрасывалась из районов Дюссельдорф, Нейсе, Крефельд на Оснабрюк. Англичане полагают, что 6 ТА СС должна полностью сосредоточиться в районе Франкфурт-на-Майне к 7 февраля 1945 года. К настоящему времени в армии насчитывается немногим более 200 танков. К моменту сосредоточения за счет доукомплектования 6 ТА СС может иметь до 400—500 танков...».

Донесения И.И. Ильичева свидетельствуют о том, что советской военной разведке удалось заблаговременно установить начало переброски немецкой 6-й ТА СС с западного на восточный фронт, определить ее состав и места погрузки войск, хотя конечный пункт сосредоточения сил армии еще не был известен.

Казалось бы, все сведения о переброске 6 ТА СС на советско-германский фронт, как собственные, так и переданные в феврале 1945 года англичанами и американцами, совпадали. Однако 21 февраля 1945 года И.И. Ильичев направил И.В. Сталину, Н.А. Булганину⁶ и А.И. Антонову срочное специальное донесение, данные которого противоречили материалам, которые днем раньше были получены от американского генерала Дж. Р. Дина, ибо выяснялось, что «вся 6 танковая армия СС направляется в Венгрию»⁷.

В подтверждение этого вывода начальник ГРУ приводил следующие доказательства:

«...2 февраля 1945 года командующий Южной группой армий

получил из Берлина распоряжение о снабжении 2 танкового корпуса СС, а копия приказа была направлена командующему 6 танковой армией СС генерал-полковнику Зеппу Дитриху⁸;

— оперативный отдел войск СС в своем распоряжении от 8 февраля 1945 года указывал, что районами сосредоточения грузов для 1 танкового корпуса (в который входят 1 и 12 танковые дивизии) являются Вена и Гензерндорф (35 км северо-восточнее Вены);

— 9 февраля 1945 года оперативный отдел войск СС отдал приказание о направлении через Вену двух офицеров в разведывательные части 1 и 9 танковых дивизий СС;

— 9 февраля 1945 года командующий Южной группой армий отдал приказ — под страхом смертной казни сохранять в абсолютной секретности все, что касается «группы отдыха и пополнения» (имеется в виду 6 танковая армия СС в составе 1, 2, 9 и 12 танковых дивизий СС). Место нахождения указанной группы не должно показываться ни на каких картах...».

Далее И.И. Ильичев сообщал о том, что «немецкое верховное командование (ОКВ) в приказе от 10 февраля 1945 года указало командующим немецкими войсками, расположенными на южном секторе советско-германского фронта, что для операций в Южной Венгрии требуется переброска части сил из Кroatии. В связи с этим некоторые местные наступательные операции в Кroatии необходимо приостановить и перейти к обороне. <...> В операциях в Венгрии будут принимать участие 1-я горно-стрелковая дивизия, 7-я горно-стрелковая дивизия СС «Принц Евгений» и 11 артиллерийская дивизия, которые будут изъяты из подчинения группы армий «Ф»⁹.

Сведения ГРУ были срочно переданы начальнику Разведывательного управления ГШ генерал-полковнику Ф.Т. Кузнецову для уточнения и проверки, а также для своевременной организации оперативной разведки в районах возможного появления соединений 6 ТА СС.

Анализ обстановки позволил сделать вывод: на южном участке советско-германского фрон-

та складывается опасная ситуация. Противник планирует перейти в контрнаступление и намерен добиться серьезного успеха. Таким образом, тайный замысел Гитлера о нанесении сильного удара по советским войскам в Венгрии начал реализовываться. Однако благодаря усилиям военной разведки уже 21 февраля 1945 года отдельные, хотя еще не совсем четкие детали этого плана были известны И.В. Сталину и А.И. Антонову. Незамедлительно Ставка ВГК направила указания командующему 3-м Украинским фронтом Ф.И. Толбухины: не останавливая подготовку наступательной операции на Вену, принять меры к отражению возможного контрудара противника.

НАДО отметить, что 3-й Украинский фронт в начале 1945 года выполнял особую задачу. Заняв западный берег Дуная, войска Ф.И. Толбухины приковали к себе значительные силы противника, содействуя тем самым успешному решению задач на главном направлении советско-германского фронта в ходе стратегического наступления пяти советских фронтов от Балтийского моря до Карпат. Наиболее глубоко продвинулись на варшавско-берлинском направлении войска 1-го Белорусского (Маршал Советского Союза Г.К. Жуков) и 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И.С. Конев) фронтов. Войска 1-го Белорусского фронта вышли к реке Одер и находились примерно в 60 км от Берлина.

Вторая мировая война близилась к концу. Однако вопрос, кто первым возьмет Берлин — Красная армия или англичане с американцами, имел принципиальное значение и становился не только предметом тайного соперничества политических лидеров СССР, США и Англии, но и сферой бескомпромиссной борьбы между разведками этих государств.

При этом все складывалось в пользу советской стороны. После стремительного проведения Висло-Одерской операции¹⁰ войска Красной армии освободили Польшу и уже в первой половине февраля 1945 года вышли к Одеру в районе Кюстрина. До Берлина оставалось рукой

подать. Г.К. Жуков уже планировал нанести мощный удар в западном направлении и овладеть столицей Германии¹¹. Однако он не сделал этого. Почему? По оценке В.И. Чуйкова, «Берлином можно было овладеть уже в феврале, а это, естественно, приблизило бы и окончание войны»¹². В.И. Чуйков также писал: «Что касается риска, то на войне нередко приходилось идти на него. Но в данном случае риск был вполне обоснован. В Висло-Одерскую операцию наши войска прошли уже свыше 500 км, и от Одера до Берлина оставалось всего 60—80 км»¹³.

У Г.К. Жукова была другая точка зрения. «Должен сказать, — писал он, — что в наступательной операции на Берлин не все обстояло просто, как это кажется В.И. Чуйкову»¹⁴. Далее в своих «Воспоминаниях и размышлениях» маршал подробно разобрал причины, которые стали препятствием на пути продвижения войск 1-го Белорусского фронта к Берлину и помешали ему в феврале 1945 года захватить германскую столицу. Одна из них — отвлечение части сил 1-го Белорусского фронта (четырёх общевойсковых и двух танковых армий) для ликвидации группировки немцев в Восточной Померании, которая, как считали в Ставке, получила в это время значительное усиление и возросла до 40 дивизий, что представляло серьезную опасность.

Вторая причина — информация, полученная от западных союзников¹⁵, с которой мы и начали эту статью. Тексты сообщений британского полковника Бринкмана и американского генерала Дж. Р. Дина были переданы в штаб Г.К. Жукова¹⁶, которому приходилось учитывать вероятность появления перед его фронтом 6 ТА СС в составе около 600 танков. Оценивая возможное значительное усиление войск противника на берлинском направлении и нарастающие угрозы на флангах, Г.К. Жуков замедлил темпы наступления войск 1-го Белорусского фронта на Берлин, что отодвинуло час падения германской столицы, дало передышку Гитлеру, а также позволило союзникам приблизиться к Берлину. Этот вывод можно было бы рассматри-

вать лишь в качестве гипотезы, но последующие события, происходившие весной 1945 года, подтверждают его состоятельность. Об этом, в частности, говорит и письмо британского премьер-министра американскому президенту.

1 апреля 1945 года У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них слишком преувеличенное представление о том, что будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять»¹⁷.

Анализируя данные Бринкмана и Дина, время их поступления и другие обстоятельства, связанные с обстановкой на советско-германском фронте весной 1945 года, можно со значительной долей уверенности предположить, что сведения, полученные от союзников, оказались направленными на то, чтобы войска 1-го Белорусского фронта приостановили свое продвижение к Берлину, а войска 3-го Украинского надолго оказались бы связанными оборонительными действиями.

Тем временем события в Венгрии развивались следующим образом. Ф.И. Толбухин провел совещание руководящего состава штаба фронта, на котором присутствовал и начальник разведки фронта, опытный военный разведчик генерал-майор А.С. Рогов. Командующий фронтом поставил перед офицерами разведывательного отдела конкретную задачу — выяснить наиболее вероятные направления возможного контрнаступления противника, войска которого будут укреплены силами 6-й танковой армии СС. Вскоре было установлено, что наиболее вероятное направление немецкого наступления — севернее Секешфехервара на Будапешт и

между озерами Веленце и Балатон на Дунапентеле. По данным разведчиков, противник в этом районе находился в 25—30 км от Дуная, и его удары для частей 3-го Украинского фронта могли оказаться наиболее опасными.

Изучив донесение начальника разведывательного отдела и другие сведения, командующий фронтом приказал сосредоточить усилия войск в положениях обороны 4-й гвардейской и 26-й армий, 27-я армия генерала С.Г. Трофименко была расположена во втором эшелоне фронта за стыками 4-й гвардейской и 26-й армий. Командирам было приказано обратить особое внимание на организацию противотанковой обороны, создать в войсках сильные противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений. Таким образом, как ни старались немцы скрыть перегруппировку своих войск и направление главного удара, сделать им этого не удалось.

Наступление немецко-фашистских войск началось в ночь на 6 марта из района южнее озера Балатон на Капошвар и из района Дони-Михоляц на север.

Как и предполагалось, противник главный удар нанес утром между озерами Веленце и Балатон, где на отдельных участках наступали 50—60 танков на 1 км фронта. В результате 10-дневных ожесточенных боев противнику ценой больших потерь удалось вклиниться в оборону советских войск южнее озера Веленце до 12 км, а западнее канала Шарвиз — до 30 км. Тем не менее враг быстро выдохся и 15 марта вынужден был прекратить наступление. А уже на следующий день силами войск 3-го и левого крыла 2-го Украинского фронтов началась Венская стратегическая наступательная операция с целью завершения разгрома немецко-фашистских войск в западной части Венгрии и освобождения столицы Австрии — Вены. Так был решен балатонский «кроссворд».

ШЕСТЬДЕСЯТ с лишним лет прошло после окончания Великой Отечественной войны, однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, каким образом сведения, переданные в

феврале 1945 года А.И. Антонову британским полковником Бринкманом и американским бригадным генералом Дином, повлияли на решение советского командования.

В письме от 30 марта 1945 года генерал-майору Джону Р. Дину А.И. Антонов указывал, что «боевые действия на восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную информацию [сведения, переданные Бринкманом и Дином], ибо бои эти показали, что основная группировка немецких войск, включавшая 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании и не в районе Моравска Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Будапешта.

Этот факт показывает, что информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительному ходу событий на восточном фронте в марте месяца. Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское, так и советское командование и отвлечь внимание советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на восточном фронте... Это сообщение я считал своим долгом довести до сведения генерала Маршалла исключительно для того, чтобы он мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации»¹⁸.

Из письма ясно, что советская сторона дипломатично предупреждает союзников о том, что им не стоит доверять своему источнику информации. Однако в марте 1945 года А.И. Антонов еще не знал, что сведения о переброске 6-й танковой армии СС в Венгрию советскими военными разведчиками были получены через подполковника Козлова от британского источника «Х». Это значит, что в Лондоне к 20 февраля уже знали о том, куда же на самом деле будет перебрасываться 6-я танковая армия СС, но не проинформировали об этом полковника Бринкмана, находившегося в это время в Моксве, и тот не смог исправить

допущенную ошибку. Что это? Простая неповоротливость, в чем очень трудно заподозрить британские и американские спецслужбы, или политический ход с далеко идущими целями? А генерал Дж. Р. Дин и полковник Бринкман стали разменной монетой в большой политической игре, которая тайно велась американской и британской разведками весной 1945 года?

Напомним, что весной 1945 года велись тайные переговоры между командующим войсками СС в Италии генералом К. Вольфом и руководителем американской разведки в Швейцарии А. Даллесом. Данные об этих переговорах также были добыты советской военной разведкой и доложены Верховному Главнокомандующему. И.В. Сталин был вынужден обратиться к Рузвельту с посланием, в котором высказал свою точку зрения по поводу секретных переговоров представителей США и Германии в Швейцарии: «Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что же касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия»¹⁹. Верховный Главнокомандующий понимал, что в случае успешного завершения американо-германских переговоров германские войска прекратят сопротивление в Италии. Новая ситуация позволила бы американцам без промедления вывести мощные силы с юга в центр Европы, перед ними открылся бы свободный путь в Австрию и выход на Балканы²⁰. Сталин знал также и о сообщениях полковника Бринкмана и генерала Дина, и у него были серьезные основания не доверять отдельным сведениям, передаваемым союзниками.

Отвечая Сталину, Рузвельт поставил под сомнение достоверность сведений, добытых советской разведкой. Сталин в

очередном послании так отреагировал на замечание американского президента: «...что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле...»²¹.

Вспоминая события в Венгрии, Сталин писал: «...в феврале этого года генерал Маршалл дал ряд важных сообщений Генеральному штабу советских войск, где он на основании имеющихся у него данных предупреждал русских, что в марте месяце будут два серьезных контрудара немцев на восточном фронте, из коих один будет направлен из Померании на Торн, а другой — из района Моравска Острава на Лодзь. На деле, однако, оказалось, что главный удар немцев готовился и был осуществлен не в указанных выше районах, а в совершенно другом районе, а именно в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта. Как известно теперь, в этом районе немцы собрали до 35 дивизий, в том числе 11 танковых дивизий. Это был один из самых серьезных ударов за время войны с такой большой концентрацией танковых сил. Маршалу Толбухину удалось избежать катастрофы и потом разбить немцев наголову, между прочим, потому, что мои информаторы раскрыли, правда, с некоторым опозданием этот план главного удара немцев и немедленно предупредили о нем маршала Толбухина. Таким образом, я имел случай еще раз убедиться в аккуратности и осведомленности советских информаторов...»²².

Боевые действия весной 1945 года завершили разгром фашистской Германии. Взаимодействие стран антигитлеровской коалиции позволило добиться долгожданной Победы.

Весной 1945 года идеи солидарности и взаимодействия СССР, США и Англии превалировали в сознании народов этих государств. Однако на завершающем этапе Второй мировой войны разведывательные службы США и Англии уже проводили изоциренные секретные операции, которые были направлены

на ограничение расширения влияния СССР в Европе и в мировом сообществе. Балатонский «кроссворд» стал одним из тайных актов этого геополитического наступления разведок США и Великобритании, наступления, которое переросло затем в продолжительную «холодную войну».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дин Дж.Р. (1896—1982) — бригадный генерал, в 1943—1945 гг. — глава Военной миссии США в Москве. С 1946 г. — в отставке. Автор книги «Странный союз».

² Маршалл Дж.К. (1880—1959) — американский генерал армии (1944), участник Первой мировой войны. С 1939 г. — один из главных авторов военно-стратегических планов США и Англии во Второй мировой войне. В 1947—1949 гг. — государственный секретарь США, автор плана, названного его именем. В 1950—1951 гг. — министр обороны США.

³ Васильев А.Ф. (1902—1984) — генерал-лейтенант, участник Великой Отечественной войны. С июля 1941 г. — начальник разведывательного отдела штаба Южного фронта. В 1944 г. — советский военный представитель при войсках союзников в Италии. С ноября 1944 г. — глава советской военной миссии в Англии, член советской делегации на конференции в Сан-Франциско (апрель—июнь 1945 г.) по выработке Устава ООН, представитель СССР в Военно-штабном комитете ООН (сентябрь 1947 — февраль 1950 г.). В апреле 1950 г. назначен на должность начальника Управления внешних сношений МО СССР.

⁴ В системе советской военной разведки в 1945 г. существовали две самостоятельные разведывательные структуры: Главное разведывательное управление Красной армии, возглавляемое генерал-лейтенантом И.И. Ильичевым, занималось добыванием разведывательных сведений в зарубежных странах, а Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, возглавляемое генерал-полковником Ф.Ф. Кузнецовым, организовывало оперативную разведку и отвечало за получение сведений о противнике, в первую очередь на советско-германском фронте.

⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Оп. 11246. Д. 1. Л. 15—18.

⁶ Булганин Н.А. (1895—1975) — генерал-полковник (1958), в 1947—1958 гг. — Маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда (1955). В годы Великой Отечественной войны был членом военного совета Западного, 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. С ноября 1944 г. — заме-

ститель наркома обороны СССР и член ГКО, в феврале 1945 г. введен в состав Ставки ВГК. С 1946 г. — на государственной и партийной работе. В 1955—1958 гг. — Председатель Совета Министров СССР.

⁷ ЦАМО РФ. Оп. 11246. Д. 1. Л. 30—31 об.

⁸ Дитрих Иосиф (Зепп) — родился в 1892 г., участник в Первой мировой войны. После войны примкнул к фашистам. В 1921—1923 гг. находился в охранном отряде Гитлера, возглавил этот отряд. Готовил агентов, которые засылались по указанию Гитлера в различные политические организации. В 1934—1936 гг. занимался подготовкой отрядов СС, из которых сформировал дивизию СС «Лейб-штандарте Адольф Гитлер» и стал ее командиром. Участвовал с этой дивизией в польской и французской кампаниях, на Балканах и советско-германском фронте. Весной и летом 1943 г. командовал 1-м танковым корпусом СС на Украине, затем был командиром корпуса штурмовых и охранных отрядов. В октябре 1944 г. произведен в чин оберштурмгенерала (генерал-полковника) СС и назначен на должность командующего 6 ТА СС.

⁹ ЦАМО РФ. Оп. 11246. Д. 1. Л. 30—31 об.

¹⁰ Висло-Одерская операция проводилась с 12 января по 3 февраля 1945 г. войсками 1-го Белорусского (Маршал Советского Союза Г.К. Жуков) и 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И.С. Конев) фронтов при содействии левого крыла 2-го Белорусского (Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) и правого крыла 4-го Украинского (генерал армии И.Е. Петров) фронтов. В операции принимала участие 1-я армия Войска Польского.

¹¹ Мясков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941—1945 годах: союз и противоборство // Новая и новейшая история. № 2. 2004. С. 77.

¹² Чуйков В.И. Капитуляция гитлеровской Германии // Новая и новейшая история. 1965. № 2. С. 6—8.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1970. С. 579.

¹⁵ Мясков М.Ю. Указ. соч. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 77; См. также: Иванов С. Срыв контрнаступления немецко-фашистских войск у озера Балатон // Воен.-истор. журнал. 1969. № 3. С. 14.

¹⁷ Churchill W. The World War. Vol. VI. P. 407.

¹⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 208, 209.

¹⁹ Там же. С. 204

²⁰ Уткин А. Вторая мировая война. М.: АЛГОРИТМ, 2002. С. 803.

²¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР.. С. 207.

²² Там же. С. 207, 208.

● ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Подвиг полковника Людмилы Калининой

МОЖНО сказать, что Людмиле Ивановне Калининой подвластны все мужские профессии. В свое время она окончила фабрично-заводское училище, работала на заводе «АМО» токарем-фрезеровщиком, слесарем по ремонту станков-автоматов, охотно занималась военно-техническими видами спорта, освоила мотоцикл, планер, не последней была в соревнованиях по парашютному спорту. Научилась метко стрелять, за что получила значок «Ворошиловский стрелок».

В 1934 году Людмила Ивановна поставила себе, казалось бы, неосуществимую цель — поступить в Академию механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина и добилась своего. Сдав экзамены, она была зачислена. Затем в качестве механика-водителя участвовала в испытательном пробеге новых типов танков по маршруту Москва — Минск — Киев — Москва с преодолением водных преград.

В годы Великой Отечественной войны полковник-инженер Л.И. Калинина служила в должности начальника отдела ремонта и эвакуации танков на одном из фронтов. Под ее непосредственным руководством ремонтно-восстановительные подразделения ввели в строй в полевых условиях около 3000 танков, причём добрую половину из них пришлось ремонтировать капитально. Здесь восстанавливали даже подбитые немецкие танки и затем отправляли их в бой против фашистских захватчиков.

Людмила Ивановна награждена орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды и 23 медалями. В 2000 году Президент РФ наградил Людмилу Ивановну орденом Почета.

Без преувеличения, жизнь Людмилы Ивановны — это подвиг, подвиг во имя Родины, во имя защиты Отечества.

А.П. ШЕРШНЁВ

В.И. ЛОТА

ПАРТИЗАНСКИЕ СОЕДИНЕНИЯ НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

ПОБЕДА советского народа в Великой Отечественной войне стала возможной благодаря максимальным усилиям всех сил общества. Решающую роль в достижении этой победы сыграла, безусловно, Красная армия. Однако она являлась не единственной силой, с оружием в руках противостоящей врагу. На захваченных фашистами территориях развернулось широкое народное сопротивление. Оно не было хаотичным. Советское командование делало все для его координации. Понятно, что действия партизан должны были в первую очередь оказывать максимальную поддержку частям регулярной армии, но процесс содействия был взаимным: Красная армия помогала партизанам, а народные мстители делали все для ее победы на фронтах Отечественной войны.

18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Согласно ему Ленинградский обком партии выпустил директиву, обязывающую весь советско-партийный актив и коммунистов оставаться работать в тылу противника.

В начале июля 1941 года Ленинградский обком ВКП(б) утвердил группу в составе Г.Х. Бумагина (руководитель), М.Ф. Алексеева, Л.И. Кожевникова, на которых возлагалось руководство партизанским движением в области. 27 сентября он принял предложение тройки о создании областного штаба партизанского движения, в который вошли как партийные работники, так и представители действующей армии. Руководителем штаба был назначен секретарь Ленинградского обкома партии М.Н. Никитин. Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД), являясь органом обкома партии, в то же время согласовывал свою дея-

тельность с военными советами Ленинградского и других фронтов, находившихся на территории области¹.

Организация политико-массовой работы среди населения оккупированных районов северо-запада РСФСР была возложена ГКО на Ленинградский обком ВКП(б), политотделы Северо-Западного и Северного фронтов, партизанские формирования.

К 65-летию начала Великой Отечественной войны

К сентябрю 1941 года в составе политуправлений фронтов и политотделов армий были созданы отделы и отделения по руководству партийно-политической работой среди населения оккупированных районов и войск Красной армии, оказавшихся на территории, занятой врагом.

19 августа 1941 года вышло обращение Главного политического управления Красной армии ко всем военным советам и политуправлениям фронтов о работе среди населения оккупированных областей. В связи с этим решено было создавать отделы по партийно-политической работе среди населения и войск Красной армии, действующих на территории, занятой противником².

Основную цель своей работы с населением оккупированных районов советские политические органы видели в том, чтобы поднять народные массы на всенародную борьбу против фашистских захватчиков. Предполагалось постоянно и своевременно информировать население о ходе Великой Отечественной войны, действиях Красной армии, о героизме рядовых бойцов и команди-

ров, партизан и подпольщиков, тружеников советского тыла, укреплять у людей веру в неизбежность полного разгрома фашистской Германии и ее союзников.

Для выполнения всех этих задач было необходимо издавать специальную печатную продукцию (памятки, газеты, листовки, обращения, плакаты) и распространять ее среди населения оккупированных районов, разрабатывать руководящие указания по партийно-политической работе, организовывать ежедневные радиопередачи³. В условиях же отступления РККА в 1941 году удалось сделать очень мало. Политуправление Северо-Западного фронта вынуждено было признать, что «распространялись только две листовки, присланные из Москвы: “Резолюция всеславянского митинга в Москве” и “Вести с Родины”»⁴.

Для командования Красной армии было необходимо систематически получать данные о движении войск и техники противника по железнодорожным и шоссейным коммуникациям. Эту важную задачу успешно решила партизанская разведка. Организовав специальные группы, используя агентуру, народные мстители установили непрерывное наблюдение на дорогах, передавая результаты наблюдений в Центр. Волотовская подпольная организация выделила в конце 1941 года специальные группы, которые следили за сосредоточением гитлеровских войск на участке Порхов — Дно. Добытые ими ценные сведения немедленно сообщались командованию 2-й партизанской бригады⁵.

Весной 1942 года военный совет Северо-Западного фронта создал партизанский отдел. На него были возложены сле-

дующие задачи: организация партизанских отрядов в полосе фронта, их вооружение, подготовка к боевым действиям и руководство их оперативной деятельностью; разработка боевых заданий для партизанских отрядов и посылка своих представителей в отряды для контроля и помощи им; учет личного состава военнослужащих, находящихся в партизанских отрядах⁶.

С февраля 1942 года после стабилизации северо-западного участка фронта советская авиация смогла наладить регулярную доставку почты в этот регион. Кроме пропагандистских материалов, газет и листовок, предназначенных для партизан и населения, некоторые крестьянские семьи получили письма от своих родных и близких, служивших в Красной армии.

Весной 1942 года штабом партизанского движения Ленинградского обкома ВКП(б) разрабатывается план распространения агитационной литературы средствами авиации среди населения временно оккупированных немцами районов и партизан, действующих в тылу противника⁷.

Специальные выпуски газеты «Ленинградская правда» (общим тиражом 150 тыс. экземпляров) и листовки предполагалось разбрасывать в крупных населенных пунктах и районных центрах Кингисеппского, Волосовского, Лужского, Оредежского, Плюсского, Слуцкого, Красногвардейского, Гдовского, Сланцевского, Осьминского и Лядского районов⁸. Тематика листовок была самой разнообразной: «К советским юношам, девушкам и подросткам занятых немцами областей», «Разрушайте мосты и дороги на путях отступления немцев», «Письма от защитников Ленинграда к партизанам и колхозникам оккупированных районов области»⁹.

Увеличение тиража газет и листовок требовало активизации работ типографий. Как отмечало командование Волховского фронта осенью 1942 года, «количество шрифтов и типографского материала в основном достаточно. Имеющегося запаса бумаги хватит приблизительно на 1,5 месяца»¹⁰.

Основной задачей партизанского движения в тылу вермахта летом 1942 года ЛШПД считал дезорганизацию сил противника мелкими диверсионными группами в составе трех-пяти человек путем разрушения коммуникационных линий (организация крушений поездов, подрыв мостов, железнодорожных путей и повреждение линий связи), уничтожение складов боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия. Необходимо было также регулярно сообщать командованию Красной армии о расположении, численности и передвижении войск противника.

В оперативных справках штабов партизанского движения деятельность партизанской разведки отмечалась особо. Так, 6 июля 1942 года начальник ЛШПД М.Н. Никитин отмечал важность сведений, полученных от партизан-разведчиков отряда Сазанова¹¹.

ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ помощь нашим войскам в деле разведки оборонительных узлов и линий противника оказали партизанские агенты. Они проникали на строительство оборонительных сооружений, получали данные от мобилизованных на них советских людей, составляли подробные планы и схемы вражеских опорных пунктов и рубежей обороны. Благодаря этому командование советских войск заранее получало подробнейшие планы обороны таких городов, как Луга, Псков, Порхов и др.¹².

1 сентября 1942 года во время приема группы командиров партизанских отрядов и организаторов партизанского движения И.В. Сталин указал на то, что партизаны действуют при поддержке миллионов советских людей, а значит, имеют прекрасные возможности для разведывательной работы, могут и должны оказать неоценимую помощь Красной армии в разгроме оккупантов. Говорилось о необходимости везде заводить свою агентуру из преданных людей, которые должны были вести наблюдение и обо всем сообщать, больше ничего не деля. Надо было проникать в учреждения, организации, штабы врага и органы власти. Для этого требовалось заводить и усиливать связи в горо-

дах, через которые проходили коммуникации, шло движение войск. Подчеркивалось, что нельзя забиваться только в лес: много важного оттуда увидеть практически невозможно¹³.

Но не только партизаны и подпольщики выполняли задания советского командования. С 1941 года на оккупированную территорию из советского тыла стали засылаться вооруженные группы, состоящие из коммунистов. Основной их целью была пропагандистская работа с местным населением. Так, зимой 1942/43 года тематика подобных бесед была следующей: наступление Красной армии на юге и разгром немецких банд; окружение под Сталинградом 22 немецких дивизий частями Красной армии; наступление частей Красной армии на Ленинградском фронте и снятие блокады с города Ленина; организация саботажа немецким властям в деле выдачи натурального и денежного налога; укрытие молодежи от призыва в немецкую армию; борьба местного населения с предателями и изменниками Родины; невыход населения на лесозаготовки, расчистку от снега шоссе и железных дорог¹⁴.

Этой же зимой ситуация на фронте Великой Отечественной войны начинает радикально меняться в пользу Красной армии, что заставляет командование вермахта передислоцировать свои силы из-под Ленинграда на другие участки фронта. Сокращение ряда тыловых гарнизонов на оккупированной территории Ленинградской области позволило силам советского движения сопротивления резко активизировать боевую и политическую работу в тылу врага. В первую очередь возросли масштабы и результативность разведывательной деятельности. Кроме боевой разведки для себя партизаны вели непрерывную разведку тылов противника в интересах Красной армии. Через свою агентуру народные мстители, действовавшие в полосе Волховского фронта, только за 5 месяцев (с 1 октября 1943 по 1 февраля 1944 г.) смогли установить дислокацию и численность 155 гарнизонов противника, 19 штабов, 18 аэродромов, 18 складов¹⁵.

ПАМЯТНИК ПОДВОДНИКАМ В НИКОЛАЕВСКЕ-НА-АМУРЕ

УТРОМ 18 июля 1942 года Николаевск-на-Амуре потряс мощный взрыв — у причальной стенки военно-морской базы взорвалась готовившаяся к дальнему походу новейшая по тому времени подводная лодка Щ-138. Взрыв был такой силы, что на дно пошла не только названная лодка, но и стоявшая рядом с ней Щ-118, а баржу «Славянка», доверху загруженную боеприпасами, отбросило к центру бухты, где она и затонула. К счастью, боеприпасы не сдетонировали. На обеих лодках погибли 43 человека, в том числе командир Щ-138 капитан-лейтенант В.И. Гильдюнов, командир 8-го дивизиона подводных лодок Тихоокеанского флота (ТОФ) капитан-лейтенант А.П. Шатов, флагманский штурман 3-й бригады подводных лодок Северной Тихоокеанской флотилии (СТОФ) капитан-лейтенант П.П. Малинин. Если бы не гибель этих кораблей, к началу войны с Японией ТОФ имел бы не 78, а 80 подводных лодок.

Длительное время материалы о том инциденте были закрыты. Лишь сейчас выяснилось, что причиной трагедии была вражеская диверсия*. Гордской совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов выступил с инициативой создания памятника погибшим краснофлотцам. Средства были собраны с помощью администрации района, края, предпринимателей, жителей, школьников города, а изготовили памятник в мастерских старательской артели «Амур». Макет подводной лодки сделали на заводе «Дальдизель». Доставленный в город на судне Амурского речного пароходства, памятник-знак был установлен рабочими ЗАО «Форпост» в центральном парке на берегу Амура. Торжественное открытие его и освящение настоятелем Свято-Никольского храма отцом Александром состоялось 2 сентября 2005 года — в день 60-летия окончания Второй мировой войны. На мраморной плите золотом написаны фамилии погибших моряков. Так была закрыта еще одна неизвестная ранее страница истории отечественного подводного флота, столетие которому исполняется в этом году.

**Капитан 2 ранга в отставке
Г.Н. ТАРАКАНОВ,
председатель Николаевского-на-Амуре
совета ветеранов войны, труда,
Вооруженных сил
и правоохранительных органов**

* Подробнее об этом см.: в ближайших номерах "Военно-исторического журнала. Интернет приложение" на www.mil.ru

С целью получения необходимых сведений партизанская разведка широко использовала захват языков. В одной из смелых разведывательных операций в сентябре 1943 года партизаны 12-й Ленинградской бригады захватили лейтенанта фон Швиссельмана, который дал чрезвычайно ценную информацию о намерениях и мероприятиях немецкого командования¹⁶.

Советская авиация неоднократно совершала налеты на противника, используя данные, полученные от народных мстителей. Особенно успешными были бомбардировки нашей авиацией дальнего действия города и железнодорожного узла Псков в ночь на 26 июня 1943 года и в ночь на 19 февраля 1944 года. Благодаря информации, полученной от партизанской агентуры и Псковского партийного центра, наша дальняя авиация смогла нанести врагу серьезный урон. Только в результате последнего налета на этот город было уничтожено несколько эшелонов с войсками, разрушены пассажирская и товарная станции, а также склады с оружием, боеприпасами и горючим¹⁷.

К заслугам партизанской разведки относятся и организация метеорологической службы в тылу противника. Почти все партизанские соединения установили непрерывное наблюдение за погодой и ежедневно доносили в Центр о ее состоянии в различных районах. Эта информация была крайне необходима для нашей авиации.

В ходе летней кампании 1943 года на советско-германском фронте партизаны-разведчики собрали такие сведения, которые наряду с другими помогли Верховному Главнокомандованию разгадать замысел врага, определить места сосредоточения его наступательных группировок и направления готовящихся ударов.

Успехи Красной армии на фронтах, грабительская политика оккупантов способствовали развитию и укреплению партизанского движения в тылу врага.

События на Курской дуге, завершившие коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, и подготовка крупномасштабного наступления

Красной армии под Ленинградом поставили перед партизанами и подпольщиками задачу срыва немецких планов по эвакуации населения и вывозу материальных ценностей из центральных и западных районов области.

Стремясь затормозить рост партизанского движения, изолировать партизан от народа, обезопасить свои коммуникации, гитлеровское командование приняло решение выселить все население за свой так называемый Восточный вал, проходивший по западной границе Ленинградской области. Но фашистам не удалось полностью осуществить свои планы, а в ряде районов (в первую очередь в местах дислокации 2-й и 5-й партизанских бригад) они вообще были сорваны.

Партизанское командование в Ленинградской области приступило к подготовке совместных с войсками боевых действий по полному изгнанию оккупантов с северо-западной территории РСФСР. Накануне крупномасштабного наступления Красной армии под Ленинградом зимой 1944 года силами советского движения сопротивления удалось взять под свой контроль значительные районы в тылу врага.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973. С. 26.

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб.). Ф. 0-116. Оп. 12. Д. 8. Л. 7.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 25. Л. 15.

⁵ Петров Ю.П. Указ. соч. С. 128.

⁶ В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г. Сб. документов. Л., 1981. С. 52.

⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Оп. 9. Д. 176. Л. 6, 7.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 62. Л. 22.

¹² Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 140.

¹³ Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 196.

¹⁴ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 416. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 139.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 144.

С.В. КУЛИК

▲ Бойцы охраны А.К. Желваков (слева) и К.П. Жердев — участник Мукденского десанта

В бывшем штабе Квантунской армии (слева направо): заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-полковник М.П. Ковалев; особоуполномоченный Советского военного командования, вручивший командующему Квантунской армии ультиматум о капитуляции японских войск, полковник И.Т. Артеменко; главком Квантунской армии генерал Отодзо Ямада и его начальник штаба генерал Хата; советский комендант г. Чанчуня генерал-майор Ф.В. Карпов; стоит — личный переводчик Ямады

Состав парламентерского десанта в Чанчунь Август 1945 г.

действиям бомбардировщики находились в воздухе. По сигналу десантные подразделения быстро и организованно заняли аэродром, создали круговую оборону. Но экстренные меры не потребовались.

Эта талантливо проведенная операция сыграла важную роль в окончательной капитуляции японской армейской группировки в Маньчжурии и пленении командования Квантунской армии, что ускорило окончание войны, помогло избежать излишних жертв. Сами японцы впоследствии признавали, что не рассчитывали на такой «визит» — без согласия, без гарантий с японской стороны. Появление советских офицеров оказалось настолько неожиданным, что в штабе Квантунской армии поначалу просто в это не поверили, пока не

увидели полковника Артеменко в кабинете главнокомандующего генерала Отодзо Ямадо. Содержание ультиматума и переговоры Артеменко с главнокомандующим окончательно убедили японцев в напрасном сопротивлении, хотя многие и не верили в такое быстрое и даже неожиданное решение. В то же время присутствие русских в штабе и советского десанта в городе окончательно парализовало управление войсками. Подобного в оперативном искусстве и практике войн история еще не знала.

И все же участники операции, несомненно, рисковали головой. Причем вполне сознательно. Впоследствии стало известно, что самураи вынашивали коварный план уничтожения парламентерской группы. Но риск был оправдан, и операция увенчалась успехом. Командующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада, его штаб с первых же минут встречи с советскими парламентарями увидели перед собой уверенных в своей силе воинов, ибо за спиной этих солдат и офицеров стояла великая страна и великий народ — и в этом была их несокрушимая мощь.

Интересно, что у И.Т. Артеменко были с японцами, можно сказать, давние счеты: его отец, русский офицер, сражался с ними в 1904—1905 гг. в Порт-Артуре, а дед по материнской линии легендарный генерал Р.П. Кондратенко руководил героической обороной этой русской крепости. И вот теперь, 19 августа 1945 года, младшему из этой боевой семьи, советскому офицеру Артеменко закономерно выпала честь завершить историческое противоборство.

▶ Памятник в Чанчуне советским летчикам, погибшим при освобождении Китая. На нем на китайском и русском языках надпись: «Здесь похоронены летчики-забайкальцы, павшие смертью храбрых в боях за честь и победу Советского Союза. Дружба советского и китайского народа навсегда»

А. ДОШЛОВ

КОМАНДАРМЫ Великой Отечественной войны

Обзор редакционной почты «Военно исторического журнала»

В 2005 году, году 60-летия Победы, в нескольких номерах журнала¹ публиковался цикл статей о советских военачальниках, командовавших армиями в 1941—1945 гг. В адрес редакции и автора публикации кандидата исторических наук генерал-лейтенанта в отставке Е.И. Малашенко поступило множество откликов. Читатели по достоинству оценили объемный исследовательский труд. Так, подполковник запаса В.А. Непарко из г. Березани (Беларусь) считает, что это «поистине бесценная энциклопедическая справка военной истории». Подобную точку зрения разделяет и В.В. Алексеев из г. Элисты (Калмыкия). Он с большим интересом, по его словам, изучает представленные материалы о командармах, откуда «много почерпнул для себя», а фотографии некоторых генералов и их биографические данные им «увидены и прочитаны впервые». Наш постоянный читатель Д.Д. Кунстман из пос. Савинский (Плесецкий р-н Архангельской обл.), правда, нашел, что «все это выглядит... не научно, а дилетантски». Вынудили его сделать такой резкий вывод расхождения с собранными лично им однотемными сведениями, неточности и ошибки в таблицах, сопровождающих публикацию. Он пишет, что «просто не мог представить, что будет такое количество несоответствий» и ему «обидно за такой подход к материалам». Вместе с тем им выражена признательность автору исследования «за ценные материалы», а в недавнем письме он уточнил, что очень благодарен автору за проделанную им огромную работу, поскольку из таблицы «узнал много для себя интересных сведений».

Трудно не согласиться как с положительной, так и с критической оценкой столь примечательной публикации, поскольку ее содержание в полной мере заслуживает и того и другого.

Впрочем, подобной читательской почты, связанной с обнаружением фрагментов исторического исследования следовало ожидать. Именно поэтому к первой публикации материала имелось соответствующее примечание: «Сведения о некоторых командармах из-за отсутствия соответствующих архивных документов и упоминания в литературе приведены не полностью, причем как в отношении них, так и других военачальников могут встречаться неточности, поскольку в различных источниках имеются расхождения». Читатели также уведомлялись о том, что «работа в этом направлении продолжается»².

Не считаться с этими объективными доводами будет не совсем справедливо, конечно же с учетом предпосылок к неточностям и ошибкам чисто субъективного характера. Вполне объяснимо желание автора выпустить в свет свой еще не завершённый многолетний труд к празднованию 60-летия Великой Победы. Вот почему представленная редакции вместе с положительными отзывами рецензентов пространная работа потребовала как досконального текстового редактирования, так и тщательной проверки содержащихся в ней фактов и цифровых данных. Все это из-за жестких временных рамок, большого объема рукописи и отсутствия в редакции необходимой справочной литературы полностью осуществить не удалось.

Справедливости ради нужно отметить и трудности, с которыми столкнулся автор при использовании документальных источников и архивных материалов. Дело в том, что всевозможные несоответствия зачастую изначально выходили из-под руки самих составителей тех или иных документов. Видимо, не зная о столь существенном обстоятельстве или же по каким-то иным причинам не учитывая его, многие читатели, приславшие

отклики, слишком односторонне подходили к упоминаемым в публикации биографическим сведениям.

Длительное время, например, в справочной литературе местом рождения выдающегося советского полководца, легендарного командарма не менее легендарной 16 А, затем командующего войсками различных фронтов Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского значился г. Великие Луки (ныне Псковская обл.). Даже в вышедшем совсем недавно в свет фундаментальном труде, посвященном командармам Великой Отечественной, повторяется эта неточность. Да и в последнем издании «Военной Энциклопедии» — тоже, правда, с некоторой оговоркой, мол, «по др. источникам, р[одился] в г. Варшава...»³. Но ведь «др. источник» — это в первую очередь автобиография комдива Рокоссовского, написанная им еще 4 апреля 1940 года⁴.

Нарекания читателей вызвали сопровождавшие исследование справочные таблицы с биографическими данными командующих общевойсковыми армиями. В.И. Панасюка из г. Элисты, к примеру, огорчило то, что в «сводных таблицах вообще нет Д.Д. Лелюшенко и П.Л. Романенко». Конечно, если бы читатель написал это письмо после выхода в свет не 5-го номера журнала, а 6-го, то в очередной публикации, где речь шла о командующих танковыми армиями, увидел бы фамилии названных им генералов.

И все же резон в его замечании есть, особенно если вести речь о генерале армии Д.Д. Лелюшенко, который до того как возглавить в марте 1944 года⁵ 4-ю танковую армию (в том же месяце стала гвардейской), командовал с октября 1941-го еще и четвертья общевойсковыми армиями (5, 30, 1, 3-й гв.)⁶. Словом, наличие его фамилии среди фамилий других командармов-

«общевоисковиков» было бы и целесообразным, и оправданным, впрочем, как и генерал-полковника П.Л. Романенко, хотя его фронтовая судьба сложилась несколько иначе. Начало Великой Отечественной войны П.Л. Романенко встретил в должности командующего 17 А Забайкальского фронта и около года непосредственного участия в боевых действиях не принимал. Вступил же в них как командарм во главе танкового объединения, а общевоисковое возглавил лишь в феврале 1943-го (командующий 48 А).

В РЕДАКЦИОННОЙ почте встречается немало читательских писем с предложениями «вообще расширить список командармов». Так, полковник в отставке Н.П. Долбунов (пос. Северный Балашихинского р-на Московской обл.) считает несправедливым, что в этом списке нет Адмирала Флота Советского Союза С.Г. Горшкова. «Сергей Георгиевич в ноябре 1942 г., — пишет он, ссылаясь на современный источник, — временно командовал 47 А».

Да, действительно, в авторитетном справочном издании⁷ этот факт упоминается. Вместе с тем в других изданиях, в том числе и в мемуарной литературе, ни боевой путь 47-й общевоисковой армии, сформированной в конце июля 1941 года, ни участие этого объединения в обороне Кавказа с биографией бывшего главнокомандующего ВМФ тесно не увязываются⁸. Например, адмирал флота В.А. Касатонов в историческом очерке, посвященном 70-летию С.Г. Горшкова, об участии последнего в Битве за Кавказ сообщал следующее: «Летом 1942 года Азовская флотилия под командованием контр-адмирала Горшкова упорно обороняла побережье Азовского моря, активно помогала советским войскам сдерживать натиск превосходящих сил противника... Вместе с войсками 47-й армии на сухопутных рубежах Новороссийского оборонительного района стойко сражались моряки Азовской флотилии»⁹.

Нужно учитывать, что В.А. Касатонов при работе над очерком пользовался архивными документами, в том числе и личным делом С.Г. Горшкова. Наверяд ли он прошел бы мимо записи о пребывании героя очерка

в должности командарма, если бы таковая в документах значилась. Впрочем, что очень показательно, сам С.Г. Горшков не считал себя вправе именоваться командармом, пусть и временным. В одном из интервью «Военно-историческому журналу»¹⁰ он согласился рассказать о своем «сухопутном командовании» лишь после того, как получил обещание не включать ни такой вопрос, ни ответ на него в печатный текст беседы. Объяснил свою позицию тем, что исключительное назначение было слишком кратковременным и не официальным, да и командовать сухопутными соединениями ему фактически не пришлось, поскольку в отсутствие командарма имелись соответствующие опытные начальники, а он являлся лишь координатором совместных действий.

Более памятным для себя эпизодом все в тот же напряженный период Великой Отечественной войны Сергей Георгиевич считал оборону Новороссийска. Об этом (уже для печати) говорил так: «В августе 1942 года шли ожесточенные бои под Новороссийском. Для координации действий сухопутных войск, сил авиации и флота был создан Новороссийский оборонительный район. В начале сентября в командование им вступил генерал-майор Андрей Антонович Гречко. Я являлся его заместителем по морской части».

Не забыл он при этом и о роли 47 А в сдерживании вражеских сил, пытавшихся прорваться к приморской дороге, ведущей к Туапсе и далее на юг. «В этой сложной обстановке, — рассказывал он, — было принято решение войскам сорок седьмой армии закрепиться в районе цементных заводов на восточном берегу Цемесской бухты, морским же частям, сражавшимся в городе (ими командовал я), — преградить фашистским войскам выход к прибрежной дороге и тем самым дать возможность частям армии закрепиться на позициях»¹¹.

Расширить список командармов предложил и уже упоминавшийся В.И. Панасюк. Первыми же назвал фамилии генерала армии С.Г. Поплавского и генерала брони К.К. Сверчковского, которые, как он пишет, «учились в наших вузах, всю сознательную жизнь служили в Красной армии,

имеют советские награды и воинские звания», а руководимые ими польские армии, дескать, воевали в составе советских фронтов.

ЕСЛИ следовать этой логике, то в «сводную таблицу командармов», составляемую читателями, необходимо вписать и фамилию генерал-лейтенанта В. Стойчева, возглавлявшего сформированную в декабре 1944 года новую 1-ю болгарскую армию, воевавшую в составе 3-го Украинского фронта (а ведь до этого в составе того же фронта действовали и другие болгарские армии — 1, 2, 4-я). Возвращаясь к военачальникам, возглавлявшим польские армии, следует вспомнить З. Берлинга и В. Корчица, предшественников С.Г. Поплавского в должности командующего 1-й польской армией. Особенно соответствует логике читателя первый из них, который явился и инициатором создания, и организатором формирования, и командиром участвовавшей в боевых действиях 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко, командиром 1-го польского корпуса, командующим Польской армией в СССР (с июля 1944 г. 1 А Войска Польского); в 1944—1947 гг. учился в Военной академии Генерального штаба (Москва). Впрочем, подобной точки зрения, выраженной нашим читателем, похоже, придерживался коллектив уже упоминавшегося биографического справочника о командармах, хотя и в этом издании не соблюдена последовательность в осуществлении замысла. Например, если в книге приводятся данные как о советских командармах и о Корчице, и о Поплавском, и о Сверчевском, то биографии Берлинга и Стойчева почему-то не удостоились внимания исследователей¹².

Думается, не совсем правильным будет включение в список командармов бывшего командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Петровского, которому «только чрезвычайные обстоятельства и личная порядочность, — как отмечает В.И. Панасюк, — не позволили вступить в командование 21 А».

Все это так, о чем в свое время подробно рассказывалось на страницах «Военно-исторического журнала». Но вместе с тем мужественный комкор Л.Г. Петровский, получивший

13 августа 1941 года приказ, подписанный командующим и членом военного совета Центрального фронта, принять 21-ю армию, так ею фактически ни одного дня и не руководил. Вот почему его фамилия не вошла ни в историю боевого пути этого объединения, ни в список командармов Великой Отечественной вообще¹³.

Более справедливым является замечание Д.Н. Лищука из украинского с. Подрожье (Ковельский р-н Волынской обл.) об отсутствии в публикации фамилий генералов А.В. Куркина и А.К. Сокольского. В отношении первого из них он привел цитату со ссылкой на справочное издание, где, по его словам, утверждалось, что «на Орловском направлении развертывалась 26-я армия под командованием генерал-майора танковых войск А.В. Куркина» и что «основой для ее формирования послужил 1-й гвардейский корпус». По всей видимости, Д.Н. Лищук при этом допустил неточность, поскольку приведенная им цитата повторяет соответствующие строки известного издания¹⁴ за исключением того, что 26 А, созданной на базе 1-го ск. в октябре 1941 года (вторично; первое формирование — в июле 1940 г.), командовал генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, а не генерал-майор танковых войск А.В. Куркин. Последний же значится как командир 3-го механизированного корпуса, правда, речь идет о более ранних боях (июнь 1941 г.)¹⁵. Вместе с тем в последнем биографическом справочнике, посвященном командармам, и об А.В. Куркине, и об А.К. Сокольском приведены подробные сведения. Так, о первом из них сообщается, что с 9 по 22 октября 1941 года он возглавлял 26 А, подчиненную Ставке ВГК, которая, не закончив формирования, «вступила в тяжелые оборонительные бои со 2-й танковой группой противника, наступавшей на орловско-тульском направлении»¹⁶. Здесь же о втором упомянутом генерале сказано так: «С 4 по 13 сентября 1942 г. полковник А.К. Сокольский временно командовал 12-й армией, управление которой в это время было реорганизовано в Управление Туапсинского оборонительного р-на и войска переданы в 18-ю армию»¹⁷.

Как уже отмечалось, автор исследования пользовался различными документальными источниками, которые зачастую противоречат друг другу при упоминании географических названий, дат, наименований тех или иных объединений, ошибочно представляют звания и даже инициалы и фамилии военачальников. Поэтому в исследовании Е.И. Малашенко тоже встречаются подобные погрешности, на что справедливо указывают многие читатели. Так, в первой журнальной подаче исследования (2005. № 1. С. 15) неверно утверждалось, что генерал-майор К.И. Ракутин погиб в бою не в 1941, а в 1942 году. В последующем эта ошибка была исправлена (№ 4. С. 16).

ОБРАТИЛИ внимание читатели и на расхождение в различных источниках в написании фамилии бывшего командующего 31-й общевойсковой армией. Например, в книге «Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия» (М.: Советская Энциклопедия, 1985. С. 725) можно прочитать «В.Н. Далматов», так же, как в упоминаемом не однажды «Военном биографическом словаре» (с. 63), но в последнем восьмитомном издании «Военной Энциклопедии» (М.: Воениздат, 2004. Т. 8. С. 129) — «В.Н. Долматов». Через «о» употреблена фамилия командарма и в нашей публикации. Такое ее написание можно встретить и в исторических очерках, посвященных Великой Отечественной, основу которых составили архивные документы, в частности боевые донесения фронтовой поры. В этом фундаментальном труде об упомянутом военачальнике можно прочитать следующее: «19 октября группа Ватутина была расформирована, а ее соединения включены в состав 31-й армии, командующим которой был назначен генерал В.А. Юшкевич. На этом посту он заменил В.Н. Долматова, который за крупные упущения в управлении войсками при обороне Ржева был предан суду военного трибунала»¹⁸.

Оспаривая подобное употребление фамилии командарма 31-й, полковник в отставке Н.П. Долбунов пишет: «Со мной в доме живет внук Василия Никитича — Василий, а в поликли-

нике поселка работает его внучка — Наташа. Они подтвердили, что правильно — Далматов».

Родственники военачальника, конечно же, более осведомлены в том, как правильно произносится и пишется их фамилия. Хотя с некоторыми фамилиями иногда происходили такие изменения, что вряд ли про то иные внуки знают.

Примерно 15 лет назад наш журнал публиковал на своих страницах фрагменты рукописи Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, не вошедшие в несколько изданий его книги «Солдатский долг». В одном из фрагментов рассказывалось о том, как Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин рекомендовал командующему Донским фронтом генерал-лейтенанту К.К. Рокоссовскому повлиять на командарма 66 А генерал-майора А.С. Жидова, чтобы тот изменил свою фамилию. «Никаких претензий к Жидову как к командующему, — писал автор воспоминаний, — он не имеет, но в армии некоторую роль играет и то обстоятельство, как звучит фамилия военачальника. Потому-то мне следует уговорить Жидова сменить фамилию на любую другую по его усмотрению. После переговоров командующий 66-й согласился стать Жадовым»¹⁹.

Если большинство читателей в откликах на публикацию Е.И. Малашенко высказывались по какому-нибудь одному эпизоду, то некоторые (Д.Д. Кунтман, В.И. Панасюк, С.В. Рузаев, К.А. Трофимов и др.) прислали в редакцию объемный перечень различных уточнений, дополнений, в чем-то справедливых и принципиальных, в чем-то спорных и противоречивых. Представил также свои замечания по просьбе редакции и наш постоянный автор — профессор кафедры истории, экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института, доктор исторических наук, доцент А.А. Печенкин (г. Киров). Ниже помещена подготовленная им специально по обсуждаемой теме таблица. В заключение уведомляем наших читателей, что работа в данном направлении продолжается и мы будем благодарны за присланные замечания и уточнения.

**Замечания и уточнения к публикации Е. И. МАЛАШЕНКО
(Воен.-истор. журнал. 2005. №1-7)**

Номер журнала и страница	Напечатано	Правильно
1	2	3
№ 1. С. 14.	П.Ф. Алферов (подпись под снимком)	П.Ф. Альферьев
№ 1. С. 15.	Баграмян Иван Христофорович. 1897-1984. Генерал армии (1944)	Умер в 1982 г. Звание генерала армии присвоено в 1943 году
№ 1. С. 17.	Берзарин Николай Эрастович. Гражданская	Добавить: участвовал в боях в р-не оз. Хасан
№ 2. С. 9.	Дано фото генерала И.А. Богданова в форме и с наградами 1945 года	Командующий 39-й армией генерал-лейтенант И.А. Богданов умер от ран в 1942 году, задолго до введения погон. Это фото не генерал-лейтенанта И.А. Богданова, а другого человека. Фотография И.А. Богданова помещена в ВИЖе несколько ранее (2001. № 6. С. 11)
№ 2. С. 9, 10	Василий Николаевич Гордов в предвоенные годы был генерал-лейтенантом... По сфабрикованному обвинению был осужден и расстрелян в 1951 году	Василий Николаевич Гордов в предвоенные годы был генерал-майором (с 4 июня 1940 г.), а генерал-лейтенантом стал в июле 1942 года при назначении его командующим Сталинградским фронтом. Расстрелян в августе 1950 года
№ 2. С. 14	Гордов Василий Николаевич (1896-1951). Расстрелян в 1951 году	Гордов В.Н. (1896-1950). Расстрелян в августе 1950 года
№ 2. С. 11	Георгий Федотович Захаров	Георгий Федорович
№ 2. С. 12	Власов Андрей Андреевич. 37 А (сентябрь-декабрь 1940 г.)	37 А (август-сентябрь 1941 г.) ²⁰
№ 2. С. 13	Герасимов Михаил Никифорович	Михаил Никанорович
№ 2. С. 13	Гастилович Антон Иосифович. Генерал-полковник (1952)	Генерал-полковник (1959)
№ 2. С. 13	Глаголев Василий Васильевич. Род. в 1896 году	Род. в 1898 году
№ 2. С. 13	Говоров Леонид Александрович. Маршал Советского Союза (1945)	Маршал Советского Союза (1944)
№ 2. С. 14	Гусев Дмитрий Николаевич	Добавить: генерал-лейтенант (1942), генерал-полковник (1944)
№ 2. С. 14	Генерал-лейтенант Гусев Николай Иванович	Генерал-полковник
№ 2. С. 14	Городнянский Авксентий Михайлович. Род. в 1879 году	Род. в 1896 году
№ 2. С. 14	Данилов Алексей Ильич	Добавить: генерал-лейтенант (1943), 17 А (ноябрь 1943 – до конца войны)
№ 2. С. 16	Иванов Михаил Михайлович. Погиб в бою 15 мая 1942 года	15 сентября 1942 года
№ 3. С. 22	Кирюхин Николай Иванович	Добавить: Герой Советского Союза (1943)
№ 3. С. 22	Колганов Константин Степанович. Генерал-лейтенант (1944)	Генерал-лейтенант (1943)
№ 3. С. 23	Костенко Федор Яковлевич. Погиб в бою 27 апреля 1942 года	Погиб в бою 26 мая 1942 года
№ 3. С. 24	Крылов Николай Иванович. Генерал армии (1963)	Генерал армии (1953)
№ 3. С. 24	Кузнецов Алексей Михайлович. 3 А, 1 УА, 63 А, 7 гв.А, 51 А (июнь-июль и сентябрь-октябрь 1942 г.)	3, 1 УА и 63-й армиями командовал не Алексей Михайлович Кузнецов, а его однофамилец – Василий Иванович Кузнецов ²¹
№ 3. С. 24	Кулик Григорий Иванович участвовал в Гражданской войне	Добавить: Первая мировая, война в Испании (1936-1937), Халхин-Гол (1939), Советско-финляндская война (1939-1940)
№ 3. С. 25	Лукин Михаил Федорович	Добавить: Герой Российской Федерации (1993 г., посмертно)
№ 3. С. 25	Лучинский Александр Александрович	Добавить: генерал армии (1955)
№ 4. С. 10	Кирилл Афанасьевич Мерецков... Маршал Советского Союза (1945)	Маршал Советского Союза (1944)
№ 4. С. 11	Иван Ефимович Петров... В марте 1944 года был освобожден от командования 4-м Украинским фронтом	В марте 1945 г.
№ 4. С. 11	Маркиан Михайлович Попов... погоны генерала армии ему вручали и в 1944 и в 1953 году	В 1943 и 1953 гг.
№ 4. С. 15	Попов Маркиан Михайлович. Генерал армии (1944)	Генерал армии (1943)
№ 4. С. 16	Пронин Николай Нилович (18 июля – 3 августа 1941 г.). Генерал-майор (1940) 34 А	34 А командовал не генерал-майор Пронин Н.Н., а комбриг Пронин Н.И. ²²
№ 4. С. 16	Ракутин Константин Иванович. Генерал-майор (1941)	Генерал-майор (1940)

1	2	3
№ 4. С. 17	Рыжов Александр Иванович. Род. в 1885 году	Род. в 1895 году
№ 5. С. 15	Иван Васильевич Тюленев	Иван Владимирович
№ 5. С. 21	Тюленев Иван Васильевич	Иван Владимирович
№ 5. С. 18	Василий Иванович Чуйков командовал 62 А. Стойко защищавшая Сталинград, армия стала 7-й гвардейской...	8-й гв. А
№ 5. С. 18	Василий Иванович Швецов... Герой Советского Союза (1945)	Звание Героя Советского Союза не присваивалось
№ 5. С. 19	Смирнов Илья Корнилович. Род. в 1897 году	Род. в 1887 году
№ 5. С. 23	Цветаев Вячеслав Дмитриевич. Генерал-лейтенант (1941)	Генерал-лейтенант (1940)
№ 5. С. 23	Черняк Степан Иванович. Род. в 1889 году	Род. в 1899 году
№ 5. С. 25	Шевалдин Трофим Иванович	Трифон Иванович
№ 7. С. 10	Тимофей Тимофеевич Хрюкин... Уже в 1939 году он был удостоен звания Героя Советского Союза за участие в Советско-финляндской войне	Т.Т. Хрюкин был удостоен звания Героя Советского Союза в феврале 1939 г. за участие в боях в Испании и Китае ²³
№ 7. С. 11	Снимок с подписью: В.Н. Жданов	Изображен не генерал-лейтенант авиации (с 1946 г. – генерал-полковник авиации) Василий Николаевич Жданов, а гвардии генерал-лейтенант танковых войск Владимир Иванович Жданов
№ 7. С. 16	Генерал-майор авиации Степанов Павел Степанович	Генерал-лейтенант авиации (1943)
№ 7. С. 16	Степанов Павел Степанович. На 22 июня 1941 года (начальник политотдела, полковник)	Член военного совета ВВС РККА ²⁴ , корпусной комиссар. С октября 1941 года армейский комиссар 2-го ранга
№ 7. С. 16	Худяков Сергей Александрович. Генерал-лейтенант авиации (1942). Умер в 1950 году	Генерал-лейтенант авиации (1943). Арестован в 1945 году, расстрелян в августе 1950 года ²⁵ . Реабилитирован посмертно
№ 7. С. 16	На 22 июня 1941 года командир авиационной дивизии, генерал-майор авиации Борман Александр Владимирович	Генерал-майор авиации (1941)
№ 7. С. 17	Журавлев Даниил Арсентьевич. Генерал-лейтенант артиллерии (1943)	Генерал-лейтенант артиллерии (1941)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воен.-истор. журнал. 2005. № 1—7.
² Там же. 2005. № 1. С. 13.
³ См.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 194; Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2003. Т. 7. С. 253.
⁴ См.: Воен.-истор. журнал. 1990. № 12. С. 86.
⁵ В публикации Е.И. Малащенко (в таблице) этот год (1944) пропущен, поэтому получилось, что Д.Д. Лелюшенко командующим 4-й гвардейской танковой армией стал в марте 1945-го. Правда, в основном тексте эти сведения приведены правильно (см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 6. С. 22, 24).
⁶ Автор письма, видимо, подавший лишним эмоциям, а возможно, по рассеянности пропустил, пользуясь первоисточником, 1 А.
⁷ См.: Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 463.
⁸ См., например: Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 204; Военно-морской энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1990. С. 112; Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1985. С. 215, 673; Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Воен.-истор. очерки: В 4 кн. М.: «Библиотека»; «Мосгорархив», 1995. Кн. 1. С. 290—299; Словарь биографический морской / Авт.-сост. В.Д. Доценко. СПб.: «Logos», 2000. С. 109.
⁹ Воен.-истор. журнал. 1980. № 2. С. 57.
¹⁰ Там же. 1985. № 7. С. 72—80.

¹¹ Там же. С. 78.
¹² См.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 106—108, 178, 179, 205, 206.
¹³ См.: Воен.-истор. журнал. 1966. № 6. С. 16—28; Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. С. 231; см. также: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь.
¹⁴ Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 232.
¹⁵ Великая Отечественная война. 1941—1945. Воен.-истор. очерки. Кн. 1. С. 114, 116.
¹⁶ Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 124.
¹⁷ Там же. С. 218.
¹⁸ Великая Отечественная война. 1941—1945. Воен.-истор. очерки. Кн. 1. С. 176.
¹⁹ Воен.-истор. журнал. 1991. № 7. С. 10.
²⁰ По другим сведениям, А.А. Власов вступил в командование 37 А 23 июля 1941 г. (см.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 36).
²¹ Следует уточнить: А.М. Кузнецов с 10 июня по 2 июля и с 5 по 27 сентября 1942 г. временно исполнял обязанности командующего 51 А; В.И. Кузнецов являлся командующим 3, 21, 58, 1 уд., 63, 1 гв., 3-й ударной армиями (см.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 115—118).
²² Эти сведения различные источники трактуют по-разному. Так, уточнение А.А. Печенкина находит свое под-

тверждение в следующих изданиях: Военный энциклопедический словарь. С. 503; Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. С. 726; Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2004. Т. 8. С. 130. Но вот в самом последнем издании, обобщающем биографии командармов, составленные, как отмечается во вводной части книги, «на основе... личных дел и архивных документов», приводятся данные, используемые Е.И. Малащенко (см.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 183).
²³ По другим сведениям, Т.Т. Хрюкин за участие в национально-революционной войне испанского народа удостоился ордена Красного Знамени, а за образцовое выполнение боевых заданий в ходе военных действий в Китае был удостоен звания Героя Советского Союза (см.: Протасов В.Д. Они из когорты командармов. Военно-биографический справочник: В 2 кн. М.: Компания Спутник, 2005. Кн. 2. С. 103).
²⁴ Следует уточнить должность П.С. Степанова на 22 июня 1941 г.: заместитель начальника Главного управления ВВС Красной армии (см.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 391).
²⁵ По другим сведениям, С.А. Худяков был казнен не в августе, как сообщает А.А. Печенкин, а 18 апреля 1950 г. (см.: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. С. 395; Протасов В.Д. Указ. соч. Кн. 2. С. 107). В этой же работе уточняется, что С.А. Худяков реабилитирован посмертно в 1954 г.

Артиллерия резерва Главного командования: Вермахт против Красной Армии

 АКАНУНЕ нападения на СССР в состав артиллерии РКГ вермахта входили отдельные пушечные и тяжелые гаубичные, отдельные смешанные тяжелые, моторизованные тяжелые, моторизованные пушечные, моторизованные зенитные дивизионы и отдельные дивизионы орудий большой мощности. Полевые армии вермахта, как и армейские корпуса, не имели штатных артиллерийских частей и усиливались приданными частями артиллерии РКГ.

Штат отдельных смешанных тяжелых дивизионов включал две батареи 211-мм мортир (всего — 6 орудий) и батарею 173-мм пушек (3 орудия)¹. Но из-за отсутствия должного количества 173-мм пушек большая часть таких дивизионов имела на вооружении только 211-мм мортиры (9 орудий в дивизионе). К июню 1941 года было 12 отдельных смешанных и 29 тяжелых мортирных дивизионов². Всего же в вермахте к тому времени насчитывалось 388 211-мм мортир и около 40 173-мм пушек.

Моторизованные тяжелые артиллерийские дивизионы имели каждый три батареи по три 149,1-мм тяжелые пушки К-39, всего — 9 орудий³. К 22 июня 1941 года в вермахте было 7 таких дивизионов⁴. В годы войны в связи с выпуском на едином лафете 173- и 211-мм орудий 149,1-мм пушки были постепенно сняты с производства.

В ходе войны были сформированы 767-й и 768-й моторизованные пушечные дивизионы, имевшие по три двухорудийные батареи 211-мм пушек К-38, всего по 6 орудий в дивизионе⁵.

Смешанные тяжелые, моторизованные тяжелые и моторизованные пушечные дивизионы предназначались для усиления артиллерии армий вермахта, действовавших на главных направлениях.

Артиллерия особой мощности также была представлена отдельными дивизионами. Железнодорожные дивизионы включали в себя: 210-мм железнодорожную установку К-12, входившую вместе с 280-мм железнодорожной пушкой К-5 в состав 701-й батареи железнодорожной артиллерии; 6 батарей 280-мм железнодорожных орудийных установок на базе морских орудий, а также 807-мм орудия «Дора» и «Густав».

Сверхтяжелые чехословацкие 240-мм гаубицы (всего имелось восемнадцать орудий) входили в состав двух моторизованных дивизионов, каждый из двух двухорудийных батарей, всего четыре орудия в дивизионе⁶, а также в состав крепостных батарей. Сверхтяжелые 280-мм гаубицы фирмы «Крупп» были сведены в четыре батареи по четыре орудия в каждой. Тяжелые чехословацкие 305-мм мортиры (всего было захвачено в Чехословакии 20 орудий) состояли на вооружении трех дивизионов. В двух дивизионах имелось по шесть мортир, в третьем — четыре. В этот же дивизион входила одна 356-мм немецкая мортира, произведенная фирмой «Крупп»⁶.

Мортира «Гамма» калибром 420 мм и чехословацкая мортира такого же калибра составляли отдельный дивизион. Шесть 600-мм мортир на самодвижущемся лафете системы «Карл» («Адам», «Ева», «Тор», «Один», «Локи», «Зуй») были сведены в 628-й и 833-й дивизионы (по три орудия в дивизионе). Все эти системы предназначались для разрушения наиболее укрепленных позиций, оборонительных сооружений и поражения объектов в глубоком тылу противника.

Основу же артиллерии РКГ (АРГК) вермахта составляли 30

отдельных дивизионов 105-мм тяжелых пушек и 38 отдельных дивизионов 150-мм тяжелых полевых гаубиц⁷, а также моторизованные зенитные дивизионы (8 88-мм зенитных пушек Flak-18/36/38 и 12 20-мм зенитных автоматов Flak-30/38).

Впоследствии отдельные пушечные и тяжелые гаубичные дивизионы, а также часть других дивизионов АРГК начали сводить в артиллерийские бригады, в которых планировалось иметь по три дивизиона, оснащенных 105-мм пушками, 150-мм гаубицами, 173-мм пушками и 211-мм мортирами. Обычно в бригаде было или два дивизиона 105-мм тяжелых пушек (24 орудия) и дивизион 150-мм тяжелых гаубиц (12 орудий), или один дивизион пушек и два дивизиона гаубиц; часть бригад включала в свой состав гаубичные, тяжелые смешанные и тяжелые моторизованные дивизионы. Однако зачастую бригады имели совершенно разномастный состав: 75-мм и 88-мм пушки, 105-мм гаубицы, самоходные гаубицы калибра 105 и 150 мм⁸.

Во второй половине 1944 года из-за невозможности восполнения потерь в материальной части батареи артиллерийских бригад РКГ были численно уменьшены до трех орудий, а весной 1945 года стали двухорудийными.

В 1943 году на базе 18-й танковой дивизии гитлеровцы попытались сформировать артиллерийскую дивизию. В ее состав входили три полковых штаба, четыре легких и пять тяжелых дивизионов, одна отдельная батарея, зенитный дивизион и рота штурмовых орудий (тридцать шесть 105-мм и двадцать четыре 150-мм гаубиц, двенадцать 105-мм и девять 173-мм пушек, девять 211-мм мортир, двенадцать 105-мм и шесть 150-мм самоходных гаубиц, восемнадцать 20-мм и девять 37-мм автоматических зенитных пушек, восемь 88-мм зенитных пушек, две зе-

* В 1944 г. дивизионы стали насчитывать по шесть орудий.

нитные самоходные установки и десять штурмовых орудий). Но в апреле 1944 года дивизию расформировали.

Значительную часть артиллерийского парка РКК вермахта составляли трофейные орудия. В их число входили чехословацкие 150-мм тяжелые гаубицы sFH 14/16(t), sFH 25(t) и sFH 37(t)**, 155-мм гаубицы фирмы «Шнейдер», 14 польских и 80 французских 220-мм мортир, 23 французские 280-мм мортиры и 234-мм английские гаубицы*** (16 орудий).

ПРОТИВОТАНКОВАЯ артиллерия РКК вермахта перед вторжением в СССР состояла из шести противотанковых дивизионов, имевших по три роты 37-мм противотанковых пушек (36 орудий в дивизионе), восьми дивизионов 47-мм противотанковых СУ (по 21 установка в дивизионе) и отдельной роты с 6 самоходными 88-мм зенитками⁹. В июле 1941 года дивизионы противотанковых СУ были переданы в состав панцерваффе.

Встреча с советскими танками Т-34 и KV показала полное бессилие 37-мм пушек, но перевооружение отдельных дивизионов на более мощные орудия шло крайне медленно, поскольку промышленность гитлеровской Германии не справлялась даже с перевооружением войсковой противотанковой артиллерии. Лишь в 1943 году отдельные противотанковые дивизионы были оснащены 50- и 75-мм противотанковыми пушками.

В 1943 году для борьбы с советскими танками в вермахте были сформированы восемь тяжелых моторизованных противотанковых дивизионов РКК (№ 661—668). На их вооружении стояли 88-мм противотанковые пушки. В каждом дивизионе имелись три роты по 12 пушек, всего — 36 орудий. В конце 1944 года в эти дивизионы стали поступать более мощные, 128-мм пушки. Но, несмотря на высокую огневую мощь, моторизованные противотанковые дивизионы не могли идти ни в какое сравнение с советскими истребительно-

противотанковыми артиллерийскими полками и бригадами, поскольку 88- и 128-мм пушки были громоздки, тяжелы и недостаточно маневренны на поле боя.

В 1944 году в дополнение к тяжелым моторизованным противотанковым дивизионам были сформированы частично моторизованные противотанковые дивизионы (в каждом три роты по девять 75- или 88-мм пушек), а также крепостные роты противотанковых пушек (по девять 75-мм орудий). Но, как правило, на вооружении крепостных рот оказывались 88-мм зенитки или различные трофейные пушки¹⁰.

В конце 1944 года был сформирован артиллерийский корпус народного ополчения. В его состав входили: дивизион 75-мм пушек (18 орудий); дивизион 105-мм легких гаубиц (18 орудий); дивизион 105-мм пушек (две батареи, 8 орудий); дивизион 122-мм трофейных гаубиц (две батареи, 8 орудий); дивизион трофейных 152-мм гаубиц-пушек (две батареи, 8 орудий); батарея 170-мм пушек (3 орудия). Всего корпус насчитывал 63 орудия. Никакого сравнения с советским артиллерийским корпусом прорыва это соединение не выдерживало. В это же время противник приступил к формированию бригад реактивных минометов. Первоначально на их вооружении находились шестиствольные 158,5-мм минометы, стрелявшие турбореактивными минами. Всего было сформировано 15 ракетных бригад (в бригаде — 2 полка, по 3 дивизиона, 3 батареи по 6 установок в каждой, всего — 108 установок)¹¹. В ходе войны в эти бригады кроме 158,5-мм установок стали поступать 210-мм пятиствольные минометы для реактивных мин и 280/320-мм пусковые установки рамного или колесного типа. Затем в состав бригад были введены роты (8 машин) самоходных десятиствольных установок для стрельбы 150-мм реактивными минами, а также самоходные установки для пуска 6 реактивных мин калибра 280/320 мм. В целом реактивные бригады и дивизионы вермахта представляли собой достаточно внушительную огневую силу, хотя их даже нельзя сравнивать с советскими дивизиями, бригадами и полками реактивной артиллерии.

Основной единицей зенитной артиллерии РКК вермахта всю войну являлся дивизион. Батареи, входившие в состав дивизионов, подразделялись на тяжелые (четыре—шесть 88-мм зенитных пушек) и легкие (двенадцать—восемнадцать 20-мм или девять—двенадцать 37-мм автоматических зенитных пушек). Моторизованные зенитные дивизионы включали в себя две батареи 88-мм зенитных пушек (по четыре орудия) и роту 20-мм зенитных автоматов (12—18 орудий). Дивизионы 37-мм автоматических пушек имели три батареи (роты), всего от 21 до 36 орудий. Никаких попыток свести эти дивизионы в более крупные части и соединения не предпринималось.

Артиллерия особой мощности вермахта в ходе войны организационных изменений практически не претерпела. Производство орудий калибра 240 мм и более осуществлялось в мизерных количествах. Самое большее, что позволяло сделать поступление таких орудий от промышленности, это перевести часть батарей артиллерии особой мощности с двухорудийного состава на трехорудийный. А после перехода Германии к обороне на всех фронтах орудия особой мощности были переданы в состав крепостной артиллерии или артиллерии береговой обороны.

Таким образом, артиллерия РКК вермахта не играла той роли, которую приобрела в годы войны советская артиллерия РВГК. Раздробленность тяжелой артиллерии затрудняла ее массирование на направлениях главного удара и не позволяла успешно управлять ею. Поэтому основную нагрузку по поддержке войск в наступлении и обороне несла на себе войсковая артиллерия.

ЧТО КАСАЕТСЯ Советских Вооруженных Сил, то, как уже отмечалось, наличествовавший накануне Великой Отечественной войны артиллерийский парк РККА обеспечивал полное укомплектование всех имевшихся в составе войсковой артиллерии и артиллерии РКК частей и соединений. Однако в реальности в силу ряда объективных и субъективных причин

** Чехословацкие гаубицы состояли также на вооружении и войсковой артиллерии.

*** Около 200 6-дм (152-мм) английских гаубиц гитлеровцы передали армиям сателлитов.

многие части и соединения не успели получить положенное по штату артиллерийское вооружение с баз и складов ГАУ. В частности, не было доведено до конца развертывание противотанковых бригад РК. И поэтому реальные боевые возможности артиллерии зачастую отличались от потенциальных, которые могли быть при полном укомплектовании материальной частью.

Развернутые в ходе Великой Отечественной войны части и соединения артиллерии РВГК обеспечивали как количественное усиление стрелковых соединений (76,2-мм пушками, 120-мм минометами, 122-мм гаубицами), так и качественное (122-мм пушками, 152-мм гаубицами и гаубицами-пушками, 203,2-мм гаубицами). Число соединений артиллерии РВГК позволяло усиливать практически каждую общевойсковую армию, действовавшую на сколько-нибудь важном направлении, несколькими артиллерийскими соединениями, от двух-трех бригад до дивизии.

Тем не менее необходимо отметить, что значительно часть орудий в артиллерийских дивизиях прорыва составляли орудия и минометы полковой и дивизионной артиллерии — 120-мм минометы, 76,2-мм пушки, 122-мм гаубицы. Думается, что при наличии большого количества тягачей, конечно же, было бы уделено несколько больше внимания производству 122-мм пушек, 152-мм гаубиц и гаубиц-пушек, и артиллерийские дивизии прорыва имели бы еще большую эффективность даже при меньшем количестве орудий.

Но здесь следует подчеркнуть, что советский 120-мм миномет имел мину весом 15,9 кг, обладавшую значительной мощностью и фугасным действием и способную разрушать полевые фортификационные сооружения противника. В то же время в походном положении вес миномета составлял всего лишь чуть более 500 кг, что сравнимо с весом 45-мм ПТП. Это позволяло использовать в качестве тягачей легкие подвижные автомобили грузоподъемностью 0,25—0,75 т. В результате минометные части и соединения обладали высокой маневренностью и могли оперативно перебрасываться с одно-

го участка фронта на другой, где стрелковым частям и подразделениям была особенно необходима огневая поддержка.

122-мм гаубицы успешно буксировались полноприводными автомобилями, поставившими по ленд-лизу, что обеспечивало высокую мобильность гаубичных полков и бригад. В то же время это орудие было достаточно мощным для разрушения полевых фортификационных сооружений. Это позволяло оперативно перебрасывать гаубичные полки и бригады с одного участка фронта на другой и эффективно поддерживать огнем боевые действия общевойсковых соединений.

Рассматривая истребительно-противотанковую артиллерию, надо отметить, что оснащение ее частей и соединений большей частью 76,2-мм пушками ЗИС-3 имело свой резон. Это позволяло не только использовать истребительно-противотанковые подразделения, части и соединения для борьбы с танками врага, но и привлекать их к артиллерийской поддержке войск. Эффективность же пушки ЗИС-3 как противотанкового орудия была подтверждена в ходе Курской битвы, а особенно в оборонительных боях под Шяуляем в августе—сентябре 1944 года, когда в среднем на одно вышедшее из строя орудие ЗИС-3 приходилось 2,5 уничтоженных вражеских танка. Для сравнения: на одну вышедшую из строя 57-мм противотанковую пушку, значительно более мощное противотанковое орудие, приходилось 3 уничтоженных вражеских танка.

Специфичным видом артиллерии, присущим только Советским Вооруженным Силам, являлась армейская артиллерия. Пушечный и минометный полки, затем пушечная артиллерийская бригада, истребительно-противотанковый артиллерийский полк позволяли командованию общевойсковой армии усиливать стрелковые соединения, действовавшие на главном направлении, без привлечения артиллерийских соединений резерва ВГК, а также усиливать противотанковую оборону на наиболее угрожаемых направлениях. Армейский зенитный артиллерийский полк (а затем дивизия) обеспечивал ПВО важ-

нейших объектов общевойсковой армии.

В вермахте основную роль в артиллерии РК играли дивизионы и бригады, оснащенные 105-мм тяжелыми пушками и 150-мм тяжелыми гаубицами, и моторизованные зенитные дивизионы. Но если дивизионы и артиллерийские полки РК в основном придавались армиям, реже — армейским корпусам, то моторизованные зенитные дивизионы были приданы каждой танковой и моторизованной дивизии, практически всем армейским корпусам, многим пехотным соединениям. При этом 88-мм пушки помимо основного предназначения — борьбы с авиацией активно использовались как орудия поддержки пехоты и противотанковые средства, показывая при этом высокую эффективность действия по наземным целям и танкам. Фактически 88-мм зенитные пушки оказались универсальными орудиями.

В целом отсутствие в вермахте крупных частей и соединений артиллерии РК не позволяло организовывать массирование артиллерии при проведении наступательных операций или нанесении контрударов. В результате, как только люфтваффе утратили господство в воздухе, вермахт лишился силы, способной взломать оборону общевойсковых соединений РККА. Ни в одной операции, начиная с весны 1943 года, артиллерия вермахта не смогла надежно подавить оборону советских войск и расчистить путь своим пехоте и танкам. Ярчайший пример тому — Курская битва.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шунков В.Н. Оружие вермахта. Справочное издание. Минск: Харвест, 1999. С. 247—270.

² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Справочник. М.: Изографус, ЭКСМО, 2002. С. 603, 646, 647.

³ Шунков В.Н. Указ. соч. С. 247—270.

⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 603, 604.

⁵ Шунков В.Н. Указ. соч. С. 247—270.

⁶ Иванов А. Артиллерия Германии во Второй мировой войне. СПб.: Нева, 2003. С. 22—26.

⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 603, 646, 647; Иванов А. С. 3—5.

⁸ Иванов А. Указ. соч. С. 3—5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шунков В.Н. Указ. соч. С. 227—245.

Подполковник А.В. ЛОБАНОВ

А.Я. Капанин

БЛАГОДАРНОСТИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

ро-Западный фронт, которому пришлось сдерживать наступление немецкой группы армий «Север» и части сил группы армий «Центр».

После окончания приграничных сражений А.Я. Капанин попал в состав сформированной в августе 1941 года на базе 25-го стрелкового корпуса 52-й армии (генерал-лейтенант Н.К. Клыков), непосредственно подчинявшейся Ставке ВГК. 52-я армия участвовала в Тихвинской оборонительной (16 октября — 18 ноября 1941 г.) и Тихвинской наступательной (10 ноября — 30 декабря 1941 г.) операциях, ставших частью Ленинградской битвы 1941—1944 гг. Я пишу об этом потому, что в этих событиях так или иначе участвовал вместе со своими однополчанами и артиллерист А.Я. Капанин.

В конце 1941 года 52-я армия вошла в состав сформированного за счет сил левого крыла Ленинградского фронта и резервов Ставки ВГК Волховского фронта (генерал армии К.А. Мерецков) и уже в начале 1942-го принимала участие в Любанской операции, целью которой было деблокирование Ленинграда, чего, однако, сделать не удалось.

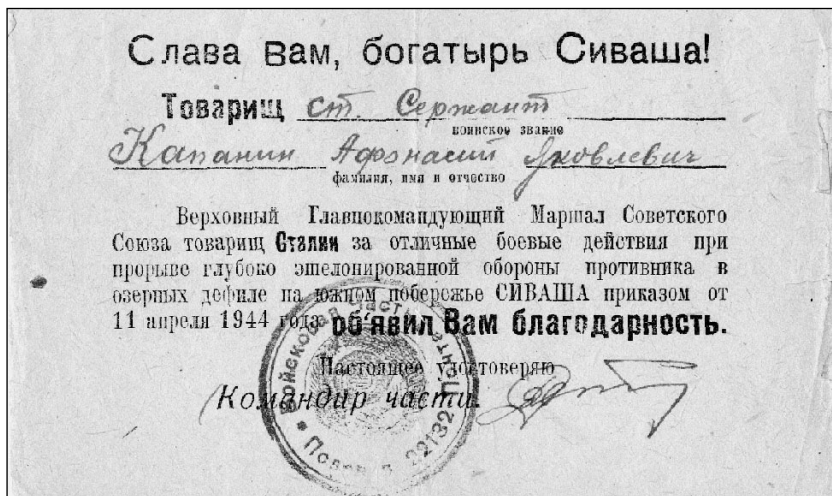
В октябре 1942 года в резерве Ставки ВГК была сформирована 2-я гвардейская армия (генерал-майор, с февраля 1943 г. ге-

нерал-лейтенант Я.Г. Крейзер), в которую вошли 1-й и 13-й гвардейские стрелковые корпуса и 2-й гвардейский механизированный корпус. В составе Донского и Сталинградского фронтов армия участвовала в Сталинградской битве (17 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.). Участвовал в ней и мой дед.

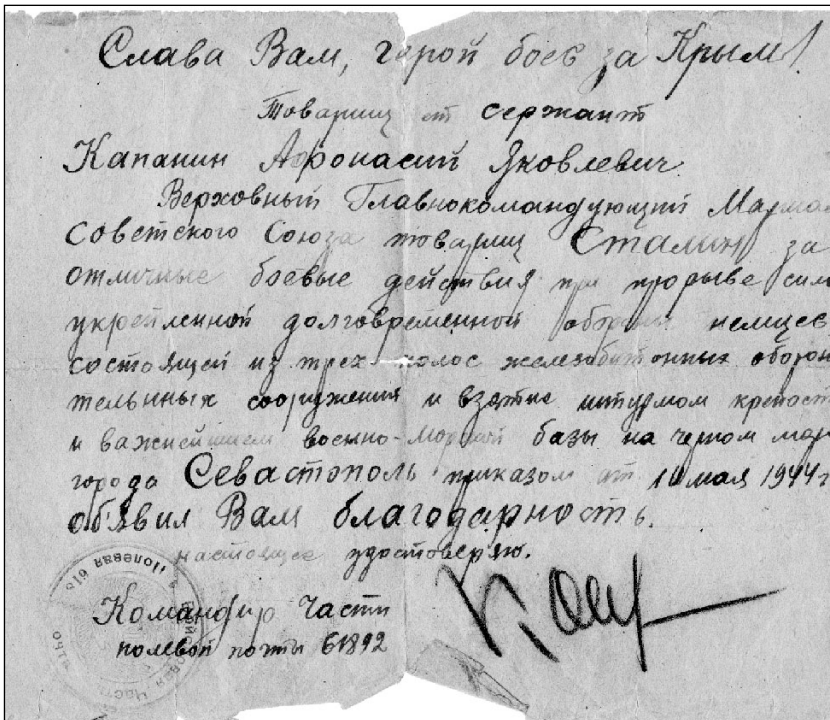
Проследившая по сохранившимся письмам его боевой путь, можно сделать вывод, что он не остался без дела и после Сталинградской битвы, воевал на Кавказе, в Донбассе, на Украине, участвовал в освобождении Крыма. На этот раз 51-я армия входила в состав 4-го Украинского фронта (генерал армии Ф.И. Толбухин). Действия войск координировали представители Ставки ВГК Маршалы Советского Союза К.Е. Ворошилов и А.М. Василевский. В апреле 1944 года в ходе двухдневных напряженных боев войска 51-й армии прорвали вражескую оборону и вышли во фланг перекопской группировки противника, который под угрозой окружения оставил укрепления на Перекоп-

**Благодарность Верховного
Главного командующего
И.В. Сталина старшему
сержанту А.Я. Капанину
за отличные боевые действия
на южном побережье Сиваша
11 апреля 1944 г.**

МОЙ дед по материнской линии Афонасий* Яковлевич Капанин, к сожалению, умер еще до моего рождения. Однако мама сумела сохранить в семейном архиве многие документы своего отца, в том числе и относящиеся к его военной биографии. Среди них меня особенно заинтересовали подлинники благодарностей Верховного Главного командующего И.В. Сталина за прорыв обороны противника на южном побережье Сиваша, освобождение Крыма, Севастополя, Паневежиса и Шяуляя. Афонасия Яковлевича Капанина с полным правом можно считать участником трех войн. Призванный в самом конце 1930-х годов на действительную военную службу, он попал в артиллерию, окончил школу младших командиров и в звании младшего сержанта в должности командира орудия участвовал в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Домой после войны Афонасий Яковлевич не вернулся, а продолжал военную службу в составе 844-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии 25-го стрелкового корпуса Новгородской армейской группы войск Прибалтийского Особого военного округа. Здесь он и встретил войну — Великую Отечественную. С началом боевых действий на базе управления и войск ПриОВО был образован Севе-

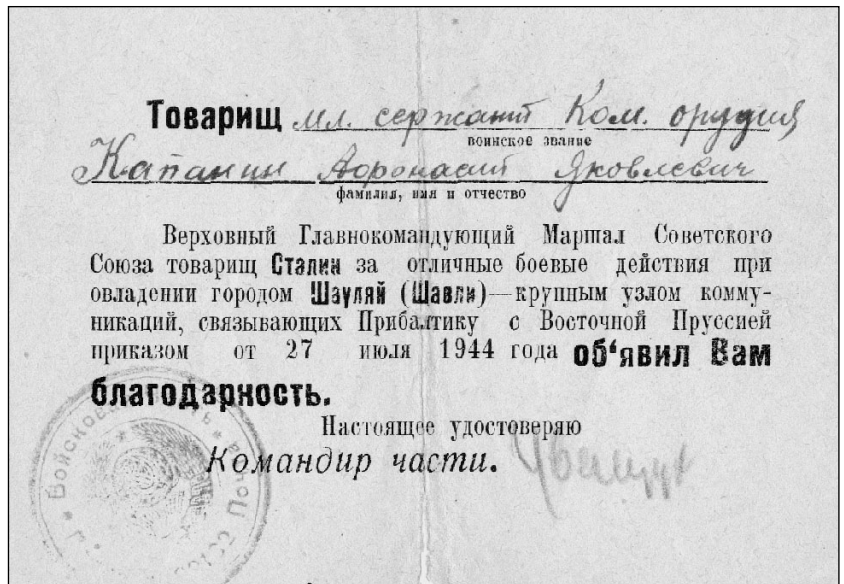

* Так во всех сохранившихся документах.

**Благодарности за освобождение
Севастополя и отличные боевые
действия при освобождении
г. Шяуляя**

ском перешейке и начал отход с Керченского полуострова. 13 апреля был освобожден Симферополь, 15—16 апреля советские войска вышли к Севастополю и стали готовиться к штурму укрепленного города, который начался 5 мая. Особенно ожесточенные бои велись на участке Сапун-гора, Карань. 9 мая войска фронта с севера, востока и юго-востока ворвались в Севастополь и освободили его от захватчиков. Остатки разгромленной немецкой 17-й армии отходили на мыс Херсонес, преследуемые 19-м танковым корпусом. Надо полагать, что в этих боях отличился и теперь уже старший сержант А.Я. Капанин. За отличные действия при прорыве глубокоэшелонированной обороны противника в озерных дефиле на южном побережье Сиваша он получил 11 апреля 1944 года благодарность от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, а 10 мая того же года — повторную благодарность за участие во взятии Севастополя. Еще одну благодарность от Верховного Главнокомандующего мой дед заслужил за отличные боевые

действия при овладении городом Шяуляем (Шавли) в июле 1944 года. Но для старшего сержанта Капанина этим война не закончилась. Он дошел до Берлина, а летом 1945 года его часть в составе 39-й армии была передислоцирована в Монголию и вошла в состав Забайкальского фронта (Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский). Так мой дед стал участником Хинганно-Мукденской операции 1945 года, можно сказать, последнего аккорда Второй мировой войны. Что же касается благодарностей Верховного Главнокоман-

дующего, то, разумеется, И.В. Сталин лично их не подписывал. Подписывались лишь так называемые поздравительные (благодарственные) приказы, в которых отмечались боевые заслуги войск фронтов, флотов, армий, флотилий, соединений и частей при прорыве укрепленных оборонительных полос, окружении и уничтожении группировок противника, освобождении и взятии городов и объявлялась благодарность всем бойцам, командирам и политработникам этих частей и соединений. Таким образом, всему личному составу частей и соединений, получивших благодарность по поздравительному приказу, выдавались специальные именные бланки с благодарностью от Верховного Главнокомандующего с указанием даты и номера

приказа, скрепленные подписью командира части и заверенные войсковой печатью. О том, как люди к ним относились, свидетельствует уже одно то, что они до сих пор сохранились во многих семьях. Уже давно нет в живых тех, кому адресовались благодарности, а простые странички бумаги с вписанными от руки фамилиями отличившихся в этих сражениях людей сохраняются как самые дорогие реликвии. Поистине никто не забыт, ничто не забыто.

**Капитан 3 ранга
В.Г. КИКНАДЗЕ**

«ДЛЯ УВЕКОВЕЧЕНИЯ СЛАВЫ ПОБЕДОНОСНОГО ОРУЖИЯ КРАСНОЙ АРМИИ...»

ВСАМОМ начале Великой Отечественной войны, когда стало ясно, что враг угрожает Ленинграду, было принято решение об эвакуации из города наряду со многими другими подобными организациями и Артиллерийского исторического музея (АИМ), ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС).

Вся работа по подготовке к эвакуации, согласованию нового пункта его дислокации, обеспечению материалами для упаковки экспонатов и транспортом для их перевозки и многие другие, обычные в такой ситуации хлопоты, — все это легло на плечи начальника музея полковника Яна Фрицевича Куске¹.

Эвакуация предполагалась в три этапа. 6 и 16 июля² 1941 года два эшелона с имуществом музея³, частью его сотрудников и руководством были отправлены в глубокий тыл — г. Новосибирск. Третий эшелон, уже полностью подготовленный, уйти не успел — противник перерезал последнюю железнодорожную линию, связывавшую Ленинград с Большой землей. 21 человек и более трети фондов остались в блокадном Ленинграде⁴.

Если кратко охарактеризовать деятельность АИМ в годы войны, то она сводилась к следующему: спасение бесценных коллекций, собирание памятников войны (реликвий и трофеев), всесторонняя помощь фронту. И в Новосибирске, и в Ленинграде сотрудники музея прилагали огромные усилия для создания более или менее благоприятных условий хранения музейных предметов, налаживали связи с фронтами по сбору трофеев и реликвий, передавали вооружение в действующую армию, обучали владению оружием бойцов, отправлявшихся на фронт, устраивали выставки, демонстрировавшие героическое прошлое России. Казалось бы, сухие факты, а сколько стоит за ними драматических, а порой и трагических событий, которые людям пришлось пережить.

Началось с того, что прибывшие

в Новосибирск эшелоны выгрузить оказалось некуда. Архив, библиотеку, гравюры, рисунки, военные костюмы и знамена разместили в сараях военного склада, совершенно не подходивших для хранения столь уязвимых материалов. Я.Ф. Куске стал искать подходящее помещение. И нашел: начальник строительства Новосибирского оперного театра⁵ согласился предоставить музею площадь для хранения музейных экспонатов. Идею поддержал и инспектор Новосибирского областного Совета. Однако обком ВКП(б) выступил против, как выяснилось, по просьбе командующего войсками Сибирского военного округа (СибВО) генерал-лейтенанта Н.В. Медведева, который почему-то занял резко отрицательную позицию по отношению к артиллерийскому музею, уже не имевшему, по его мнению, никакой ценности⁶.

О создавшемся положении Я.Ф. Куске был вынужден доложить своему вышестоящему начальству, и лишь после телеграфного распоряжения заместителя начальника Генерального штаба Медведеву⁷ спор удалось решить в пользу АИМ. Правда, перед этим Я.Ф. Куске все же отстранили от должности, затем назначили на нее вновь⁸.

Отрицательное отношение к музею со стороны командующего войсками СибВО с лихвой компенсировалось помощью со стороны партийных и советских органов. С пониманием к нуждам АИМ подошло и правление Томской железной дороги. Для основной части музейного имущества помещения были найдены. Оставшаяся часть — крупные артиллерийские системы — железнодорожники доставили на станцию Инская в 40 км от Новосибирска. С автотранспортом помогли горвоенкомат и начальник артиллерии СибВО генерал-майор Соловьев⁹.

Имущество АИМ оказалось расположенным в трех местах. Это очень осложнило положение сотрудников. Надо было выделить хотя бы по два человека на каждый объект для круглосуточного дежурства, но людей не хва-

тало, так как военнослужащих АИМ уже привлекли к работе в аппарате начальника артиллерии СибВО в качестве военпредов и инспекторов.

В ноябре 1941 года музей получил приказание начальника артиллерии округа сдать «излишние» боевые винтовки, пистолеты ТТ и пулеметы отечественного образца для воинских частей, убывавших на фронт¹⁰. Эта работа отняла много времени и сил. Требовалось так отсортировать оружие, чтобы не нанести непоправимый вред коллекции: ведь в эвакуацию везли самые ценные образцы.

Кроме проблем сохранения экспонатов, важным вопросом для музея стала организация работы по сбору трофеев и реликвий на полях сражений.

В декабре 1941 года полковник Куске направил служебную записку в ГАУ с просьбой разрешить военнослужащим музея выезжать на фронт для сбора трофеев. В ожидании решения Ян Фрицевич разработал «Инструкцию по сбору реликвий и трофеев», затем подготовил обращение к командиру гвардейских частей и соединений, в котором, в частности, говорилось: «Артиллерийский исторический музей Красной Армии, ведущий свое начало с 1703 года, на протяжении многих веков бережно хранит в своих стенах памятники героических подвигов и военной доблести русского народа. Сегодня имеет задачу увековечить славный путь и героика наших гвардейских частей... Я и весь коллектив АИМ обращаемся к вам с горячей просьбой помочь выполнить эту почетную и ответственную задачу». Далее приводился перечень предметов, которые надлежало собирать, и указывался адрес музея в Новосибирске, куда следовало направлять собранное¹¹.

14 июля Куске обращается в ЦК ВКП(б) с тем же вопросом — о необходимости планомерного сбора трофеев и реликвий¹².

ИНИЦИАТИВУ АИМ поддержали на самых верхих. 23 марта 1943 года был издан приказ народного комиссара обороны № 143, в котором говори-

лось, что «Артиллерийский исторический музей Красной Армии собирает памятники и реликвии Отечественной войны для увековечения славы победоносного оружия Красной Армии»; частям и соединениям вменялось в обязанность организовать сбор и учет наиболее ценных реликвий и памятников войны, которые следовало отправлять на 45-ю Центральную военную базу, где находился постоянный представитель Артиллерийского музея. Не ограничиваясь централизованными поступлениями, сотрудники музея выезжали непосредственно на фронты: Ленинградский, Волховский, Брянский, Степной и другие. Сбор реликвий и трофеев продолжался непрерывно с 1943 до начала 1947 года.

ЭКСПОНАТАМИ АИМ щедро делился с коллегами в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Полтаве, Харькове, Львове, Барнауле, а так же в городах Латвии, Литвы, Эстонии и др. Сравнительно недавно музей передал образцы вооружения Центральному музею Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Во время войны силами АИМ в Новосибирске были организованы выставки, разные по названию, но с одним лейтмотивом — борьба русского народа с иноземными захватчиками.

5 ноября 1942 года в окружном Доме Красной армии в торжественной обстановке открылась выставка «Трофеи Великой Отечественной войны», которая имела значительный успех. Затем открылись еще две выставки: «Героическое прошлое русского народа» в Доме науки и культуры и «Трофеи Великой Отечественной войны» — в специальном вагоне. Несмотря на малую экспозиционную площадь, удачно подобранные и расположенные экспонаты ярко отражали подвиги Красной армии в войне, разгром немецко-фашистских войск под Москвой и Сталинградом. Выставка-вагон совершила три рейса по Томской железной дороге¹³.

Вместе с тем оставалась тревога за сохранность музейных предметов как на станции Инская, где артиллерийские орудия находились фактически без присмотра на открытом воздухе, так и в Новосибирске, когда было принято решение об использовании оперного театра по его прямому назначению. При этом Артиллерийскому музею пришлось срочно переезжать со второго этажа на четвертый, хотя новое помещение оказа-

лось совершенно не приспособленным для хранения музейных памятников: оно требовало основательного ремонта. Да и сами экспонаты после всех перевозок нуждались в новом укупорочном материале и таре. Вроде бы пустяк, но единственное предприятие Новосибирска, которое изготавливало ящики и коробки, полностью отдавало свою продукцию заводу по производству боеприпасов. Все же руководство завода пошло навстречу, и музею удалось получить, правда, не в полном объеме, новый укупорочный материал и ящики. Более того: сделано было даже несколько новых валов для картин. Удалось в конце концов решить вопрос и с ремонтом помещения.

25 февраля 1943 года Артиллерийский исторический музей выступил инициатором установления праздника Дня артиллерии. Правда, в своем рапорте Я.Ф. Куске предлагал этот праздник приурочить к дате полного разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, то есть ко 2 февраля¹⁴. Правительством же решили День артиллерии приурочить к началу Сталинградского наступления — 19 ноября.

В 1944 году продолжался сбор реликвий и трофеев. Только в первом полугодии было собрано: артиллерийских систем — 83, стрелкового оружия — 213, знамен, формы одежды, личных вещей солдат и офицеров, отличившихся в боях, — 136; всего 432 предмета¹⁵.

Одновременно музей налаживал связь с художниками Студии им. М.Б. Грекова — В.Н. Яковлевым, Ю.Н. Трузе, П.М. Шухминим, П.П. Соколовым-Скаля и В.Е. Памфиловым, чьи полотна сегодня демонстрируются в экспозиционных залах ВИМАИВиВС, посвященных Великой Отечественной войне. Велась также большая работа по переизданию в Новосибирске и Ленинграде труда А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск».

Так работал и жил Артиллерийский исторический музей в далеком от фронта и относительно благополучном Новосибирске.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ленинградской части музея — это особая страница его истории. Ленинградская часть музея, или, как ее часто называют в документах, ленинградская команда, 21 человек во главе с заместителем начальника музея военинженером 1 ранга П.Д. Львовским, начала

самостоятельную жизнь с 16 июля 1941 года. Поначалу ее основной задачей являлось: закончить упаковку оставшегося музейного имущества и отправить его в Новосибирск третьим эшелонном. Но скоро стало ясно, что никакого третьего эшелона уже не будет.

Тогда П.Д. Львовский направил доклад председателю Артиллерийского комитета ГАУ и аналогичный — полковнику Куске, в котором изложил подробный план работы на ближайший период¹⁶. Он коротко сводился к следующему: закончить упаковку музейного имущества, отобрать оружие для передачи Артиллерийскому управлению (АУ) Северного фронта и в то же время пополнить фонды музея за счет сбора трофеев, обеспечить сохранность музейных предметов, организовать круглосуточное дежурство пожарно-сторожевых постов, и, наконец, создать постоянную выставку трофеев в зале на первом этаже. К докладу прилагалась тематическая структура предполагаемой выставки.

Это была программа действий. Образованная пожарно-сторожевая служба круглосуточно охраняла здание Кронверка и всю прилегающую территорию. Интенсивно работал консультационный кабинет, где заинтересованные лица и организации получали сведения о различных системах стрелкового оружия и проводились экспертизы на присылаемые изобретения и рационализаторские предложения по оборонной технике.

К середине августа была достигнута договоренность с трофейным отделом АУ Северного фронта и 75-й артиллерийской базой по вопросу передачи в музей трофеев. Однако уже к концу августа обстановка изменилась: военным было уже не до этого, а у музея для такой работы не имелось ни людей, ни транспорта¹⁷. В этих условиях главным направлением работы музея стал отбор оружия, годного к использованию. В августе Северному фронту были переданы 61 артиллерийская система, 76 винтовок и автоматов, 4720 боевых патронов различных систем, большое число артиллерийских и стрелковых приборов¹⁸. В начале сентября были выявлены еще 88 годных винтовок различных систем и 120 винтовок с просверленными стволами. Петр Дмитриевич предложил простой способ заделывания у стволов отверстий. Предложение было принято, и ученые хранители артиллерийского и стрелкового фондов

П.Д. Львовский
Я.Ф. Куске

А.С. Самряков и В.С. Комаров под руководством П.Д. Львовского занялись приведением стволов в боевое состояние. С конца августа до 20 сентября АУ фронта получило 179 годных винтовок, автоматов, охотничьих ружей и 123 отремонтированные (ранее с просверленными стволами) винтовки¹⁹.

Бывшие музейные предметы, а теперь «воюющие памятники» поступили на вооружение Куйбышевской, Выборгской, Василеостровской и 12-й дивизий народного ополчения, 36-й запасной стрелковой бригады, 2-го зенитно-пулеметного полка ПВО, 56-й стрелковой дивизии, 59-го запасного зенитного полка и других воинских частей²⁰.

В ночь на 11 сентября 1941 года на территории Кронверка разорвалась 5-пудовая бомба. Пострадало здание, были разрушены все коммуникации, повреждена крыша²¹. Начальник ленинградской команды, обеспокоенный тем, что оставшиеся музейные предметы окажутся в неотапливаемом помещении, приказал прочистить дымоходы и подготовиться к печному отоплению. Была даже сделана попытка заготовить дрова. Но это оказалось совершенно нереально в условиях осажденного города. Между тем бомбежки и обстрелы участились. 8 октября на территории музея попали 120 зажигательных бомб. С пожаром справились в основном своими силами.

С каждым днем все труднее становилось переживать голод, холод, обстрелы.

В конце октября была сделана попытка добиться для бойцов вооруженной пожарно-сторожевой службы продовольственных карточек первой категории вместо иждивенческих, которые они по-

лучали. Неизвестно, чем кончилась эта попытка, но положение сотрудников резко ухудшилось. С 9 сентября 1941 года ГАУ прекратило финансирование ленинградской команды²². Голодные, в замороженном помещении, подвергаясь бомбежкам и обстрелам, ленинградские «аимовцы» продолжали охранять музейные памятники, нести круглосуточное дежурство, консультировать отъезжавших на фронт бойцов. Однако в декабре положение стало просто катастрофическим. Петр Дмитриевич Львовский трижды — 4, 15 и 16 декабря — телеграфировал в финансово-плановый отдел (ВПО) ГАУ о срочном переводе на текущий счет ленинградской команды 18 000 рублей. Но все телеграммы остались без ответа²³. Тогда Петр Дмитриевич решил обратиться в ФПО Ленфронта с просьбой об отпуске заимобразно «минимально необходимой суммы» 6700 рублей, но получил отказ²⁴.

И в Новосибирск пошли краткие и сегодня леденящие душу донесения. «Начальнику музея. Сообщаю о смерти моего ребенка Нины, умершей 26 ноября в Ленинграде, и прошу Вашего распоряжения о внесении соответствующего изменения в мой послужной список. 12 декабря умер рабочий музея Иванов Е.Я., несколькими днями раньше умер б[ывший] хранитель фондов отдела стр[елкового] вооружения Васильев Н.А., тяжело болен уч[еный] хранитель Самряков А.С. 15.12.1941»²⁵. В январе 1942 года во время дежурства умер хранитель фондов стрелкового оружия В.С. Комаров. В феврале 1942 года умерли от голода столяр П.П. Петров, ученый хранитель исторического отдела И.А. Соколов.

На 1 марта 1942 года, согласно

донесению Львовского, из состава ленинградской команды умерли 10 человек, уволены²⁶ — 4, больных — 3, налицо — 5, из них трудоспособных — 4.

ЗА ПЕРВУЮ блокадную зиму ленинградская команда потеряла фактически половину своего состава, но все имущество музея удалось сохранить. Таким образом, в осажденном городе люди не только голодали, умирали, страдали — они работали, помогали выстоять другим.

Узнав, что в Ленинграде группа художников пишет картины о блокаде города, сотрудники музея решили создать передвижную выставку художественных произведений специально для работы в госпиталях. На выставке были представлены полотна художников А.А. Блинкова, В.Н. Кучумова, В.А. Серова, И.А. Владимириной и др. Она имела успех. Вот один из отзывов, оставленный начальником эвакогоспиталя № 62: «Выставку посетили все бойцы, командиры и политработники, находящиеся на излечении, а также личный и вольнонаемный состав госпиталя. Еще раз благодарим вас за хорошую организацию выставки»²⁷.

В марте 1942 года начальником ленинградской команды вместо тяжело больного Львовского был назначен интендант 2 ранга Петр Иванович Воробьев. При нем было организовано несколько поездок ленинградских художников на фронт для сбора материалов и зарисовок. Эти поездки во многом способствовали созданию произведений, отражающих героическую оборону города²⁸.

В 1943 году деятельность ленинградской команды значительно активизировалась. В январе была установлена связь с трофейным отделом 67-й армии. В музей стали регулярно поступать трофеи и реликвии. 3 февраля музей заключил договор с Домом обороны об открытии к 23 февраля выставки «Героические события из военного прошлого русского народа XIII—XX вв.»²⁹.

Кроме того, непосредственно в музее была создана небольшая выставка по истории вооружения, на которой демонстрировались уже собранные реликвии и трофеи. Выставку посетили выздоравливавшие раненые, курсанты учебных заведений, офицеры, прибывшие с фронта на переподготовку, офицерский состав политического управления Ленфронта, слушатели Курсов усовершенствования начальствующего состава

ва, офицеры 55-й армии, лица обучавшиеся в школе санинструкторов, и многие другие³⁰.

Сотрудники музея подготовили также несколько лекций — «О боевых традициях и реликвиях нашей Родины», «Бережно сохранять боевые традиции и реликвии», «Боевые трофеи и реликвии нашей Родины» — и читали их в воинских частях, госпиталях, на заводах. Свидетельством популярности лекций являются многие сохранившиеся в делах музея отзывы. В них вместе с благодарностью заключалась, как правило, просьба повторить выступление «на военные темы»³¹.

Силами сотрудников АИМ в госпиталях проводились также занятия по обучению выздоравливавших владению трофейной техникой. 10 января 1943 года при музее открылись военный кабинет трофейного оружия и выставка «Реликвии бойцов и командиров Ленинградского фронта».

Одновременно сотрудники ленинградской команды консультировали работников Эрмитажа по поводу сохранности оружия, собирали предметы, связанные с жизнью и деятельностью А.В. Суворова и М.И. Кутузова.

Работы было много, а людей катастрофически не хватало. По просьбе начальника ленинградской команды для сбора реликвий и трофеев к музею были прикомандированы два офицера — капитан Игорь Григорьевич Васильев и лейтенант Владимир Александрович Грусланов. Они оказали АИМ большую помощь. По сути, основные военные памятники Ленинградского фронта были собраны ими. Оба офицера также читали лекции, проводили экскурсии на выставке, вели консультации в военном кабинете.

Ослабленные голодом сотрудники с трудом выполняли свои обязанности. П.И. Воробьев попытался поддержать их дополнительным питанием. Но эта попытка не увенчалась успехом. «Городское бюро продовольственных и промтоварных карточек при отделе торговли Ленгорисполкома ставит вас в известность, что ваше ходатайство об увеличении лимита на обеденные карточки, талоны на горячее питание продовольственной комиссией Ленфронта не удовлетворено»³².

В дни празднования 26-й годовщины Октябрьской революции на Дворцовой площади была выставлена на всеобщее обозрение часть трофейной техники музея.

При возвращении ее на место в январе 1944 года трагически погиб начальник ленинградской команды майор административной службы П.И. Воробьев. Вывозили орудия поздно ночью, и он, страхуя пушку от встречного транспорта, попал под машину³³.

После смерти Воробьева начальником команды был назначен подполковник Терентьев. Задачи сотрудников на первых порах оставались прежние: поездки на фронт, прием памятников войны, сбор различных предметов для восстановления музея А.В. Суворова в Кончанском. Новым мероприятием в деятельности команды стала организация 43 военных кабинетов при госпиталях и воинских частях, дислоцировавшихся в Ленинграде³⁴.

В июне 1944 года ленинградская часть музея приняла участие в выставке «Отечественная война 1812 г.», которую устраивал Музей истории религии³⁵.

Во второй половине года основная работа переместилась в Кронверк. Еще в мае ленинградская команда передала свои лучшие памятники на общегородскую выставку «Героическая оборона Ленинграда». Выставку в самом музее временно закрыли. Необходимо было форсировать ремонт здания и хотя бы минимально привести в порядок территорию для приема музейных предметов из Новосибирска. Весной 1945 года обе команды музея соединились и общими усилиями взялись за восстановление Артиллерийского исторического музея...

В настоящее время Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи является одним из крупнейших военных музеев мира. Его коллекциям «воинских вещей» нет равных. В музее свято хранят память о тех, кто сберег и приумножил эти бесценные коллекции в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я.Ф. Куске (1897—1956) — до прихода в 1935 г. в музей окончил Артиллерийскую академию РККА и являлся руководителем тактико-технического цикла этой академии. Недавно сын Яна Фрицевича Евгений Янович Куске передал в музей на вечное хранение личные вещи отца: документы, фотографии и орден Красного Знамени, которым тот был награжден за участие в Гражданской войне.

² В некоторых публикациях числами отправки эшелонов указываются 5 и 14 июля. По-видимому, они взяты из рукописи П.И. Воробьева «История Артиллерийского исторического музея». См.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 2. Д. 358.

Л. 8, 11. В данной статье приводятся даты из официального доклада в Главное артиллерийское управление от 14 августа 1941 г. См.: Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 47.

³ Вместе с музейными предметами в первом эшелоне находились 34 ящика с рукописями-автографами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, других великих русских писателей, принадлежавшими Институту русской литературы (Пушкинский дом).

⁴ Из музейных фондов осталось в Ленинграде: 40 проц. предметов артиллерийского отдела, 30 проц. стрелкового отдела, 40 проц. исторического отдела, 20 проц. архива, 75 проц. библиотеки, а также все экспозиционное оборудование и 90 проц. хозяйственного инвентаря, в число которого входило механическое оборудование ремонтно-реставрационной мастерской.

⁵ Сегодня это может показаться странным, а тогда было в порядке вещей: даже в разгар тяжелой войны руководство страны не забывало о развитии культуры. Кстати, в Новосибирск в годы войны была эвакуирована Ленинградская филармония, которой руководил И.И. Соллертинский.

⁶ См. доклад полковника Куске заместителю начальника ГАУ. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 1. Д. 71. Л. 11.

⁷ Там же. Оп. 7. Д. 11. Л. 37—37 об., 39, 42, 45; Оп. 1. Д. 71. Л. 11.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 19, 23 об., 37, 38.

⁹ Там же. Д. 71. Л. 11 об.

¹⁰ Там же. Д. 66. Л. 18.

¹¹ Там же. Д. 71. Л. 1, 18, 18 об.

¹² Там же. Л. 21—21 об.

¹³ Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 4.

¹⁴ Там же. Д. 84. Л. 1.

¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 46. Л. 104.

¹⁶ Полагаю, что именно это донесение было первым, поскольку оно начинается с информации об отправке двух эшелонов и указаны даты их отправки.

¹⁷ В ленинградской команде был только один военный служащий — военный инженер 1 ранга Львовский, который мог быть допущен в действующую армию, а грузовая машина к тому времени у музея была уже изъята.

¹⁸ Данные приведены из официального донесения П.Д. Львовского.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 1. Д. 65. Л. 67—69.

²⁰ Там же. Оп. 9. Д. 59. Л. 5, 7, 12, 39, 43—44, 101, 109, 119.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 66.

²² Там же. Д. 71. Л. 6 об.

²³ Там же. Д. 65. Л. 112—112 об.

²⁴ Там же. Л. 115; Д. 71. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Д. 65. Л. 108.

²⁶ Увольнение было вынужденным из-за отсутствия финансирования.

²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 1. Д. 71. Л. 28.

²⁸ Из письма председателя Ленинградского союза советских художников В. Серова на имя П.И. Воробьева, в котором он благодарит музей за помощь. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3р. Оп. 1. Д. 78. Л. 44, 44 об., 46.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Д. 83. Л. 7—12, 17, 19, 20.

³¹ Там же. Л. 16, 24, 25, 27—29, 31—34, 36, 37, 40—72.

³² Там же. Л. 177.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 358. Л. 81, 83.

³⁴ Там же. Оп. 9а. Д. 159. Л. 3—108; Оп. 1. Д. 83. Л. 15, 26.

³⁵ Там же. Оп. 9а. Д. 151. Л. 55.

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА В ИРАНЕ. 1941–1946 гг.

В СООТВЕТСТВИИ со статьей 6 Советско-иранского договора 1921 года СССР имел право ввести свои войска в Иран «для самообороны» в случае возникновения угрозы советским южным рубежам. Ввод войск в эту страну был осуществлен 25–27 августа 1941 года с целью предотвращения проникновения туда Германии (одновременно в Иран ввела свои войска Великобритания — союзник СССР во Второй мировой войне). В ноте, врученной 25 августа 1941 года советским послом в Тегеране иранскому правительству, подчеркивалось, что Советский Союз «не имеет никаких пожеланий в отношении территориальной целостности и государственной независимости Ирана. Принимаемые Советским правительством военные меры направлены исключительно против опасности, созданной враждебной деятельностью немцев в Иране. Как только эта опасность будет устранена, Советское правительство во исполнение своего обязательства по советско-иранскому договору 1921 г. немедленно выведет советские войска из пределов Ирана». В период непосредственной подготовки операции Ставка Верховного Главнокомандования в директивах командующим войсками Закавказского и Среднеазиатского военных округов от 23 августа 1941 года уточнила, что ввод войск осуществляется «в целях обеспечения наших границ от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства, а также для того, чтобы предупредить вылазки иранских войск против наших границ». Ставкой ВГК были определены силы, выделяемые на операцию, направления и рубежи их продвижения и указывалось: «В случае вооруженного сопротивления со стороны иранских войск уничтожать войска и материальную часть противника, не допуская отхода их на Тегеран».

25 августа в Иран вступили основные силы 44-й и 47-й армий Закавказского фронта (образован 23 августа из войск Закавказского военного округа). 44-я армия (командующий — генерал-майор А.А. Хадеев) имела в своем составе 20-ю, 77-ю горно-стрелковые, 17-ю кавалерийскую дивизии, 24-й отдельный танковый полк. В состав 47-й армии (командующий — генерал-майор В.В. Новиков) входили 63-я, 76-я горно-стрелковые и 236-я стрелковая, 6-я и 54-я танковые, 23-я и 24-я кавалерийские дивизии, 13-й мотоциклетный полк. Кроме того, в составе войск, выде-

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Уважаемые товарищи! Я подписываюсь на ваш журнал много-много лет. Обращаюсь к Вам с просьбой. Меня интересуют сведения о вводе наших войск в Иран в 1941 году: при каких обстоятельствах он был осуществлен, какие части были в Иране и кто ими командовал, были ли боевые столкновения наших войск с иранскими и имелись ли потери, где дислоцировались наши части и чем занимались, когда были выведены? Просьба хотя бы кратко ответить на эти вопросы.

Г.К. КРАСНОПЕРОВ

(почтовое отделение Лазареново Красногвардейского района Белгородской области)

ленных на операцию, имелись артиллерийские, авиационные и инженерные части и подразделения. Более сильная 47-я армия получила задачу двигаться в направлении на Тебриз и частью сил — на Ардебиль и Хой (последний — вблизи турецкой границы). 24-я кавалерийская дивизия находилась в оперативном подчинении фронта и действовала самостоятельно, наступая на Джебраильском направлении. Действия армии с воздуха поддерживали четыре авиационных полка. 44-я армия главными силами двигалась на Решт, частью сил наступала в иранском Южном Прикаспии, где ей оказывала помощь Каспийская военная флотилия. Действуя в сложных географических условиях, войска 47-й и 44-й армий благодаря помощи инженерных частей и подразделений быстро продвигались вперед, преодолевая водные и горные преграды. В целом соединения и части двух армий в течение одних - двух суток ранее установленного времени вышли на линию Хой — Тебриз — Ардебиль — Решт. Этот успех объяснялся не только их энергичными действиями, но и слабым сопротивлением иранских частей, достигнутых врасплох и к тому же особо не желавших вступать в бой. Отдельные попытки их сопротивления 26 августа в районах Маку и Тебриза были быстро сломлены 63-й горно-стрелковой и 54-й танковой дивизиями. Части 24-й кавалерийской дивизии после 70-километрового марша овладели Агранью.

27 августа в Иран вошли войска 53-й Отдельной армии Среднеазиатского военного округа (командующий армией — генерал-майор С.Г. Трофименко). Основные силы армии составляли 58-й стрелковый корпус (генерал-майор М.Ф. Григорович), наступавший на прикаспийском направлении, и 4-й кавалерийский корпус (генерал-майор Т.Т. Шапкин), двинувшийся на Мешхед. Созданные моторизованные отряды заблаговременно овладевали перевалами и узкими проходами, обеспечивая быстрое

движение войск. Имели место лишь отдельные вооруженные стычки с группами иранских военнослужащих.

Поскольку в Иран вошли и английские войска, действовавшие с территории Ирака, иранские вооруженные силы по приказу командования 29–30 августа сложили оружие. В ходе переговоров Тегеран соглашался выслать из страны всех граждан Германии и ее союзников и не препятствовать транзиту военных грузов для СССР по ленд-лизу. Чтобы ускорить этот процесс, советские войска (68-я горно-стрелковая и 24-я кавалерийская дивизии) в середине сентября на время заняли Тегеран. Требования союзников были полностью удовлетворены. В соответствии с подписанным соглашением о дислокации войск союзников советские соединения и части располагались гарнизонами в городах и других населенных пунктах северных иранских провинций Азербайджан, Гилян, Мазандеран и Хорасан. По некоторым источникам, в ходе операции по вводу советских войск в Иран их потери составили около 40 убитых и 150 раненых военнослужащих, а также несколько сбитых самолетов. Уже в октябре — ноябре советское командование начало передислокацию 44-й и частично 47-й армий Закавказского фронта на Северный Кавказ и Керченский полуостров. На места прежней дислокации в Средней Азии возвращалось большинство войск 53-й Отдельной армии, а ее управление было расформировано. Оставшиеся в Иране войска были объединены под единым управлением. Они обеспечивали охрану важных военных пунктов и коммуникаций, сопровождение транспортов с военными грузами для СССР, прикрывали границу с Турцией, полиорганы вели разьяснительно-пропагандистскую работу в интересах СССР и антигитлеровской коалиции. Последние советские воинские части были выведены из Ирана уже после войны, в 1946 году.

**Полковник запаса
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ**

МЕМУАРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Собрание воспоминаний о Великой Отечественной войне в Краснодарском крае складывалось в основном в 1960—1970-е годы. Его большая часть хранится в Центре документов новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), часть документов — в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) и Национальном архиве Республики Адыгея (НАРА). Всего имеется более 300 воспоминаний. Примерно 68 проц. из них написаны мужчинами, около 30 проц. — женщинами, приблизительно 2 проц. — детьми. Принадлежность авторов к Коммунистической партии была основным отборочным критерием. Исключение составляют школьные сочинения, написанные сразу после освобождения Краснодара и хранящиеся в ГАКК. Часть воспоминаний попала в ЦДНИКК как только гитлеровцы были изгнаны из Краснодара и с оккупированных ими территорий Краснодарского края. Основу коллекции составили материалы, написанные большей частью бойцами и командирами партизанских отрядов и 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. В советский период на территории Краснодарского края функционировал краевой партийный архив с местными филиалами. Вся значимая информация о партизанском и подпольном движении на оккупированной территории сосредоточивалась в центральном архиве. Небольшая часть неопубликованных воспоминаний хранится в фондах краевого исторического музея.

На материалах Краснодарского края

народов не была пленена и не будет — все это временное явление»⁴, — вспоминал партизан С.И. Яковлев. Довольно часто мемуаристы периода Великой Отечественной войны заменяли собирательные термины «советский человек», «советский народ» историко-этническим понятием «славяне»⁵. Это могло быть связано с возвращением в политический арсенал идеи славянского единства. Однако с 1943 года средства массовой информации при пропаганде патриотизма акцентировали внимание общественности на государственно-социалистических ценностях.

В мемуарных материалах отчетливо прослеживается изменение в сознании их авторов представлений о себе. Они из недавних «винтиков» системы превращались в творцов Победы, освободителей Родины. Лейтмотивом повествований о боях за освобождение Краснодарского края стала героизация подвигов солдат и партизан. «3 часа 40 минут длилось небывалое Кушевское сражение. Оно родило много героев, образы которых всегда будут служить примером нашим молодым воинам, продолжающим множить славу и подвиги участников Кушевской битвы. Вот, например, казаки Черкашин и Пашкин, несмотря на сильный пулеметный огонь, подобрались к скирдам соломы, откуда бил вражеский пулемет, и уничтожили его вместе с расчетом. Этим они расчистили путь атакующим казакам»⁶, — вспоминал о боевом пути кубанских казаков П.И. Галицкий.

В конце войны стали печататься воспоминания, подводившие итог партизанскому движению в уже освобожденных районах страны⁷. Их содержание соответствовало менталитету победителей, которые с честью перенесли страдания и по праву

ПЕРВЫЙ этап развития мемуаристики о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. приходится на 1943—1945 гг. Воспоминания периода оккупации Краснодарского края и его освобождения стали появляться с 1943 года. По форме первые работы больше похожи на сжатые очерки или мини-сочинения на заданную тему. Люди, пережившие оккупацию родного края, пытались на бумаге сформулировать свои чувства и переживания, главными из которых были презрение и ненависть к врагу, а также желание защитить свою Родину и отомстить оккупантам. «Пришли гады на нашу советскую землю, в наши леса и поля, да еще радуются, веселятся», — так эмоционально повествует партизан В.Ф. Бойко. «Ненависть к врагу еще больше сплотила нас в единый организм, готовый подобно тигру броситься на свою добычу»¹, — продолжает он. Настрое-ния и оценки, сложившиеся в те тяжелые дни, — на протяжении всего первого этапа развития мемуаристики, ведь боль утрат была еще слишком остра.

П.А. Землянуха вспоминал, что кубанское казачество мгновенно откликнулось на призыв Коммунистической партии организовать сопротивление врагу: «И с особой силой я почувствовал всю опасность, которую переживала Родина, и дал слово биться до последней капли крови, до последнего вздоха»². Мемуарист считал, что чувство ответственности рождало чувство собственной значимости, достоинства, а значит, чувство свободы. Это было компонентом личности советского человека.

В официальной идеологии военного периода проводилась идея национальной сплоченности, велась пропаганда, что советский народ является наследником героических традиций предков, носителем тех лучших качеств национального характера, которые складывались на протяжении всего предыдущего исторического развития³. Эти идеи нашли отражение в исследуемых воспоминаниях. «Мы старались доказать, что Русь Святая еще никогда в истории

ощущали себя героями войны. Характерной чертой мемуаров стало стремление увековечить память погибших и воздать должное живым товарищам по борьбе.

Прославление советского солдата и партизана в борьбе с врагом, воспевание патриотизма, героизация в воспоминаниях 1943—1945 гг. сопровождалась верой мемуаристов в социалистическую идею и ее главного вдохновителя И.В. Сталина. Победа в отдельном бою зависела от ее участников, но прежде всего от «сталинской тактики нашего командования, которая превзошла немудрую тактику гитлеровцев»⁸, — считал П.А. Землянуха. Таким образом, в сознании общества складывалось представление об особом величии подвига, совершенного народом, который, однако, не мог состояться без И.В. Сталина, названного «главным архитектором Победы и Коммунистической партии».

Второй этап развития мемуаристики о Великой Отечественной войне пришелся на 1946 — начало 1960-х годов. Он характеризуется количественным накоплением источников мемуарного характера. Содержание воспоминаний о войне на Кубани в целом отражает идеологическую и политическую ситуацию, господствовавшую в общественном сознании в этот период.

Главной особенностью послевоенных лет являлось ужесточение контроля власти за массовым сознанием. Изменилось само восприятие жизни, люди стали критичнее оценивать происходившее, раздвинулись горизонты их сознания. Первый опыт сотрудничества со странами Запада, непосредственное знакомство с бытом, жизнью других народов — все это изменяло массовое сознание людей⁹. В русле развернувшейся кампании восстановления идеологической ортодоксии¹⁰ предпринимались меры по формированию в общественном сознании картины войны, соответствующей официальным установкам. Была сформирована концепция войны как символа веры, доказательства исторической правоты социалистической системы и ее живого олицетворения — вождя И.В. Сталина.

Посвящая воспоминания 40-й

годовщине образования Советской армии, А.Т. Макаренко написал: «Во вторую Отечественную войну Красная армия под руководством тов. Сталина разгромила фашистские полчища, освободила народы Европы от фашистского ига. Советская власть вышла из войны еще крепче, а ее армия — еще сильнее»¹¹.

Особое внимание в воспоминаниях фронтовиков уделялось роли И.В. Сталина в годы войны. Мемуаристы не забывали подчеркнуть полководческий гений вождя в борьбе с капиталистической системой. Они связывали с ним победы в боях местного значения. «Коммунисты на фронте в борьбе с немецкими захватчиками были душой нашей Красной армии. Во имя защиты Родины, с именем Сталина на устах, коммунисты увлекали за собой сотни и тысячи беспартийных воинов и побеждали, как бы не была трудна и сложна поставленная перед нами боевая задача»¹².

Одержанная в войне победа вселяла чувство гордости за свою страну и народ, люди с оптимизмом смотрели в будущее. «Сравнились окопы и воронки на полях войны, славно колосится кубанская пшеница, выросли новые заводы. Расцветает наша Кубань, наша Родина. Но память о героях отстоявших нашу страну, будет жить вечно, она будет воодушевлять нас на радостный труд и борьбу за великое дело сохранения мира»¹³, — писал майор В. Курило.

Вследствие сравнительно небольшого временного разрыва между событиями 1941—1945 гг. и их осознанием в первое послевоенное десятилетие в мемуаристике еще не сформировалась целостной картины войны. Воспоминания людей фронтового поколения о боях на Кубани, написанные в середине 1940-х — начале 1960-х годов носят фрагментарный характер и посвящены, как правило, определенным событиям периода оккупации, отдельным эпизодам партизанской и подпольной борьбы в тылу врага и освобождению некоторых городов и станций Краснодарского края¹⁴. Еще одна особенность рассматриваемого периода — это формирование в общественном сознании идеализированной картины войны. Важное место в ней от-

водилось потребности советских людей осмыслить подвиг народа в войне как собственный, личный. Описание героизированного художественного образа солдата в наибольшей степени отвечало этому стремлению. Этим обусловлена некая близость воспоминаний, написанных после войны, с художественной литературой¹⁵.

Идеология «холодной войны» формировала в массовом сознании послевоенного общества негативное отношение к недавним союзникам, увеличивала роль социалистической системы в победе над врагом и вселяла веру в светлое коммунистическое будущее. С другой стороны, ощущение радости победы было источником создания идеализированной картины войны в сознании послевоенного общества.

Третий этап развития мемуарной литературы о войне — 1960—1980-е годы. Что касается регионального комплекса воспоминаний о Великой Отечественной войне, то их большая часть относится к 1960—1970-м годам. Среди авторов воспоминаний, созданных в это время, были непосредственные участники военных действий: выдающиеся полководцы и простые солдаты, партизаны и подпольщики, жители оккупированной территории. Масштабность публикаций военных мемуаров этого периода связана с тем, что литература начала 1960—1970-х годов являлась еще и средством общественного самовыражения.

Этот этап по-настоящему стал временем расцвета военной мемуаристики. Появились фундаментальные воспоминания, в которых использовались архивные материалы¹⁶, были подведены итоги партизанской войны, написана история каждого отряда и их соединений, действовавших в период оккупации на территории Краснодарского края¹⁷. Мемуаристы рассматривали Великую Отечественную войну не только как очень важный и значимый факт собственной биографии, но и как событие историческое, память о котором нужно сохранить для потомков. «Разгром темных сил фашизма положил конец Мировой и Великой Отечественной войнам на нашей планете. 1418 дней и ночей лилась кровь на полях фрон-

та и тыла. Страдали и погибали от холода и голода, шли почти босиком в те морозные весенние и осенние дни, обмерзали и опухали от зимнего мороза и холода, но добивались победы в кровопролитном бою с врагом»¹⁸, — так начал свои воспоминания о боях на «Малой земле» И.И. Сучков.

Постепенно наряду с описанием войны как исторического явления авторы воспоминаний пытались увековечить свой вклад в Победу над врагом или детализировать события одного боя, конкретного задания, в которых они принимали непосредственное участие¹⁹. Нередко в автобиографических воспоминаниях Великая Отечественная война представлена как главное событие жизни мемуариста. Так, например, И.Г. Брилев подробно описал свое участие в сражениях «с ненавистным врагом» в составе Тульского партизанского отряда № 3, а затем 4-го гвардейского кубанского казачьего кавалерийского корпуса²⁰.

Кроме того, в мемуарах присутствуют эмоциональные повествования о боевых друзьях, однополчанах, командирах, юных комсомольцах, проявивших героизм в ежедневных боях. Авторы намеренно писали о себе и о своих боевых друзьях, употребляя местоимение «мы». Тем самым они подчеркивали сплоченность и единение боевых друзей, всего советского народа в борьбе с врагом: «Мы в огне и в дыму закаляли свою юность, в бою вырастали из своего обмундирования. Мы дорожили своей честью и честью своей Родины»²¹.

В общественном сознании 1960—1970-х годов преобладала установка на героизацию и воспитание патриотических чувств у молодежи. Воспоминания о событиях Великой Отечественной войны на Кубани специально посвящались погибшим в бою, при выполнении задания или замученным немцами героям²². Мемуаристы писали, что на них равнялись во время войны, они стали образцами мужества и отваги для подрастающего послевоенного поколения защитников Отечества.

Много внимания было уделено описанию подвигов жителей тыла и оккупированных районов Краснодарского края. Авторы писали, как население помогало

подпольщикам и партизанам провизией и полезной информацией, поднимало на ноги раненых солдат, находясь под постоянным надзором немцев. Свои воспоминания «Люди высокого долга» бывший секретарь партбюро Упорненского партизанского отряда В.Г. Сериков посвятил женщине, спасшей его от смерти: «Всю жизнь вспоминаю Анастасию Харитоновну. Она принесла меня, раненого и обессиленного в свой дом, укрыла от вражеских глаз, лечила мои раны и помогла связаться с надежными людьми. Эта женщина поступила по велению сердца, хотя знала, что за укрытие партизана-секретаря райкома и помощь ему ей угрожал расстрел»²³. Такие люди, по мнению авторов мемуаров, ценные тяжелые испытания и потери заслужили право быть навсегда увековеченными в военных воспоминаниях.

Четвертый этап развития мемуаристики о Великой Отечественной войне начался в конце 1980 — начале 1990-х годов и был вызван окончанием «холодной войны», а затем распадом социалистической системы, что изменило официальную идеологию прошлых десятилетий.

Большинство воспоминаний имеют целью подведение итогов жизни мемуариста, увековечивание опыта ведения боев дивизии или полка, в составе которого воевал автор²⁴. В мемуарах «Третий дивизион» бывший артиллерист П.А. Захаржевский писал о беспримерной стойкости и выносливости, мужестве, героизме и любви к Родине солдат, сержантов и офицеров 324-й стрелковой дивизии 10-й армии и 108-й стрелковой дивизии 65-й армии в прошедшей войне²⁵.

В военных мемуарах последних лет постепенно на второй план уходит тема роли партии, в центре внимания оказываются вопросы, касающиеся простого солдата, работника тыла, без ежедневного труда которых государство не стало бы победителем. После определенной паузы середины 1990-х годов в современном обществе вновь возник интерес к военным воспоминаниям. В средствах массовой информации регулярно публикуются очерки и воспоминания очевидцев и участников Великой Отечественной войны.

Как и прежде, мемуаристы адресуют свои воспоминания подрастающему поколению. В условиях отсутствия четкой государственной идеологии мемуары людей фронтового поколения призваны стать живым примером в деле воспитания чувства патриотизма и любви к Родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центр документов новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 801. Л. 5.

² Там же. Д. 816. Л. 3.

³ *Дружба О.В.* Проблемы войны в общественном сознании 30—50-х гг.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 1998. № 3. С. 86.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 757. Л. 12 об.

⁵ Там же. Д. 857. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 1143. Л. 12.

⁷ *Игнатов П.К.* Братья Игнатовы. М., 1944.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 816. Л. 8.

⁹ *Дружба О.В.* Указ. соч. С. 87.

¹⁰ В августе 1946 г. было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», которые положили начало целой кампании по восстановлению идеологической ортодоксии, коррекции процессов, происходивших в общественном сознании с целью консервации идеологических оснований советской политической системы. См.: Доклад секретаря ЦК А.А. Кузнецова на собрании работников аппарата ЦК по выборам Суда Чести 29 сентября 1947 г. // *Источник.* 1994. № 4. С. 70—72; *Правда.* 1946. 21 авг.

¹¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 306. Л. 4.

¹² Там же. Д. 1143. Л. 69.

¹³ Там же. Д. 302. Л. 4.

¹⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 26; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 899.

¹⁵ *Закруткин В.* Кавказские записки. 1942—1943. М., 1954.

¹⁶ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1988; *Конев И.С.* Воспоминания. М., 1983; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1976; *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1973; *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1973.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 802-1376.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 42; ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 922.

²⁰ Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. П-1123. Оп. 2. Д. 587. Л. 1.

²¹ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 36. Л. 12.

²² НАРА. Ф. Р-879. Оп. 1. Д. 25; НАРА. Ф. П-1123. Оп. 2. Д. 139, 141; ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 112.

²³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 914. Л. 14.

²⁴ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 31; *Дискант М.Н.* В низовьях Кубани. Страницы воспоминаний. Славянск-на-Кубани, 1990.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

ПРОРЫВ «ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА»

Советско-финляндская война 1939—1940 гг. совершенно справедливо считается одной из самых малоизученных страниц отечественной военной истории. В предлагаемой вниманию читателей статье автор предпринимает попытку систематизировать данные по совершенствованию управления артиллерией в ходе войны, показывает особенности применения артиллерии при прорыве «линии Маннергейма».

К НОЯБРЮ 1939 года северо-западную границу СССР от Баренцова моря до Финского залива прикрывали четыре армии: 7-я (комдив В.Ф. Яковлев) — на Карельском перешейке, 8-я (комдив И.Н. Хабаров), 9-я (комкор М.П. Духанов, с 22 декабря комкор В.И. Чуйков), 14-я (комдив В.А. Фролов) — на границах с Восточной Финляндией. Всего группировка советских войск насчитывала до 425 тыс. человек, 1476 танков, 1576 орудий и около 1200 самолетов. Для поддержки наземных войск планировалось привлечь около 500 самолетов и более 200 боевых кораблей Балтийского и Северного флотов (командующие соответственно флагманы флота 2 ранга В.Ф. Трибуц и В.П. Дрозд).

Правительство Финляндии в свою очередь проводило мобилизацию и развертывание сил. К концу октября было развернуто 9 пехотных дивизий, 5 пехотных и одна кавалерийская бригада, 5 отдельных пехотных полков и 22 батальона. Всего на то время в армии Финляндии насчитывалось 320 тыс. человек, 500 орудий и 114 самолетов. По другим данным, финские вооруженные силы, развернутые на границах с Советским Союзом, насчитывали вместе с обученным резервом до 600 тыс. человек, около 900 орудий разного калибра, порядка 270 боевых самолетов и 29 кораблей¹.

Ход Советско-финляндской войны условно можно разделить на два периода: первый, охватывающий военные действия с 30 ноября 1939 до 10 февраля 1940 года, второй — с 11 февраля по 13 марта 1940 года. Боевые действия развернулись на фронте общей протяженностью свыше 1500 км и протекали в сложных условиях лесисто-болотистой местности, озерного района и заполярной тундры, ограничивающих использование тяжелой военной техники и препятствующих

развертыванию крупных сил. Основные события проходили на Выборгском направлении Карельского перешейка, где противник применил мощную долговременную, глубоко эшелонированную оборону, основой которой была «линия Маннергейма»². Боевые действия на остальных участках имели вспомогательное значение.

На Выборгском направлении в полосе шириной до 110 км наступали соединения 7-й армии под командованием комдива В.Ф. Яковлева (7 декабря 1939 г. его сменил командарм 2 ранга К.А. Мерецков) — 169 тыс. человек, 1286 орудий и 1490 танков. С финской стороны 7-й армии противостояла армия «Перешеек» (Армия перешейка) под командованием генерал-лейтенанта Х. Эстерана³ общей численностью 133 тыс. человек с 349 полевыми и противотанковыми орудиями, 32 танками и 36 самолетами непосредственной поддержки (см. табл.).

Перед 7-й армией стояла задача во взаимодействии с авиацией разгромить войска противника, овладеть его укрепленным районом на Карельском перешейке, выйти на фронт Кексгольм (Приозерск), Антреа (Каменногорск), Виипури (Выборг) и во взаимодействии с 8-й армией развивать наступление в направлении Лахти, Хельсинки. На всю операцию отводилось 10—12 дней.

В первой половине декабря 7-я армия вышла к передовой полосе «линии Маннергейма» общей протяженностью 195 км и глубиной 95 км, включающей, кроме того, главную, вторую и тыловую (Выборгскую) полосы обороны. Главная полоса обороны имела глубину 8—10 км, однако с ходу прорвать ее не удалось. Одной из проблем, вставшей перед советскими войсками, был недостаток разведывательных данных о финских укреплениях, что и признал начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапош-

ников⁴ на совещании 14—17 апреля 1940 года.

Самым печальным было то, что советское командование практически не знало о сооружениях, возведенных на «линии Маннергейма» в 1938—1939 гг., о так называемых дотах «Миллионер» и «Поппиус», находившихся в полосе наступления 123-й дивизии. Чтобы выявить их местонахождение, войскам пришлось вести разведку боем. Для разрушения привлекалась артиллерия крупного калибра.

Тем не менее 13 декабря новый командующий 7-й армией К.А. Мерецков отдал приказ перейти в решительное наступление в направлении Кексгольм (Приозерск) и Виипури (Выборг).

Действовавшая на Выборгском направлении ударная группа 7-й армии состояла из 19-го и 50-го стрелковых корпусов (ск). Артиллерия 19-го стрелкового корпуса включала артиллерию 24-й и 90-й стрелковых дивизий (сд), 320-й пушечный и 101-й гаубичный артиллерийские полки (ап), 43-й тяжелый корпусной артполк, по одному дивизиону из 49-го и 21-го тяжелых корпусных артполков и 28-й корпусной артполк. Артиллерия 50 ск состояла из артиллерии 123 и 138 сд, 24, 47, 21 и 49-го (два последних — без третьих артдивизионов) тяжелых корпусных артполков, 301, 302 и 402-го гаубичных артполков, 136-го артполка РГК, 315-го и 317-го артдивизионов большой мощности (БМ) РГК. В состав артиллерии оперативной группы комкора В.Д. Грендаля входили артиллерия 49, 150, 142 и 4-й стрелковых дивизий, 116-й гаубичный артполк, 2-й дивизион 402-го гаубичного артполка БМ, 311-й пушечный артполк⁵.

Как видим, количественный и качественный состав артиллерии 7-й армии был весьма внушительным. Однако управление ею, основанное на предвоенных взглядах, согласно которым все вопросы боевого применения артиллерии должны решаться в тактическом звене (корпус, дивизия, полк), оставляло желать лучшего, так как добиться массирования огня на важнейших направлениях оказалось весьма проблематично. Недаром К. Маннергейм писал по этому поводу: «Атаки противника в декабре можно было сравнить с

Соотношение сил сторон на Карельском перешейке по состоянию на 1 декабря 1939 года

Соединение или часть	7-я армия	Армия «Перешеек»	Общее соотношение
Пехотные (стрелковые) дивизии	9	6	1,5 : 1
Отдельные пехотные (стрелковые) бригады	1	4	1 : 4
Кавалерийские бригады	—	1	0 : 1
Танковые бригады	5	—	5 : 0
Артиллерийские полки	16	5	3,2 : 1
Артиллерийские орудия	1286	349	3,7 : 1
Танки	1490	32	46,5 : 1
Самолеты	644	36	18 : 1
Общая численность	169 000	133 000	1,3 : 1

Составлена по: Советско-финляндская война 1939—1940 гг. СПб.: ООО Полигон, 2002. Т. I. С. 196.

оркестром под управлением плохого дирижера, где инструменты играют не в такт. На наши позиции бросали дивизию за дивизией, но взаимодействие различных родов войск было недостаточным. Артиллерия расходовала снаряды, но ее огонь был плохо спланирован и не очень связан с деятельностью пехоты и танков»⁶.

ВСКОРЕ и советскому командованию стало ясно, что массированное применение артиллерии требует централизованного управления, тщательной подготовки артиллерийских командиров и их штабов и, что не менее важно, хорошей связи, которой как раз и не было. Даже командующий 7-й армией не имел радиостанции⁷. Явно недостаточной по управлению артиллерией в операции (бою) была подготовка и общевойсковых командиров и их штабов. Плохо были подготовлены и сами артиллеристы. «Артиллерия ведет безудержный огонь без достаточной разведки целей, не достигая нужного результата. Один 116-й артполк расстрелял с 30 ноября 17 700 152-мм выстрелов (72 вагона). Относительный расход самых тяжелых калибров часто превышает расход артиллерийских боеприпасов дивизионной и полковой артиллерии. Например, 316 адбм [артиллерийский дивизион большой мощности] израсходовал 18 декабря 1939 года по шестьдесят снарядов на 280-мм мортиру, а за этот же день в 123-й стрелковой дивизии на полковую и дивизионную пушку израсходовано 18 выстрелов, а на 45-мм пушку — 9 выстрелов. В том же дивизионе и в 455 ап подавались команды на беглый огонь из 280-мм мортир и 152-мм пушек-гаубиц образца 1937 года. Бывали случаи, когда общевойсковые начальники требовали вести ночью беспокоящий огонь из 280-мм мортир по дорогам. Отношение к экономике и сбережению артвыстрелов в войсках пренебрежительное»⁸.

Что касается тесного взаимодействия в ходе боевых действий пехоты с артиллерией, то, либо первая не успевала использовать результаты артиллерийского огня, либо огонь второй оказывался не эффективным. К тому же стиль управления войсками, особенно в первом периоде, не отвечал требованиям современной войны. Так, директивы Ставки Главного Командования⁹ по своему содержанию больше походили на лекции по ведению боевых действий, чем на военный приказ¹⁰, грешили

шаблоном и схематизмом. Финны быстро приспособились к подобному штампу в артиллерийской подготовке и умело этим пользовались. Кроме того, скрытое управление войсками долгое время игнорировалось, допускались открытые переговоры по телефону вплоть до передачи данных о начале и конце артиллерийской подготовки и времени атаки.

Неудивительно, что итоги боевой деятельности войск 7-й армии за декабрь 1939 года оказались совершенно неудовлетворительными: наступление как на главном, так и на второстепенном оперативном направлении провалилось. Причин случившегося было много, в том числе плохое знание и недооценка оборонительных возможностей финской армии, обывательское отношение к природно-климатическим условиям театра военных действий, явная переоценка собственных сил. Надо добавить еще и отсутствие опыта прорыва такого рода укреплений, а также необходимых средств, ибо как писал впоследствии К.А. Мерецков «ни с чем подобным мы раньше не сталкивались»¹¹.

БОЛЕЕ двух недель продолжались безуспешные попытки 7-й армии прорвать «линию Маннергейма». 20 декабря военный совет армии отправил в Ставку донесение, в котором доложил, что без тщательной и продуманной подготовки к прорыву линии финских укреплений, без разрушения основных долговременных сооружений противника и без проведения инженерных работ по расчистке подступов к его переднему краю успешная атака пехоты и танков невозможна. Командование армии предло-

жило провести перегруппировку частей и начать систематические разрушения обнаруженных финских дотов артиллерией. Ставка Главного Командования РККА, рассмотрев представленные сообщения, утвердила их и разрешила 7-й армии прекратить наступление и приступить к подготовке прорыва¹².

25 декабря на основе войск правого фланга 7-й армии была создана 13-я армия (комкор В.Д. Грендаль). 7 января 1940 г. обе армии объединяются в Северо-Западный фронт (около 900 тыс. человек, 3,2 тыс. орудий, 1,3 тыс. самолетов и более 1,3 тыс. танков; командарм 1 ранга С.К. Тимошенко). Усиливаются и другие направления. В результате советские войска противопоставили финнам более 1,3 млн. человек, 1,5 тыс. танков, 3,5 тыс. орудий, 3000 самолетов. Финская же сторона к началу февраля располагала 600 тыс. человек, 600 орудиями и 350 самолетами. В финскую армию, кроме того, прибыли до 12 тыс. иностранных добровольцев.

Боевые действия артиллерии в полосах армий, действующих севернее Ладожского озера с целью выхода в тыл «линии Маннергейма», развивались следующим образом. Хотя при переходе границы управление артиллерией в армиях было централизованным, это ничего не дало, поскольку артиллерийский огонь из-за отсутствия полноценных разведывательных данных велся по предполагаемому району сосредоточения противника, где зачастую его не оказывалось. Разведка же целей производилась неудовлетворительно из-за отсутствия как самих средств разведки (воздушная корректировка не проводилась),

так и практических навыков. Кроме того, на первых порах в лесистой местности войска просто не знали, как осуществлять взаимодействие. В мирное время этим вопросом не занимались, указания же уставов о децентрализации артиллерии в густом лесу с достаточно глубоким снежным покровом вплоть до отдельных орудий оказались явно невыполнимыми: не было санно-лыжных установок, средств связи.

Следует учесть и то, что артиллерии на конной тяге в условиях сильных морозов и по глубокому снегу трудно было осуществлять маневр¹³. Оставаясь же на дорогах, она не могла поражать цели в ближайшей глубине. Поэтому, хотя, например, в полосе наступления 8-й армии превосходство над противником в артиллерии (включая 45-мм орудия) было пятикратным, в условиях растянутого фронта поддержка ею обходящих отрядов почти исключалась.

Что касается минометов, то здесь тоже были свои проблемы. В связи с тем что минометчиков не хватало, минометные подразделения комплектовались за счет пехотинцев, ни разу из минометов не стрелявших. Да и мин было недостаточно, а в некоторых случаях ими запрещали стрелять как опасными в обращении. Командиры стрелковых частей и подразделений боевых и технических возможностей минометов и их боеприпасов не знали и вначале совсем их не применяли. «Командир

одной из стрелковых дивизий, — писал впоследствии главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, бывший в 1937—1940 гг. начальником артиллерии Красной армии, — полковник Зайцев уверял меня, что минометы хорошо используются. И вдруг выяснилось, что за последние трое суток в дивизии не израсходовано ни одной мины. Стали проверять, и оказалось, что по приказанию командира дивизии минометы даже не были выданы в стрелковые полки и продолжали лежать на складе»¹⁴. Все основные недостатки по боевому применению артиллерии, выявившиеся в первом периоде войны, командование постаралось устранить в ходе подготовки прорыва «линии Маннергейма». Для управления артиллерией создавались штабы артиллерии во фронте и в армиях.

ВТОРОЙ этап боевых действий силами Северо-Западного фронта начался штурмом укреплений на Карельском перешейке. Основной удар наносился смежными флангами 13-й и 7-й армий в общем направлении на Выборг с целью разгрома главной группировки противника.

Чтобы подготовить войска к предстоящей операции, подробно объяснить им, как надо действовать в непривычных условиях, а также с целью использования уже накопленного опыта боевых действий С.К. Тимошенко приказал создать группу командиров из работников штаба и управлений

фронта под руководством заместителя начальника штаба фронта командарма 2 ранга В.М. Злобина. Этой группе, в которую вошел и начальник артиллерии фронта комкор А.К. Сивков, поручили разработать подробную инструкцию по прорыву укрепрайона противника, особое внимание уделив созданию специальных штурмовых групп и обучению их на макетах дотов.

Для штурма «линии Маннергейма» на Карельском перешейке было сосредоточено огромное количество артиллерии всех видов, в том числе и Резерва Главного Командования (РГК). На участках прорыва в обеих армиях сосредоточивалось 70—85 проц. всей артиллерии. В 7-й армии, которой принадлежала главная роль в операции, общая плотность артиллерии составляла более 70 орудий и минометов на 1 км, а на участках прорыва стрелковых корпусов, действовавших на главном направлении, до 75—85 и более единиц на 1 км. В одной только 123 сд для стрельбы прямой наводкой было установлено на огневых позициях 108 артиллерийских орудий, начиная с 76-мм полковых пушек и кончая 280-мм мортирами. В 23-м стрелковом корпусе 13-й армии на участке прорыва имелось 78 орудий на 1 км фронта. Обеспеченность артиллерии боеприпасами по калибрам составляла от 4 до 9, а иногда даже до 12 боекомплектов¹⁵.

Для обеспечения прорыва поло-

ХРОНОГРАФ

2 мая 1813 года состоялось Лютценское сражение между русско-прусскими войсками под командованием П.Х. Витгенштейна, вступившего в должность главнокомандующего союзными войсками после смерти М.И. Кутузова 28 апреля 1813 года, и войсками Наполеона. Союзные силы проиграли сражение, причем не в последнюю очередь из-за того, что главнокомандующий вынужден был, теряя время, согласовывать свои приказы и распоряжения с находившимся при армии Александром I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, чем и воспользовался Наполеон.

4 мая 1881 года — 125 лет назад — родился Александр Федорович Керенский, русский политический и военный деятель, адвокат, лидер фракции трудовиков в 4-й Государственной думе. С марта 1917 года — эсер. Во Временном правительстве: министр юстиции (март—май), военный и морской министр (май—сентябрь), с 21 июля — министр-председатель, с 12 сентября — Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, с 1940 года проживал в США. Умер 11 июня 1970 года.

5 мая 1941 года И.В. Сталин выступил в Кремле перед выпускниками военных академий с речью, в которой сказал о приближении войны. На другой день он занял пост Председателя СНК СССР (вместе В.М. Молотова) и оставался на нем до 15 марта 1946 года.

6 мая 1776 года родился Петр Михайлович Волконский, генерал-фельдмаршал (1843), светлейший князь (1834), генерал-адъютант (1801), с 1821 года член Государствен-

ного совета, министр императорского двора и уделов (1826—1837). В 1810—1812 гг. генерал-квартирмейстер, в 1815—1823 гг. — начальник Главного штаба. Будучи на этом посту, П.М. Волконский руководил составлением карты России, образовал «депо карт» всех иностранных государств; основал училище колонновожатых и положил начало библиотеке Главного штаба, пожертвовав 500 книг. По его представлению был утвержден штат канцелярии генерал-квартирмейстера и куплен для нее дом. Им была учреждена мастерская математических и астрономических приборов. При участии Волконского было выработано «Учреждение для управления большой действующей армией» (1812). Деятельно готовясь к войне с Наполеоном, Волконский снабжал офицеров квартирмейстерской части картами и инструкциями, что весьма пригодились в ходе военных действий. В 1837 году П.М. Волконский был назначен генерал-инспектором всех запасных войск. Умер 8 сентября (27 августа) 1852 года.

6 мая 1945 года, на второй день после вспыхнувшего в Праге восстания, советские войска силами 1, 4 и 2-го Украинских фронтов начали стратегическую наступательную операцию, получившую название Пражской, с целью оказания быстрой помощи восставшим и разгрома противника. Надо отметить, что после Берлинской операции 1945 года на территории Чехословакии и в северных районах Австрии продолжали сопротивляться группа армий «Центр» (17-я полевая, 1-я и 4-я танковые армии; генерал-фельдмаршал Ф. Шернер) и часть сил группы армий «Австрия» (8-я армия и 6-я танковая армия СС; генерал-полковник Л. Рендулич) — всего свыше 900 тыс. человек, 9700 орудий и минометов, 1900 танков и штурмовых орудий и 1000 самолетов. Совет-

Все даты даны по новому стилю.

сы железобетонных укреплений особое внимание уделялось предварительному разрушению дотов и дзотов, т.е. до того, как их атакуют пехота и танки. В задачу артиллерийской разведки входило достоверное вскрытие системы тщательно замаскированных долговременных оборонительных сооружений. Разведывательными частями проводились постоянные поиски, имевшие своей целью выяснить состав главной укреплённой полосы противника. Для этого создали большое количество наблюдательных пунктов, расположенных в 300—500 м от укреплений противника. Чтобы уточнить полученные разведданные, вместе с пехотинцами в ночные поиски ходили и артиллерийские разведчики, которые вели наблюдения за траншеями и долговременными сооружениями финнов. Для достоверного определения характера замаскированного сооружения производилось предварительное огневое вскрытие, когда по результатам стрельбы можно было судить о его прочности, после чего принимать решение на разрушение. Одновременно организовывалась контрбатареинная борьба, так как противник стремился орудийным огнём помешать разрушению своих укреплений.

Обычно для огневого вскрытия производилась стрельба из 152-мм (реже из 203-мм) орудий фугасными снарядами. После оценки результатов стрельбы, перекрытия дзотов (убежищ) разрушались

огнём 152-мм орудий фугасными снарядами, а перекрытия дотов — 203-мм или 280-мм орудиями как правило бетонобойными снарядами. При этом для обеспечения 4—5 попаданий, необходимых для надежного поражения сооружения, с учетом расхода на пристрелку, вскрытие и разрушение дота, требовалось обычно до 500 снарядов.

Более экономичной являлась стрельба прямой наводкой по напольной стенке сооружения на дальность до 1000 м. Самый мощный артиллерийский бетонобойный снаряд только тогда производил сильное разрушение, когда угол встречи его с бетоном был близок к 90°. Даже небольшое отклонение снаряда от прямого угла встречи кончалось рикошетом. Эффективным оказался также огонь из 45-мм пушек бетонобойными снарядами по амбразурам¹⁶.

Группировка артиллерии для прорыва «линии Маннергейма» создавалась согласно требованиям специально разработанной инструкции. Группы поддержки пехоты (ПП) состояли из подразделений полков дивизионной артиллерии и гаубичных полков РКК (по 4—5 дивизионов в каждой). В дивизиях, действовавших на главном направлении, были созданы группы артиллерии разрушения (АР) в составе 4—5 тяжелых дивизионов и дивизионов большой мощности. Группы дальнего действия (ДД) создавались из расчета одна на корпус или по числу ди-

визий первого эшелона ударной группировки¹⁷.

Задачи артиллерии дифференцировались в зависимости от калибра орудий. Батальонные и полковые пушки в ходе артиллерийской подготовки должны были уничтожать заблаговременно разведанные огневые точки на переднем крае обороны противника, проделывать проходы в проволочных заграждениях, а затем в ходе наступления, двигаясь вместе с пехотой, подавлять все уцелевшие противотанковые орудия и пулеметы. На дивизионную артиллерию возлагалась задача проделывать проходы в минных полях, надолбас, срывать эскарпы ровов, подавлять систему огня противника на переднем крае и в его ближайшей глубине обороны. В специально выделенный период артподготовки она должна была участвовать в разрушении дотов и препятствовать их восстановлению. Дивизионной артиллерии надлежало также поддерживать наступление пехоты и танков методом огневого вала, прочесывая своим огнём промежуток между оборонительными рубежами.

Перед корпусной артиллерией стояла задача уничтожения артиллерии противника, его штабов, командных пунктов, тылов и надежного обеспечения наших флангов и стыков, а также поражения огневых средств финнов, фланкирующих боевые порядки советских войск.

Артиллерия разрушения (ору-

ские войска занимали выгодное стратегическое положение; левый фланг вражеской группировки охватывали с севера войска центра 1-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза И.С. Конев), а правый фланг с юга — войска 2-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский). На востоке действовали войска 4-го Украинского фронта (генерал армии А.И. Еременко). В состав трех фронтов входили 20 общевойсковых (в том числе 2-я армия Войска Польского, 1-я и 4-я румынские армии), 3 танковых и 3 воздушных армии, 1 конно-механизированная группа, 1-й Чехословацкий армейский корпус, 5-й отдельный танковый, 1-й механизированный и 1-й кавалерийский корпуса (2028 тыс. человек, 30 452 орудия и миномета, 1960 танков и САУ и 3014 боевых самолетов). Замысел советского командования заключался в том, чтобы нанести мощные удары по сходящимся направлениям на Прагу, окружить и расчленить основные силы вражеской группировки, освободить Прагу и отсесть группе армий «Центр» пути отхода на запад и юго-запад. При активной поддержке боевых дружин восставшей Праги советские войска 9 мая освободили столицу Чехословакии. 10 мая на всех направлениях продолжалось стремительное продвижение советских войск. Их действия активно поддерживали чехословацкие партизаны. В окружении оказалась почти вся вражеская группировка, только несколько дивизий группы армий «Австрия», действовавших на флангах группировки, прорвались в зону действия американских войск. Потеряв надежду прорваться на запад, немцы начали складывать оружие. Одновременно с ликвидацией окруженной группировки противника войска 1-го и 2-го Украинских фронтов продолжали продвижение на запад до встречи с 3-й американской армией, которая произошла 11 мая в полосе

1-го Украинского фронта. В ходе операции было пленено около 860 тыс. вражеских солдат и офицеров, в том числе 60 генералов. Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За освобождение Праги», свыше 50 соединений и частей получили почетное наименование «Пражские».

9 мая 1906 года родился Николай Васильевич Челноков, генерал-майор авиации (1949), дважды Герой Советского Союза (1942, 1944). Участвовал в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. В годы Великой Отечественной войны — командир эскадрильи 57-го штурмового авиационного полка ВВС Балтийского флота, затем командир 8-го гвардейского штурмового авиационного полка ВВС БФ. Совершил более 270 боевых вылетов, лично потопил несколько транспортов и кораблей противника. После войны состоял на командных и штабных должностях в авиации ВМФ. В 1945 году окончил Академические курсы при Военно-морской академии, в 1949-м — Военную Академию Генерального штаба. С 1954 года — в запасе. Умер 16 июля 1974 года.

12 мая 1916 года под Москвой в Филях основан завод акционерного общества Русско-Балтийского вагонного завода, в 1917 году получивший название 2-й автомобильный завод «Руссо-Балт». 29 января 1923 года Совет труда и обороны (СТО) принял решение о передаче завода в концессию фирме «Юнкерс» для организации производства цельнометаллических самолетов. 1 марта 1927 года концессия была ликвидирована, и на заводе началось строительство советских самолетов. В октябре 1941 года завод эвакуировался в Казань. 17 декабря 1941 года решением ГКО на оставшейся базе вновь был организован авиазавод (с 1961 г. — имени М.В. Хруничева). В 1993 году на базе этого завода и КБ «Салют» создан ГКНПЦ имени Хруничева.

дия большой мощности) нацеливалась исключительно на вскрытие и уничтожение дотов.

Огневое поражение противника артиллерией в день атаки планировалось на основе данных всех видов разведки. Артиллерийская подготовка атаки как бы завершила огневую деятельность в ходе предварительного разрушения целей. В 7-й армии ее продолжительность была установлена 2 ч 15 мин, а в 13-й — 3 ч. Артподготовка должна была представлять собой огневые налеты по объектам атаки и целям в глубине. Для введения противника в заблуждение в 7-й армии планировались два ложных переноса огня в глубину. Все разведанные цели требовалось сводить в узлы и подавлять их сосредоточенным огнем на площади 4—5 га (200 на 200 м или 250 на 200 м). Артиллерийская поддержка атаки была спланирована методом огневого вала на глубину от 1 до 2 км¹⁸.

В ОЙСКА Северо-Западного фронта перешли в наступление с утра 11 февраля 1940 года после мощной артиллерийской подготовки. Затем пехота и танки атаковали противника и под прикрытием огневого вала вклинились в его оборону. В первый день наступления артиллерия 7-й армии израсходовала 149 985 снарядов всех калибров, а 13-й армии — 80 тыс.¹⁹. По свидетельству финского подполковника И.О. Ханнулы, мощь артиллерийского огня была такова, что ее

«можно сравнить только с наибольшими артиллерийскими сражениями мировой войны»²⁰. Стрелковые окопы главной линии финской обороны были уничтожены во многих местах, пулеметные гнезда и блиндажи разрушены точными попаданиями. На участке прорыва противник понес большие потери в живой силе.

Наиболее успешно в первый день действовали подразделения 123-й стрелковой дивизии (командир Ф.Ф. Алабушев, начальник артиллерии М.П. Кутейников). Здесь пехота научилась не бояться своих снарядов: она дружно атаковала, прижимаясь к огневому валу. В результате ожесточенной 6-суточной борьбы была прорвана главная полоса финской обороны. Части Красной армии, прорывая промежуточные позиции, при поддержке артиллерии и авиации начали выходить ко второй полосе обороны.

Для лучшего обеспечения взаимодействия командиры артиллерийских дивизионов находились на командно-наблюдательных пунктах (КНП) батальонов, а командиры батарей — на КНП рот, передовые наблюдатели — командиры взводов управления батареями двигались вместе с атакующими подразделениями пехоты, некоторые из них следовали в танках. Разительные улучшения во взаимодействии пехоты и танков с артиллерией в полной мере ощутил на себе противник. «Русские теперь научились «оркестровке»

взаимодействия между различными родами войск. Это проявлялось, с одной стороны, в гибком согласовании артиллерийского огня с маневром пехоты, с другой — в большой точности огня...»²¹.

Однако не все недостатки в управлении артиллерией удалось устранить во втором периоде войны. Степень централизации управления в корпусах и дивизиях оставалась низкой, и в силу этого огонь артиллерии корпуса (дивизии) практически не массировался. Этот недостаток пришлось устранять уже в ходе Великой Отечественной войны.

28 февраля войска Красной армии возобновили наступление и вскоре прорвали вторую оборонительную полосу, вынудив противника начать отход по всему фронту. С 1 по 13 марта была прорвана последняя, тыловая оборонительная полоса «линии Маннергейма». При прорыве второй и третьей полос отмечался рост плотности артиллерии²² на участках прорыва дивизий до 135 и более орудий и минометов на 1 км. Были достигнуты успехи и на других участках фронта в Карелии и Заполярье. 13 марта военные действия были прекращены.

Таким образом, Советско-финляндская война 1939—1940 гг. показала, что решающая роль в прорыве долговременной укрепленной полосы принадлежит артиллерии, которая способна разрушать долговременные сооружения укрепленного района, нару-

ХРОНОГРАФ

13 мая 1946 года было принято Постановление Совета Министров СССР о создании Специального комитета по реактивной технике при СМ СССР под председательством Г.М. Маленкова. Созданы также главные управления по реактивной технике в ГАУ и ВМФ. В Госплане СССР создан аналогичный отдел. 16 мая в соответствии с этим решением на базе артиллерийского завода № 88 в подмосковном г. Калининграде (г. Королев) образован Государственный союзный головной научно-исследовательский институт № 88 (НИИ-88), из которого позже выделилось ОКБ-1 (С.П. Королев) с опытным заводом-88; здесь формировались научно-производственные коллективы, составившие костяк ведущих в отрасли НИИ, КБ, НПО. Из стен института вышли выдающиеся конструкторы, создавшие собственные школы: М.К. Янгель, В.Ф. Уткин, М.Ф. Решетнев, Д.И. Козлов, А.М. Исаев и другие.

14 мая 1956 года состоялось решение Правительства СССР сократить Вооруженные силы страны на 1,2 млн. человек.

15 мая 1936 года в Москве открыт Центральный музей В.И. Ленина.

17 мая 1935 года на базе Украинского военного округа создаются два военных округа: Киевский и Харьковский. В июле 1938 года КОВО постановлением Главного военного совета РККА был преобразован в Киевском Особый военный округ (КОВО). В нем были сформированы 4 армейские группы, преобразованные затем в 5, 6, 12-ю армии и армейскую кавалерийскую группу. В сентябре 1939 года из управления и войск КОВО был создан Украинский фронт, который участвовал в походе в Западную Украину, а летом 1940 года — в Бессарабию и

Северную Буковину. Ряд соединений и частей округа участвовали в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. С началом Великой Отечественной войны на базе КОВО был создан Юго-Западный фронт.

19 мая 1945 года в Москве состоялось торжественное собрание общевоинских организаций столицы, посвященное десятилетию со дня пуска первой очереди Московского метрополитена. На нем было отмечено, что метро сыграло огромную роль в период Великой Отечественной войны: оно было использовано для укрытия населения от варварских налетов фашистской авиации. Коллектив строителей метро не прекращал своей работы и в дни войны. К моменту десятилетия Московского метрополитена общая протяженность сети подземных дорог достигла 40 км.

20 мая 1906 года родился Александр Николаевич Комаровский, генерал армии (1972), Герой Социалистического Труда (1949), заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск (1963—1973), Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Умер 19 ноября 1973 года.

20 мая 1916 года родился Алексей Петрович Маресьев, летчик-испытатель, полковник (1978), Герой Советского Союза (1943), кандидат исторических наук (1956). На военной службе — с 1937 года. В годы Великой Отечественной войны — командир звена 580-го истребительного авиаполка. В марте 1942 года его самолет был подбит. Тяжелораненый летчик 18 суток ползком пробирался к фронту. После ампутации голени освоил протезы и снова стал летать. Всего совершил 86 вылетов и провел 26 воздушных боев, сбил 11 самолетов, в том числе 7 после ампутации. С 1956 года — на общественной работе. С 1983 года — первый заместитель председателя Комитета ветеранов войны (ныне ветеранов войны и военной службы). Умер 18 мая 2001 года.

шать его систему огня и тем самым открывать путь для наступления пехоты и танков в любых условиях боевой обстановки.

Выяснилось также, что на направлении главного удара необходимо создавать плотности в 110—150 орудий и минометов на 1 км участка прорыва (до Советско-финляндской войны считалось достаточным 50—100 орудий и минометов на 1 км участка прорыва), при этом значительное количество танков у наступающих войск не дает оснований снижать артиллерийскую плотность и сокращать продолжительность артиллерийской подготовки. Было признано, что основным методом артиллерийской поддержки атакующей пехоты является огневой вал, а в ходе боевых действий в зависимости от конкретно сложившейся обстановки необходимо уметь применять как централизованное, так и децентрализованное управление артиллерией.

Важно также отметить, что в ходе финской кампании приобрели бесценный опыт управления войсками известные советские военачальники-артиллеристы Л.А. Говоров, Н.Н. Воронов, К.А. Москаленко, А.К. Сивков, М.А. Парсегов, М.М. Барсуков. Этот опыт вскоре оказался востребованным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тайны и уроки «зимней войны», 1939—1940. СПб.: ООО «Издательство «Полигон»», 2002. С. 6, 7.

² «Линия Маннергейма» — система дол-

говременных укреплений на Карельском перешейке в 32 км от Ленинграда. Сооружена в 1927—1939 гг. финнами при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов. Названа по имени К. Маннергейма. Здесь было возведено 221 бетонное сооружение, из них 137 однопулеметных дотов, 13 двухпулеметных, 7 трехпулеметных, 8 артиллерийских дотов, 9 командных пунктов, 41 капонир и 6 убежищ для пехоты (по последним уточненным данным, общее число железобетонных сооружений, построенных финнами на Карельском перешейке, равнялось 214, из которых 134 были дотами), а также 410 деревоземляных сооружений, в том числе 606 дзотов и 804 блиндажа. Советские войска дважды прорывали «линию Маннергейма»: в советско-финляндскую войну 1939—1940 гг. и Великую Отечественную войну (1944). Впоследствии все ее сооружения были разрушены. См.: Советско-финляндская война 1939—1940. СПб.: ООО «Издательство «Полигон»», 2002. Том I. С. 133—134.

³ По определению советской военной разведки, «умный и ценный генерал». См.: Советско-финляндская война 1939—1940. СПб.: ООО «Полигон», 2002. Том I. С. 193.

⁴ «Имелись, — отметил Б.М. Шапошников, — отрывочные агентурные данные о бетонных полосах укреплений на Карельском перешейке, это были лишь общие данные». См.: Тайны и уроки «зимней войны», 1939—1940. С. 479.

⁵ Советско-финляндская война 1939—1940. Том I. С. 216—217.

⁶ Маннергейм К. Мемуары. М.: «Вагриус», 1999. С. 290.

⁷ Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983. С. 172.

⁸ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Воениздат, 1981. С. 45.

⁹ Создана 9 декабря 1939 г. в составе И.В. Сталина, наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова, наркома ВМФ флагамена флота 2 ранга Н.Г. Кузнецова и начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова.

¹⁰ Вот выдержка из одной из директив: «Наступление, особенно в тех районах, где противник имеет сеть построенных препятствий и засад, начинать 5—10-минутным интенсивным огнем не только минометов, но полковой, дивизионной и особенно гаубичной, а где возможно и 152-мм артиллерией. Вслед за огнем следует атака пехоты и танков и выдвигание их совместно с 45-мм и 76-мм полковой артиллерией и минометами и закрепление пехоты на новом рубеже». См.: Тайны и уроки «зимней войны», 1939—1940. С. 183.

¹¹ Мерецков К.А. Указ. соч. С. 171.

¹² Советско-финляндская война 1939—1940. Том I. С. 249.

¹³ Советско-финляндская война на механическую тягу начался с января 1940 г.

¹⁴ Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. С. 152.

¹⁵ Советско-финляндская война 1939—1940. Том I. С. 267.

¹⁶ Бои на Карельском перешейке убедили советских артиллеристов в том, что никакое количество попаданий в бетон не может явиться оценкой надлежащего разрушения дота, если это не подтверждено пленными или разведкой. Бывали случаи, когда вроде бы выведенный из строя дот в момент атаки начал действовать. Чтобы воспрепятствовать противнику восстановительные работы, артиллеристы вели непрерывное огневое наблюдение.

¹⁷ Отечественная артиллерия. 600 лет. М.: Воениздат, 1986. С. 178.

¹⁸ Советско-финляндская война 1939—1940. Том I. С. 269.

¹⁹ Там же. С. 274.

²⁰ Подполковник И.О. Ханнула. Некоторые выводы из решающих моментов боев на Карельском перешейке // Правда. 1940. 17 августа.

²¹ Маннергейм К. Указ. соч. С. 292.

²² Отечественная артиллерия. 600 лет. С. 180.

**Полковник запаса
Ю.Б. РИПЕНКО**

20 мая 1976 года учреждена медаль «Ветеран Вооруженных Сил СССР».

24(11) мая 1906 года родился Александр Александрович Вишневский, выдающийся хирург, генерал-полковник медицинской службы (1963), Герой Социалистического Труда (1966), академик АМН СССР (1957), заслуженный деятель науки РСФСР (1956). В годы Великой Отечественной войны находился в действующей армии, разработал и внедрил эффективные методы лечения огнестрельных ран. В 1953 году впервые в мире выполнил операцию на сердце. С 1948 года — директор Института хирургии им. А.В. Вишневского (своего отца) РАМН, одновременно с 1956 года — Главный хирург МО СССР. Лауреат Ленинской (1960) и Государственной (1970) премий. Умер 19 ноября 1975 года.

25 мая 1856 года в Санкт-Петербурге на Васильевском острове основан завод М.Е. Карра и М.Л. Макферсона (впоследствии Балтийский), одно из крупнейших судостроительных предприятий России. Здесь построены первый броненосный корабль русского флота (1862, канонерская лодка «Опыт») и первая в России боевая подводная лодка (1903, «Дельфин»). С 1885 года — казенный завод, находился в ведении Морского министерства.

26 мая 1945 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения».

28 мая 1976 года в Москве подписан договор между СССР и США о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

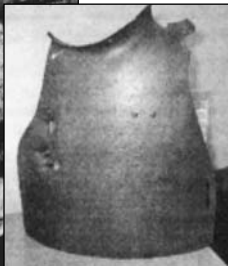
30 мая 1913 года между Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией, с одной стороны, и Турцией — с другой стороны, после 1-й Балканской войны в Лондоне был подписан мирный

договор. Следует отметить, что мирные переговоры между Турцией и балканскими странами шли одновременно с Лондонской конференцией послов великих держав, созданной по инициативе России в целях установления контроля за мирным урегулированием и новым территориально-политическим устройством на Балканах. С началом 2-й Балканской войны в июне 1913 года договор был аннулирован.

В мае 1942 года в Орловской области на базе ВВС 13-й и 40-й армий была сформирована 205-я истребительная авиационная дивизия в составе 17, 165 и 563-й истребительных авиационных полков и включенная во 2-ю воздушную армию Брянского фронта. Затем она участвовала в боях на Воронежском фронте, а с июля 1943 года и до конца войны находилась в составе 7-го истребительного авиационного корпуса, который входил в 5-ю воздушную армию, затем во 2-ю ВА. В октябре 1944 года 205-я истребительная авиационная дивизия была преобразована в 22-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию и вошла в состав 6-го гвардейского истребительного авиационного корпуса (бывший 7 иак). 17 летчиков были удостоены звания Героя Советского Союза. Дивизией командовали: подполковник, с 1 июля 1942 года полковник Е.Я. Савицкий (май—ноябрь 1942 г.); полковник Ю.А. Немцевич (ноябрь 1942 — апрель 1944 г.); полковник М.Г. Мачин (июнь—август 1944 г.); подполковник Л.И. Горегляд (апрель—июнь 1944 г. и август 1944 г. — до конца войны).

**Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ**

СТАЛЬНОЙ НАГРУДНИК РККА

Стальной нагрудник — экспонат музея

Фото из газеты «Смоленский атом»

Огнеметчики Войска Польского в бою за Костшин

ЧИТАТЕЛЬ нашего журнала из Польши Яцек Яворски, секретарь польского Военно-исторического общества, обратился в редакцию с просьбой помочь найти источники о стальных пуленепробиваемых нагрудниках, которые выдавались личному составу штурмовых инженерно-саперных подразделений Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Посетовав, что у себя на родине ни в Музее Армии, ни в Музее Сапера он не нашел никаких сведений об этих нагрудниках, господин Яворски просит сообщить, в каких войсках применялись «эти доспехи (кирасы), где их производили, какой у них был вес, как они были сконструированы». Чтобы было понятнее, о чем идет речь, г-н Яворски прислал также копию фотографии, на которой, по его словам, запечатлены польские саперы 6-го батальона (командир — майор Кофанов), входившего в 1-ю армию Войска Польского, в ходе боя за овладение гитлеровской крепостью Костшин на р. Одере. На фотографии хорошо видно, что, по крайней мере, один из солдат одет в стальной нагрудник.

Пока редакция пыталась найти необходимую нашему зарубежному читателю информацию об этом прародителе

современного бронежилета, поступило письмо из г. Десногорска Смоленской области от В.К. Шишулина, который обнаружил такой нагрудник в городском краеведческом музее. Пробитый пулями и осколками, вряд ли он уберег в бою своего хозяина, однако в качестве музейного экспоната, зарегистрированного в инвентарной книге выставочного зала как «Стальной нагрудник РККА», панцирь пользуется особым вниманием посетителей. Дело в том, что об этом нагруднике, который, кстати, не получил особого признания в войсках, сведений практически не сохранилось не только в Польше, но и в России, и экспонат в Десногорском музее, прямо скажем, большая редкость. Как он туда попал?

Судя по исследованиям, проведенным В.К. Шишулиным и опубликованным в газете «Смоленский атом», первые роты «панцирников», как называли солдат, одетых в эти нагрудники, были сформированы в 1943 году, и уже в одной из дивизий, воевавшей на Смоленщине, имелась панцирная рота, одетая в такие противопульные доспехи. В частности, в освобождении Духовщины в сентябре 1943 года принимала участие 4-я штурмовая инженерно-саперная бригада под командованием подполковника

Матузаса. Противник создал там мощные оборонительные рубежи, и все лето шли жестокие бои. На участке Тетерино — Моецкое проходила вторая линия вражеской обороны. Здесь наступала 134-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Е.В. Добровольский. Возможно, в этой дивизии или в 4-й штурмовой инженерно-саперной бригаде и была рота «панцирников», так как стальной нагрудник, экспонирующийся в краеведческом музее, в сентябре 1998 года около деревни Моецкое Духовщинского района Смоленской области нашла Евгения Ивановна Пришлецова — ныне начальник отдела СМИ центра информации и связей с общественностью Смоленской АЭС.

О том, как воевалось солдатам в подобных доспехах, можно судить по воспоминаниям командира первой панцирной роты А.А. Черкашина, отрывок из которых цитирует В.К. Шишулин: «Помню, как ворвался в немецкую траншею. Началась рукопашная. Никогда не забуду лица фашистского автоматчика: вжавшись в стенку траншеи, он лупит по мне из шмайсера с дуэльной дистанции, а пули отскакивают. Три пули ударили в панцирь. Швырнуло назад так, что едва устоял на ногах. Немец видит русского «супермена», которого пули не берут, бросает автомат и задирает кверху руки. А глаза за стеклами очков полны такого нечеловеческого ужаса, что, надо думать, свихнулся. Я даже стрелять по нему не стал, перепрыгнул — и дальше. Только после боя заметил, что одна из пуль прошла правое предплечье. Жаль, ни в одном музее страны нет такого панциря, который спас мне жизнь».

Оказывается, теперь такой музей есть. И низкий поклон вам, дорогие друзья, что вы сумели сохранить даже эту малую реликвию Великой Отечественной войны.

А.В. ОСТРОВСКИЙ

«ВЕЛИКИЙ ПЕТР РЕШИЛ... СОЗДАТЬ СВОЮ РУССКУЮ БОЛЬНИЦУ»

НАЧАЛО российскому государственному здравоохранению было положено Указом Петра I от 25 мая (5 июня) 1706 года, которым повелевалось «построить за рекою Яузою против Немецкой слободы в пристойном месте госпиталь для лечения болящих людей. А у того лечения быть доктору Николаю Бидлоо... Да для аптекарской науки набрать 50 человек». С этого дня и началась долгая и яркая жизнь Главного военного клинического госпиталя (ГВКГ) имени академика Н.Н. Бурденко. Своих первых пациентов он принял 21 ноября (2 декабря) 1707 года. Первоначально госпиталь размещался в двухэтажном деревянном здании на берегу Яузы. Его организатором и первым пожизненным руководителем был лейб-медик Н.Л. Бидлоо, сыгравший большую роль в становлении и развитии отечественной медицины.

Строительство первого каменного здания госпиталя, которое существует и поныне, было завершено в 1756 году. В 1802 году по проекту И.В. Еготова были возведены еще четыре корпуса. С 1755 года госпиталь перешел в подчинение Военной коллегии. В Отечественную войну 1812 года госпиталь принял более 17 тыс. раненых и больных, во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. — около 16 тыс., за 3 года Первой мировой — более 376 тыс. человек.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года была проведена коренная перестройка работы госпиталя — он стал экспериментальной базой Главного военно-санитарного управления РККА.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. госпиталь внес значительный вклад в лечение раненых и больных, в разработку и совершенствование методов оказания медицинской помощи и лечения при различных видах боевых травм. Получила развитие восстановительная хирургия. Около 84 проц. лечившихся воинов были возвращены в строй.

За 300 лет своего существования это лечебное учреждение носило разные наименования: Московский госпиталь (1707), Московский Генеральный сухопутный госпиталь (1756), Московский военный госпиталь (1801), Московский Генеральный императора Петра I военный госпиталь (1907), Первый Московский Коммунистический военный госпиталь (1918), Главный военный госпиталь Красной Армии (1944), Главный военный госпиталь ВС СССР (1946). В 1946 году госпиталь было присвоено имя академика Н.Н. Бурденко, с 1967-го он имеет современное название. Коллектив госпиталя награжден орденом Трудового Красного Знамени (1968) и орденом Ленина (1982).

Менялись названия, но главное оставалось неизменным — высокий профессионализм врачей, медицинских сестер, фельдшеров, лаборантов, проявляемый ими в борьбе за здоровье защитников Отечества. Благодаря их трудам Главный военный клинический госпиталь страны и сегодня является крупнейшим многопрофильным лечебным учреждением.

ОСНОВЫВАЯ триста лет назад госпиталь, Петр I высказал желание, чтобы в нем можно было лечить всех «болящих людей». До того же, как указывалось в «Московском листке» от 18 ноября 1907 года, «все на Руси — от холопа до думного боярина включительно — лечились только у знахарей, а назежавшие временами иностранные врачи пользовались некоторым вниманием только при царском дворе, да и тут к ним относились большей частью с недоверием и подозрительностью... Сознывая, что подобное отношение к заморским врачам явилось результатом не только недоверия темных масс к наукам, но и следствием иностранного происхождения врачей, Великий Петр решил возможно скорее создать свою русскую больницу, которая была бы не только местом врачевания, но и первой школой для русских врачей». Сегодня можно смело утверждать — желание Петра I выполнено.

Главному военному клиническому госпиталю имени академика Н.Н. Бурденко исполняется 300 лет

Говорить о вкладе Главного военного клинического госпиталя в становление и развитие отечественной медицины, значит, говорить о людях, чьим неустанным трудом «искусство врачевания» в России год от года росло и совершенствовалось. А начало этому процессу было положено Николаем Ламбертовичем Бидлоо, лейб-медиком Петра I, первым врачом госпиталя и директором созданной одновременно с ним медицинской школы, написавшем в 1710 году первый отечественный учебник по медицине «Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре». «Наставление» имело 129 глав, о научном и практическом значении которых говорят их названия:

«Об операциях на конечностях», «Об ампутации предплечья», «Об операциях и перевязывании переломов во всем теле» и т.п.

Примечательно, что все четверо первых выпускников госпитальной школы — Степан Блаженев, Иван Беляев, Егор Жуков, Иван Орлов — были направлены на Балтийский флот. Тем самым зарождение отечественной системы медицинского образования совпало с началом становления системы подготовки военных врачей.

Историческое значение личности Н.Л. Бидлоо состоит также и в том, что, изначально объединив процессы лечения и обучения, он фактически заложил основы клинической медицины в современном ее понимании.

В 1738 году, после кончины Н.Л. Бидлоо, указом императрицы Анны Иоанновны главным доктором госпиталя и директором госпитальной школы был назначен Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост, который еще в

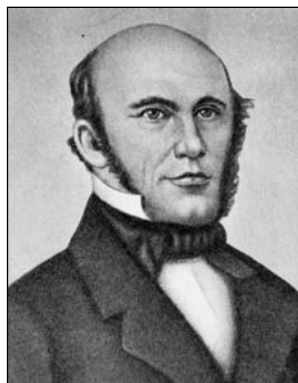
Н.Л. Бидлоо

М.Я. Мудров

Н.И. Пирогов

С.П. Боткин

бытность лейб-медиком Петра I подготовил проект создания Российской академии наук, а после ее образования в 1725 году был избран первым ее президентом. Блюментрост также подготовил проект создания Московского университета, ставшем затем частью проекта Ломоносова-Шувалова, и был его первым куратором.

Павел Захарович Кондоиди, лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны, способствовал организации первой в России медицинской библиотеки. Он предложил разумные изменения в преподавании и структуре медицинских школ, ввел научно-врачебные собрания (прообраз нынешних медицинских конференций), разработал русскую нomenclатуру болезней, организовал делопроизводство Медицинской канцелярии на русском языке. В 1754 году П.З. Кондоиди провел через Синод решение о комплектовании госпитальной школы грамотными и способными людьми, а через Правительствующий Сенат — постановление, разрешающее вскрытие трупов в госпиталях, что способствовало организации в России прозекторского дела.

Стараясь сделать все, чтобы медицину в России начали представлять «природные россияне», П.З. Кондоиди добился, чтобы в 1756 году выпускнику госпитальной школы Н.Г. Ножевщикову, который впервые выделил сибирскую язву как отдельную болезнь, было присвоено звание «главного лекаря».

В этой связи следует подчеркнуть, что первым истинно русским профессором медицины стал Константин Иванович Щепин, начавший работать в госпитале в 1762 году. Его познания в области анатомии, физиологии и

хирургии были столь значительны, что в последующем это дало основание В.А. Оппелю назвать К.И. Щепина «предтечей Н.И. Пирогова».

К.И. Щепин первым в России начал преподавать медицину на русском языке. Важно, что в 1764 году преподавание медицины на русском языке было введено официально. Особое значение этому факту придает то обстоятельство, что именно в этом году в Московском университете был открыт медицинский факультет.

РАССМАТРИВАЯ вклад госпиталя в развитие медицины середины и конца XVIII века, необходимо вспомнить также таких ученых, как П.И. Погорецкий, К.О. Ягельский, А.Ф. Шафонский, Г.М. Орреус, Д.С. Самойлович, заложивших основы отечественной эпидемиологии.

О Касьяне Осиповиче Ягельском, профессоре госпитальной школы в 1767—1775 гг., известно, что во время эпидемии чумы в Москве в 1770—1772 гг. именно он выявил очаг этой инфекции. Афанасий Филимонович Шафонский, главный доктор госпиталя в 1769—1776 гг., возглавлявший медицинскую комиссию по борьбе с этой эпидемией в 1775 году, издал первое руководство на русском языке — «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений».

Густав Максиминович Орреус во время Русско-турецкой войны 1768—1774, являясь генерал-штаб-доктором в армии генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева, в ходе кампании 1770 года впервые организовал санитарно-эпидемиологическую разведку района боевых действий и разрабо-

тал систему противочумных мероприятий, которые позволили предотвратить развитие эпидемии в войсках и сохранить их боеспособность. На период эпидемии чумы в Москве он был прикомандирован к госпиталю.

Вклад Г.М. Орреуса в создание научных основ отечественной эпидемиологии наиболее полно представлен в его труде «*Descriptio pestis quae Anno MDCCLXX in lassia et MDCCLXXI in Moscva grassata est*» («Описание чумы, свирепствовавшей в 1770 г. в Яссах и в 1771 г. в Москве»).

Яркий след в истории отечественной медицины оставил штаб-лекарь госпиталя (1771—1776) Даниил Самойлович Самойлович, включенный во время упоминавшейся эпидемии чумы в Москве в состав комиссии, возглавляемой А.Ф. Шафонским.

Всемирную известность Д.С. Самойловичу принесли работы в области эпидемиологии. В частности, он стал одним из первых представителей естественнонаучного подхода к изучению больного и болезни и, отвергая миазматическую теорию происхождения чумы, настаивал на том, что эта болезнь распространяется посредством живого возбудителя. Он же первым в мире предложил противочумные прививки.

Достижения госпиталя в лечении раненых и больных, а также в деле подготовки врачей «из природных россиян» способствовали тому, что в 1786 году госпитальная школа была превращена в медико-хирургическое училище, которое получило право присваивать врачам ученую степень доктора медицины. Между прочим, медицинский факультет Московского университета получил это право только в 1791 году. В 1799 году училище было преоб-

Н.Н. Бурденко

Н.А. Богораз

А.А. Вишневский

А.М. Крупчинский

разовано в Московскую медико-хирургическую академию.

Надо отметить, что в 1793 году выпускник госпитальной школы Иван Иванович Виенн, будучи ученым секретарем Медицинской коллегии, организовал выпуск первого русского медицинского журнала «Записки российских врачей».

Немало сделано для развития отечественной медицины Ефремом Осиповичем Мухиным. Совмещая работу в госпитале с преподаванием в Московской медико-хирургической академии, Е.О. Мухин много работал над проблемой рефлекторной теории, став основоположником нейрофизиологии и нервизма, а также реаниматологии. Им был заложен фундамент отечественной ортопедии и травматологии. Значителен вклад Е.О. Мухина в создание основ отечественной топографической анатомии и оперативной хирургии. Он впервые начал использовать метод препаровки на замороженных трупах, разработал русскую анатомическую терминологию. В 1812 году, перед самой войной, Е.О. Мухин выпустил «Курс анатомии» — первый учебник анатомии, написанный русским ученым на русском языке. Несомненно, внимания заслуживает также тот факт, что именно Е.О. Мухин оказал решающее влияние на выбор Н.И. Пироговым профессии врача.

НАЧАЛО второго века от основания госпиталя ознаменовалось разработкой в нем скорбных листов, всем известных как история болезни. В начале 1806 года для решения вопроса о производстве в доктора кандидатов хирургии (так назывались лица, заканчивающие обучение в академии), прохо-

дивших в Главном госпитале практику, Медицинская экспедиция Военного министерства запросила палатные книги на больных. В ответе на запрос главный доктор госпиталя И.М. Минднер сообщил, что, поскольку в палатных книгах невозможно отразить многие важные стороны лечения, параллельно с ними на каждого больного ведется отдельный скорбный лист. К тому же, следить за больными и за работой практикантов по скорбным листам удобнее, чем по палатным книгам. Ознакомившись с нововведением, главный инспектор медицинской части по военно-сухопутному департаменту Яков Васильевич Виллие заказал 20 тыс. этих листов и разослал их по госпиталям. Главный госпиталь как автор нововведения получил 4000 экземпляров. Начинание всюду было встречено с одобрением, и вскоре скорбные листы получили повсеместное распространение.

Большую роль госпиталь сыграл и в Отечественной войне 1812 года. После Бородинского сражения в нем было 2000 раненых и больных, а в филиале, развернутом в Головинском дворце — 7000. Когда после совета в Филях было решено оставить Москву, всех их удалось эвакуировать. Медицинский персонал госпиталя составил костяк коллективов временных госпиталей в Касимове, Елатье и Меленках, ставших прообразом госпитальной базы фронта. За время военной кампании 1812 года медицинскую помощь в этих госпиталях получили свыше 30 тыс. раненых и больных.

В 1814 году решением Медицинского департамента, учрежденного в 1812 году взамен Медицинской экспедиции Военно-

го министерства, в госпитале была создана первая в России военно-фельдшерская школа, что продолжило традицию подготовки медицинских кадров для армии и флота. В том же году главным доктором госпиталя назначается Христиан Иванович Лодер, руководивший в 1812 году Касимовской группировкой госпиталей. За те три года, что он возглавлял Главный госпиталь, им были впервые сформулированы и реализованы на практике идеи, остающиеся основополагающими в медицине и сегодня: дежурный лекарь должен первым «отведывать кушанья»; еженедельно должны проводиться врачебные конференции; для операций должна быть выделена особая палата, т.е. впервые создавалась операционная как отдельное помещение.

В 1829 году шефство над Главным госпиталем было возложено на московского генерал-губернатора, а в следующем году госпиталь посетил Николай I. Ознакомившись с возникающими в ходе лечебного процесса проблемами, император повелел начать работу по сокращению количества инстанций, контролирующей деятельность стационарных лечебных учреждений.

С 1834 по 1838 год главным доктором госпиталя являлся лейб-медик Иван Богданович Шлегель. После назначения президентом Петербургской медико-хирургической академии он учредил в ней кафедры сравнительной анатомии и физиологии, госпитальной хирургической клиники и психиатрии, госпитальной хирургии с патологической и хирургической анатомией, акушерской и детской клиники, а также основал сверхштатную кафедру общей

патологии, общей терапии и врачебной диагностики.

Приемником И.Б. Шлегеля на посту руководителя Главного госпиталя стал бывший ректор Виленского университета, выдающийся деятель отечественной медицины Венцеслав Венцеславович Пеликан. Московский госпиталь под его управлением превратился в большую клинику для молодых врачей и студентов старших курсов медицинского факультета Московского университета. После 8-летней службы в Московском госпитале В.В. Пеликан был назначен директором Медицинского департамента Военного министерства, затем, по совместительству, и президентом Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В.В. Пеликан стал инициатором создания военно-медицинских библиотек, прикомандирования молодых врачей к клиникам, а также их отправления за границу для усовершенствования.

К числу ученых, прославивших Главный госпиталь, относится также и Алексей Степанович Севрюк, профессор Московского университета, о котором известно, что он был не только прекрасным хирургом, но и автором многочисленных трудов по патологической анатомии, в том числе по патологической анатомии холеры. Кстати, большой вклад в изучение холеры внес и ординатор Главного госпиталя Алексей Иванович Полуниин. Примечательно, что его диссертация на степень доктора медицины (1848), посвященная холере, стала одной из первых диссертаций, написанных на русском языке, а не на латыни, как было принято ранее. Им же впервые в России было предложено внутривенное вливание солевого раствора холерным больным. А.И. Полуниин в течение ряда лет являлся сначала секретарем, а затем президентом Московского физико-медицинского общества. С 1851 года на протяжении 8 лет он издавал на свои средства «Московский врачебный журнал». А.И. Полуниин был учителем таких выдающихся ученых, как Г.А. Захарьин, С.П. Боткин, И.М. Сеченов.

Главный госпиталь по праву гордится тем, что в его стенах работал и такой крупный физиолог и анатом как Иван Тимофеевич Глебов, руководителем дис-

сертации которого в Московской медико-хирургической академии, работавшей на клинической базе госпиталя, был Е.О. Мухин. С 1840 по 1845 год И.Т. Глебов был профессором этой академии, а после ее закрытия, с 1845 по 1854 год, являлся ординатором госпиталя и одновременно профессором кафедры сравнительной анатомии и физиологии Московского университета.

В 1848—1858 гг. ординатором госпиталя был Василий Александрович Басов, впоследствии выдающийся русский хирург и физиолог. Он первым в России произвел две операции горлосечения (трахеотомии), чем спас от смерти двух человек. В.А. Басовым в 1843 году, в первом номере журнала «Записки по части врачебных наук», издававшемся непродолжительное время в Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, был опубликован материал о первом в России опыте применения гипса для лечения переломов длинных трубчатых костей. Не исключено, что эти данные в дальнейшем учел Н.И. Пирогов при создании своей знаменитой гипсовой иммобилизирующей повязки.

Сам же всемирно известный хирург Николай Иванович Пирогов неоднократно бывал в госпитале в 1847—1849 гг., где обучал врачей технике выполнения операций под наркозом хлороформом, эфиром и бензином, применяя при этом сконструированные им маску и прибор для введения эфира в прямую кишку. Здесь Н.И. Пирогов лично выполнил две операции по отнятию голени и удалению камня мочевого пузыря. Еще 11 операций под его руководством провели врачи госпиталя.

Следует напомнить, что Н.И. Пирогов явился и основоположником стрессинского дела во время Крымской войны 1853—1856 гг., а в 1860 году, поддерживая это начинание, главный врач госпиталя Антип Федорович Пальцев подал ходатайство о введении сестер милосердия в штат Главного госпиталя, который стал одним из первых стационарных лечебных учреждений, где было разрешено в пробном порядке допустить сестер милосердия к уходу за больными. О том, какой успех имело это начинание, свидетельствует тот факт, что в нояб-

ре 1871 года военный министр утвердил «Правила для сестер милосердия, назначенных для работы в военных госпиталях».

О преемнике А.Ф. Пальцева Оресте Ивановиче Рудинском, замечательном хирурге и администраторе, известно, что во время Крымской войны по рекомендации В.В. Пеликана он был направлен из Главного госпиталя в действующую армию на должность хирурга Южной армии. В осажденном Севастополе О.И. Рудинский стал ближайшим помощником Н.И. Пирогова, после отъезда которого с театра военных действий, оставшись его заместителем, выполнил, в частности, четыре экзартикуляции бедра, что в то время было доступно очень немногим хирургам. После войны, будучи главным врачом Главного госпиталя (1860—1869), О.И. Рудинский опубликовал такие важные работы, как «Первоначальное понятие об устройстве человеческого тела» (1860), «Малая хирургия и учение о повязках с кратким изложением обязанностей фельдшеров и цирюльников 2-го комплекта» (1864). В 1861 году он стал одним из организаторов Общества русских врачей в Москве, а в дальнейшем — начальником Главного военно-медицинского управления.

В 1880—1893 гг. консультантом-хирургом Главного госпиталя являлся выдающийся русский хирург Николай Васильевич Склифосовский.

Свидетельством вклада Главного госпиталя в развитие отечественной медицины XIX века являются многочисленные научные труды. Наиболее значительные из них — это работы Ф.А. Гильтебрандта «О средствах сберечь глаза и зрение до самой глубокой старости» (1807), «Начальные основания всеобщей патологии» (1808); В.В. Пеликана «Замечания о водобоязни» (1839); П.Т. Склифосовского «О хлороформном, эфирном и других наркозах» (1896) и многие другие. Интересно, что работа сотрудника госпиталя И.Ф. Котовича «X-лучи Рентгена и применение их в медицине» была опубликована в 1897 году, т.е. всего через два года после их открытия.

О роли Главного госпиталя в отечественной медицине XIX века, говорят также следующие факты.

В 1839 году в госпитале открылось глазное отделение, в 1850-м — водолечебница, в 1886-м — первая в Москве «гидрофобическая станция», в 1887-м — клиническая и бактериологическая лаборатории, а в 1899 году — рентгеновский кабинет с индукторным аппаратом.

В этот период в Главном госпитале имелось 22 отделения, в том числе одно офицерское, три терапевтических, четыре венерологических, глазное, два для сыпных и рожистых больных, одно нервное, по одному для выздоравливающих, ревматическое, тифозное, два хирургических, два психиатрических и два женских.

Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. госпиталь в очередной раз стал одним из основных центров оказания медицинской помощи. Всего за эти годы через него прошло около 55 тыс. больных и раненых, причем более 16 тыс. — доставленных непосредственно с театра военных действий. За самоотверженный труд по их спасению медалями Красного Креста наградили 116 сотрудников. Одним из наиболее значительных трудов, вышедших из стен госпиталя в этот период, является работа А.И. Озерецковского «О душевных заболеваниях в связи с русско-японской войной за первый и второй год войны», напечатанная в ряде номеров «Военно-медицинского журнала» за 1905—1906 гг.

Надо сказать, что 100-летний юбилей госпиталя не праздновался, однако 200-летие предполагалось отметить весьма широко, при этом праздновать планировалось не дату основания — 25 мая 1706 года, а дату открытия — 21 ноября 1707 года.

Старшим ординатором госпиталя Александром Николаевичем Алелековым к юбилею была издана книга «История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России. К 200-летию его юбилею 1707—1907 гг.», которая и поныне считается одной из наиболее весомых работ по истории отечественной медицины вообще и военной медицины в частности.

Император Николай II за заслуги госпиталя перед Отечеством и отдавая дань его великому основателю Петру I указом от 14 октября (по старому стилю) 1907 года присвоил ему почетное на-

именование «Московский Генеральный Императора Петра I военный госпиталь». Название это просуществовало до 30 декабря 1918 года: новые власти переименовали его в Первый Московский Коммунистический военный госпиталь. В марте 1919 года в его стенах была открыта Высшая медицинская школа для подготовки военных врачей. При этом собственно госпиталю пришлось изрядно потесниться, особенно с учетом размещения теоретических кафедр школы. В 1928—1930 гг. были построены два новых хирургических корпуса, лечебные и диагностические отделения были оснащены новейшей по тому времени аппаратурой. Заместитель наркома здравоохранения и одновременно начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии Зиновий Петрович Соловьев, принявший самое деятельное участие в создании школы, возглавил в ней кафедру социальной гигиены, впервые выделив эту дисциплину в самостоятельную науку. В 1924 году, осуществив пять выпусков военных врачей, школа слилась со 2-м Московским университетом.

В ПРЕДВОЕННЫЕ годы существованию оживлению научной работы в госпитале способствовало приглашение на должности консультантов таких виднейших представителей советской медицины, как М.М. Дитерихс, В.И. Воячек, Н.С. Молчанов, Н.Н. Бурденко, М.С. Вовси, С.С. Юдин, В.К. Хорошко, П.Г. Мезерницкий, Б.А. Егоров, В.А. Внуков, А.П. Иордан, М.П. Киреев, В.Я. Илькевич, О.И. Сокольников. С их приходом в госпитале начали активно применяться самые современные для того времени методы диагностики и лечения.

Профессором Михаилом Михайловичем Дитерихсом за годы работы в госпитале (1930—1940) была создана знаменитая транспортная шина («шина Дитерихса»). Ее применение во время Советско-финляндской, а затем и Великой Отечественной войн позволило спасти значительное число раненых. Важно, что она не потеряла своего значения и до настоящего времени.

А.А. Гусевым созданы хирургические укладки инструментов — операционные (большая и малая), перевязочные (большая и малая). С.С. Головин и

Д.А. Сивцев создали знаменитую таблицу для определения остроты зрения.

В 1939 году по инициативе консультанта-хирурга Николая Ниловича Бурденко был издан сборник трудов врачей госпиталя, который оказался востребован широким кругом военных медиков. Подобную работу провел Н.Н. Бурденко и в годы Великой Отечественной войны. Будучи главным хирургом Красной армии, он настоял на том, чтобы опыт организации медицинской помощи раненым и больным регулярно анализировался, обобщался, пропагандировался и публиковался. За годы войны было выпущено более 400 таких сборников.

Наряду с Н.Н. Бурденко весьма существенное влияние на уровень лечебно-диагностической и научно-методической работы в годы войны оказали также консультанты госпиталя, выдающиеся ученые Георгий Федорович Ланг, Владимир Николаевич Шамов, Владимир Семенович Левит. Большое внимание в этот период уделялось вопросам восстановительной хирургии, в которой нуждались поступающие в госпиталь раненые. Этой работой руководил известный хирург профессор Николай Алексеевич Богораз — один из основоположников восстановительной медицины в нашей стране.

Уже на 4-й день Великой Отечественной войны в госпиталь начали поступать раненые. В октябре 1941 года госпиталь был эвакуирован в г. Горький (Нижний Новгород), а в марте 1943 года возвращен в Москву. Практически всю войну, а также первые послевоенные годы госпиталем руководил бригадный врач, с 1943 года генерал-майор медицинской службы А.М. Крупчинский.

Еще в годы войны госпиталь менял название и с 1944 года стал именоваться Главным военным госпиталем Красной армии. В 1946 году в госпитале состоялась научная медицинская сессия, посвященная обобщению опыта лечения раненых и больных в годы Великой Отечественной войны, к организации которой непосредственное отношение имел замечательный советский хирург А.А. Вишневецкий, пять месяцев бывший заместителем начальника госпиталя по научно-лечебной части. Было за-

слушано 57 докладов, вошедших в 5-й сборник, изданный в 1947 году. Работы, включенные в этот сборник, стали в определенной степени данью памяти Николая Ниловича Бурденко — выдающегося ученого-хирурга, главного хирурга Красной армии в годы Великой Отечественной войны, генерал-полковника медицинской службы, академика Академии наук СССР, основателя и первого президента Академии медицинских наук СССР.

В 1949 году вышел в свет 6-й выпуск трудов Главного военного госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко. К числу наиболее заметных работ этого сборника относятся статьи А.М. Крупчинского «Старейший русский госпиталь», В.М. Банщикова «Научная деятельность Главного военного госпиталя им. акад. Н.Н. Бурденко за 175 лет», Р.Д. Штерна «Анатомический театр и прозектура Главного военного госпиталя им. акад. Н.Н. Бурденко за 240 лет (Краткий исторический очерк)», Н.В. Дунашева «К вопросу о проникающих ранениях грудной клетки (по опыту Великой Отечественной войны)» и ряд других.

В послевоенный период в госпитале работали такие известные специалисты, как: профессор, генерал-майор медицинской службы Федор Федорович Березкин; профессор, генерал-майор медицинской службы Мильтиад Иванович Теодори; профессор, генерал-майор медицинской службы Михаил Владимирович Шеляховский; профессор, лауреат Государственной премии СССР, полковник медицинской службы Игорь Владимирович Мартынов; профессор, лауреат Государственных премий СССР и РФ, генерал-майор медицинской службы Павел Георгиевич Брюсов; профессор, генерал-майор медицинской службы Евгений Евгеньевич Гогин; профессор, академик РАМН, генерал-майор медицинской службы Владимир Трофимович Ивашкин; лауреаты Государственной премии СССР: Н.А. Богораз, В.А. Панков, И.В. Тихомиров, П.З. Аржанцев, В.А. Белов. Большой вклад в совершенствование системы оказания медицинской помощи раненым и больным военнослужащим внесли Б.В. Коняев, А.С. Гаврилов, В.А. Светляков, А.И. Хазанов,

М.М. Филиппов, С.С. Филатов, М.Ф. Гулякин, Г.К. Алексеев.

Свидетельством того, что и в послевоенный период своей истории ГВКГ имени академика Н.Н. Бурденко продолжал оставаться одним из ведущих лечебных и научных учреждений страны, говорит тот факт, что в 1948—1983 гг. его врачами опубликовано свыше 2000 научных работ, защищено 11 докторских и 52 кандидатские диссертации.

В НАСТОЯЩЕЕ время Главный военный клинический госпиталь имени академика Н.Н. Бурденко — это мощное многопрофильное лечебное учреждение, оснащенное по последнему слову техники и оказывающее практически все виды специализированной помощи. В нем ежегодно лечатся более 22 тыс. больных и раненых, причем около 40 проц. из них составляют переведенные сюда из госпиталей округов и флотов Министерства обороны и других силовых ведомств.

Госпиталь официально аккредитован в качестве научной организации. В нем более 130 лечебно-диагностических отделений и лабораторий, многие из которых объединены в крупные профилированные центры, летающая операционно-реанимационная лаборатория «Скальпель» на базе самолета ИЛ-76, поликлиника с дневным стационаром. Высококвалифицированные врачи, восемь из которых являются главными медицинскими специалистами Министерства обороны Российской Федерации, оказывают специализированную и круглосуточную неотложную помощь по всему профилю клинической патологии.

На протяжении 300 лет госпиталь находится на одном изначально определенном месте, размещается в зданиях — архитектурных памятниках.

За период с 1999 по 2005 год в госпитале завершены 452 научно-исследовательские работы, получено 53 патента на изобретения, внедрено 154 рационализаторских предложения, опубликовано 3325 научных работ, на различных научных форумах сделано 1349 докладов, а также организовано и проведено 67 научно-практических конференций и 27 сборов специалистов. Кроме того, сотрудниками подготовле-

но и на собственной полиграфической базе госпиталя издано 117 методических пособий, 14 руководств, 37 монографий и 32 сборника научно-практических конференций.

Большинство научных исследований, проводимых в госпитале, имеют прикладную научно-медицинскую направленность.

На клинической базе госпиталя развернуты и функционируют медицинское училище, интернатура и 10 кафедр Государственного института усовершенствования врачей Министерства обороны России, 30—40 проц. профессорско-преподавательского состава которых составляют сотрудники ГВКГ. Кроме того, в стенах госпиталя развернуты две кафедры (военно-полевой терапии и военно-полевой хирургии) Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова, профессорско-преподавательский состав которых — сотрудники ГВКГ.

Значительный научный потенциал госпиталя и его заслуги перед отечественной медициной способствовали тому, что в 1999 году в порядке исключения ВАК России открыл при Главном госпитале диссертационный совет.

К началу 2000 года ГВКГ имени Н.Н. Бурденко наряду с выполнением своей основной функции головного лечебного учреждения стал планомерно разрабатывать и издавать медицинскую литературу в интересах всей военно-медицинской службы, что способствовало закреплению его роли в качестве методического центра Вооруженных сил по лечебно-профилактическим вопросам.

За прошедшие 300 лет медицинскую помощь в госпитале получили более 4 млн. человек. При этом особое уважения заслуживает вклад госпиталя в становление и развитие отечественной государственной, прежде всего военной медицины. Главный госпиталь ныне, как и прежде, продолжает оставаться образцом научно-производственного и лечебного учреждения.

*Генерал-майор
медицинской службы
В.М. КЛЮЖЕВ;
полковник
медицинской службы
П.В. ИПАТОВ;
полковник
медицинской службы
С.Л. ДЕНИСОВ*

ПАМЯТНЫЙ ПЕРЕЛЕТ ЧЕРЕЗ ДВА ОКЕАНА ИЗ РИГИ В ЛИМУ В 1970 ГОДУ

1 ИЮНЯ 2006 года отечественной Военно-транспортной авиации (ВТА) исполняется 75 лет. За эти годы она прошла большой путь от первого воздушно-десантного отряда на поршневых самолетах ТБ-1 и Р-5, сформированного в Ленинградском военном округе в 1931 году, до крупнейшего авиационного объединения, включавшего в себя несколько военно-транспортных авиационных дивизий (втад) и отдельных военно-транспортных авиационных полков (втап), вооруженных самолетами АН-12, АН-22, ИЛ-76, АН-124. 1 мая 1998 года ВТА была преобразована в Воздушную армию Верховного Главного Командования (Военно-транспортную авиацию), предназначенную для выполнения двух основных задач: выброски воздушных десантов и перевозки личного состава, боевой техники и грузов.

Однако ВТА применялась и применяется не только в военных целях. Она незаменима в мирное время при возникновении чрезвычайных ситуаций, а также в случае срочных перевозок различных народнохозяйственных грузов.

Так, летом 1970 года 9 экипажей 339-го втап на самолетах АН-12 и 5 экипажей 12-го втад на самолетах АН-22 во главе с командиром 3-й гвардейской втад генерал-майором авиации Н.Ф. Зайцевым, выполняя решение советского правительства об оказании гуманитарной помощи народу Перу, пострадавшему от сильного землетрясения, доставили в район бедствия оборудование полевого госпиталя, звено вертолетов МИ-8 и другой необходимый пострадавшим груз общим весом свыше 350 т.

Это было одно из сложнейших за всю историю ВТА заданий. Протяженность маршрута только в одну сторону составила более 17 тыс. км, две трети которого проходили над океаном. В числе тех, кто летал тогда в Перу, были экипажи полковника А.Е. Черниченко, подполковника Л.Н. Хорошко, майоров Н.С. Жбанкова и А.В. Велюгодского, капитана Ю.А. Савчука и другие первоклассные летчики.

Воздушные корабли по сложнейшему маршруту вели штурманы подполковники В.Г. Гареев и Н.П. Сурнов, майор И.Г. Романов, капитан А.Ф. Рогозин и другие высококлассные специалисты.

Успешному выполнению поставленной задачи способствовали и высокие профессиональные качества членов экипажей, и боевые возможности самолетов АН-12 и АН-22 («Антей»). Так, военно-транспортный самолет (втс) АН-12 при максимальном взлетном весе 61 т был способен перевезти груз общим весом 12 т на дальность 3200 км при крейсерской скорости полета 560 км/ч. А первый в мире широкофюзеляжный самолет АН-22, максимальный взлетный вес которого составлял 225 т, перевозил на дальность 5250 км груз весом 40 т при максимальной грузоподъемности 60 т. Большие размеры грузовой кабины (длина 26,4 м, ширина — 4,4 м, высота — 4,4 м) позволяли перевозить танки, боевые машины десанта и пехоты и практически все типы самолетов фронтовой авиации.

Маршрут пролегал через Исландию. В Рейкьявике садились для дозаправки топливом.

К сожалению, эта гуманитарная акция не обошлась без потерь. 18 июля через 47 мин после взлета из аэропорта Рейкьявик взорвался в воздухе и рухнул в океан «Антей» майора А.Я. Бояринцева. В течение двух недель экипаж командира 2-й эскадрильи 339-го полка подполковника Д.А. Горского вел поиск в районе места катастрофы, но никого обнаружить в океане не удалось. Насколько мне известно, причина катастрофы осталась не выясненной. Правительство Перу в знак глубокой признательности воздвигло монумент погибшим советским летчикам, а в Москве им установлен памятник на Новодевичьем кладбище.

ВТО ВРЕМЯ я был военным летчиком 3-го класса и летал в должности помощника командира корабля в экипаже, который командовал военный летчик 1-го класса, заместитель командира авиационной эскадрильи по

политической части майор А.А. Винярский. Штурманом корабля был старший лейтенант В.А. Петров, старшим бортовым техником — старший лейтенант Ю.Г. Иванов, бортовым техником по авиационному и десантному оборудованию старший лейтенант Б.Н. Колесников, старшим воздушным радистом — прапорщик Ю.И. Васенин и старшим воздушным стрелком — прапорщик В.П. Рябков.

Мы полетели в Перу через месяц после этой трагедии. График движения был жесткий с максимальной летной нагрузкой. Нам предстояло пролететь над водами Атлантического и Тихого океанов и пересечь воздушные пространства восьми иностранных государств. В этой связи в целях обеспечения безопасного полета в состав нашего экипажа были дополнительно включены: командир — майор Д.М. Азяян, штурман — капитан В.Е. Анчиков, старший бортовой техник — капитан В.М. Каргав и наземный специалист по радиолокационному оборудованию старший лейтенант В.И. Шапиро.

Поставил задачу на выполнение перелета и поделился личным опытом полета по этому маршруту командир полка полковник А.Е. Черниченко. Он запретил в международных аэропортах допускать в самолет кого-либо, кроме официальных лиц, так как одной из версий причин гибели «Антея» все же рассматривалась диверсия.

В дальних полетах экипажам ВТА надеяться не на кого. Летный состав должен рассчитывать на свои силы: уметь самостоятельно оценивать воздушную, наземную и метеорологическую обстановку, принимать решения на выполнение полета, взлета и посадки в самых различных, порой не предусмотренных никакими инструкциями и рекомендациями, условиях. Поэтому к перелету мы готовились особенно тщательно. Досконально изучили порядок полетов и эксплуатацию самолета в условиях высокогорья, высоких температур наружного воздуха, над горной и безориентированной местностью, методику взлета и посадки с максимальным взлетным весом

О.В. Сивухин
1996 г.

**Лима.
В советском
посольстве.
Слева
направо:
О.В. Сивухин,
В.И. Шапиро,
А.А. Винярский,
Д.М. Азяян**

Советские и перуанские летчики на базе ВВС Перу. В центре генерал-майор авиации Н.Ф. Зайцев

самолета, особенности загрузки и крепления крупногабаритных грузов. Провели штурманскую подготовку. Изучили порядок выполнения полетов по международным воздушным трассам, схемы заходов на посадку на основных и запасных аэродромах. Подготовили два комплекта полетных карт. Их общая длина составила 17 м. Разработали инженерно-штурманский план полета. Старший воздушный радист прапорщик Ю.И. Васенин с переводчиком П.О. Калачниковым составил план связи с авиадиспетчерскими службами. Большую работу по подготовке к перелету нашего самолета АН-12 (бортовой номер 11430) провели бортовые техники старшие лейтенанты Ю.Г. Иванов и Б.Н. Колесников, капитан В.М. Каргаев и старший воздушный стрелок прапорщик В.П. Рябков. Помимо обычной предварительной подготовки, силами инженерно-технического состава эскадрильи под руководством майора А.Ф. Сазонкина на самолете был проведен ряд дополнительных работ, утвержденных заместителем командира полка по инженерно-авиационной службе подполковником С.Н. Троицким. Контроль готовности экипажа к полету проводил руководящий состав полка: подполковник

Н.Ф. Шевцов — заместитель командира полка, подполковник Н.П. Сурнов — старший штурман полка, майор А.И. Дмитриев — начальник связи полка, а готовность к перелету самолета — полковые инженеры.

Командир полка установил экипажу так называемый минимум погоды на перелет (т.е. высоту нижней границы облаков и минимальную видимость взлетно-посадочной полосы, при которых экипаж имеет право выполнять взлет и посадку самолета) и подписал полетный лист. Вылет был назначен на 9.00 2 сентября 1970 года. Утром на аэродроме нас провожал командир эскадрильи подполковник Д.А. Горский. Таков был порядок, установленный в полку, — на ответственные задания экипаж отправлял лично командир.

После соблюдения всех необходимых формальностей мы взлетели с аэродрома Витебск-северный и взяли курс на Москву. Посадку произвели на аэродроме Чкаловский, где загрузили в самолет оборудование для госпиталя, медикаменты, прошли еще один контроль готовности к полету в отделе боевой подготовки ВТА и перелетели в Ригу для дозаправки. После прохождения пограничного

и таможенного досмотра вылетели в Рейкьявик — центральный аэропорт столицы Исландии, расположенный на южном берегу залива Фахсафлоун. Посадку произвели в сложных метеорологических условиях. Заход осуществляли со стороны моря.

Диспетчер Рейкьявика определил для нас место стоянки рядом с ангарами натовской авиабазы. В аэропорт на обед ездили в две смены: часть экипажа оставалась для охраны самолета. Заправившись топливом и оформив необходимые документы, вылетели в Галифакс — город в Канаде на берегу Атлантического океана, административный центр провинции Новая Шотландия. Полет проходил над Атлантическим океаном 2 ч 20 мин днем и 4 ч 40 мин ночью. Пролетая над местом катастрофы «Антея», покачали погибшим товарищам крыльями нашего «Антоня». Штурманам В.А. Петрову и В.А. Анчикову пришлось «потеть», чтобы в условиях отсутствия каких бы то ни было ориентиров, при устаревшем навигационном оборудовании через 7 ч полета на высоте 7300 м вывести самолет на маяк Галифакса.

Садились ночью. На рассвете добрались в гостиницу. Удивили канадские дороги — с освещенной фонарями осевой линией и наклонными в вертикальной плоскости на крутых поворотах. В гостинице, в прикроватной тумбочке — Библия. В туалете — автоматическое включение системы вентиляции. Мы в Союзе такого не знали.

3 сентября ночью вылетели в Гавану. Полет выполнялся над океаном, но ориентироваться в просторстве было легче: восточное побережье Северной Америки хорошо оснащено наземными средствами навигации, да и береговая черта наблюдалась на экране бортового локатора. Прошли Бермуд-

ские, Багамские острова и через 6 ч 30 мин полета вышли на маяк Гаваны. На посадочном курсе попали в тропический ливень, перед самолетом выросла стена воды. Командиром корабля на этом этапе полета был майор Винярский. Пилотируем по приборам, готовимся в случае необходимости уйти на повторный заход или запасной аэродром. Но на удалении 2 км от полосы вышли из зоны дождя. Яркое солнце, как будто позади и не бушевала стихия. В Гаване жара и влажность. По графику — ночевка и ранний вылет.

Утром 4 сентября вылетели в Колумбию. Полет проходил над Карибским морем. Оставив позади Большие Антильские острова и Панамский канал, посадку для дозаправки самолета топливом произвели в аэропорту Баранкильи. Колумбийцы оказались очень общительными, непринужденными и темпераментными людьми. Они буквально атаковали стоянку нашего самолета. Все просились подняться на борт или хотя бы осмотреть его снаружи. Наш переводчик Павел Калачников не успевал отвечать на их многочисленные вопросы и хоть как-то мотивировать отказ в осмотре самолета. В качестве компенсации за наше «негостеприимство» мы раздавали собравшимся значки и монеты с советской символикой.

ПОЛЕТ из Колумбии в страну древних инков длился 6 часов, а весь перелет из Риги до столицы Перу занял трое суток. Лима встретила нас низкими облаками и слабым дождиком. Посадку произвели при минимуме погоды. За время полета было два отказа авиационной техники: при посадке в одном из аэропортов лопнула покрышка колеса правой главной стойки шасси, которая была заменена силами экипажа и наземных специалистов аэропорта. При полете к экватору на высоте 7300 м треснул внешний обогреваемый слой лобового стекла справа. Членам экипажа пришлось надеть кислородные маски, я выключил обогрев разрушившегося стекла и перевел систему автоматического регулирования давления воздуха в кабине в режим «боевой». Это воспрепятствовало дальнейшему разрушению стекла и обеспечивало экипажу возможность работать в случае разгерметизации кабины. По прилету в Лиму о неисправности командир сообщил в штаб ВТА по каналам связи советского посольства в Перу. Командование приняло решение заменить неисправное стекло силами экипажа.

«Антей» в аэропорту Лимы

**Самолеты ВТА:
Ан-12, Ил-76,
Ан-22 «Антей»**

Разместили нас в гостинице недалеко от центра Лимы. Оказалось, что в этот период в ней проживала звезда советской эстрады певица Эдита Пьеха.

Наш внутренний распорядок не был обременен служебными делами. Командование перуанской базы ВВС оказалось гостеприимным: ежедневно нас приглашали на обед в их летную столовую. Там же у диспетчера мы получали информацию об ожидаемой нами запасной части — стекле кабины. А в целом все свободное время, которого в связи с этой непредвиденной задержкой выдалось довольно много, мы проводили по своему усмотрению. Это позволило нам в полной мере познакомиться с жизнью города.

Лима была основана испанцами в 1535 году. В 1970-м в ней проживало вместе с пригородом и портом Камья около 4 млн. человек. Что нас поражало поначалу, так это нищета окраин и роскошь гостиниц, магазинов, ресторанов и офисов в центре; в супермаркетах огромный выбор товаров на любой вкус с бесплатной рюмкой спиртного в виде благодарности за посещение, а в маленьких частных магазинчиках в этом случае — обяза-

тельная чашка кофе за счет заведения. Если вспомнить, что шел 1970 год и никто из нас не был избалован советским сервисом, то легко понять, какие чувства мы тогда испытывали. Самые хорошие воспоминания остались о сотрудниках нашего посольства, которые немало сделали для обеспечения экипажа всем необходимым.

17 сентября с попутным американским самолетом из Гаваны нам наконец-то прислали новое стекло. В аэропорту познакомился с американскими летчиками. Надо сказать, что они отнеслись к нам очень дружелюбно, показали самолет, на котором прилетели в Лиму. В общем, отношения у нас сразу сложились дружеские, хотя это было время, когда США считались в официальной идеологии главным потенциальным противником СССР, а мы должны были быть в их глазах представителями «империи зла».

На следующий день наши борттехники Ю.Г. Иванов, А.М. Каргаев и Б.Н. Колесников заменили неисправное стекло, а 19 сентября, доложив послу об устранении неисправности самолета и попрощавшись с нашими новыми друзьями, мы отправились в аэропорт. Выполнив обязательный облет самолета после замены стекла и длительной стоянки, взяли курс на Гавану, где нас ждал попутный груз на Москву — 3,5 т кубинского рома. На Кубе задержались на двое суток. Пока согласовывались вопросы, связанные с получением разрешения на перевозку рома, мы познакомился с достопримечательностями Гаваны, посмотрели знаменитый кубинский карнавал, посвященный окончанию уборки сахарного тростника и, конечно, искупались в теплом Карибском море.

ДАЛЬНЕЙШИЙ полет — это полет домой не предвещал особых трудностей, шли тем же маршрутом по уже облетанным трассам: Лима — Гавана — Гандер — Рейкьявик — Рига. Но на подлете к Гандеру (Канада) нашему бортпереводчику П.О. Калач-

никову стало плохо, появились резкие боли в области живота. Обстановка осложнялась тем, что заход на посадку и посадка осуществлялись при минимуме погоды. В этих условиях безопасность зависит не только от мастерства летчиков, но и от точного понимания и немедленного выполнения экипажем команд, подаваемых диспетчером посадки. Нужно отдать должное мужеству Павла, он четко выполнял свои обязанности до заруливания самолета на стоянку. К счастью, с ним все обошлось благополучно: это было лишь обострение гастрита.

В то время от летного состава не требовалось умение вести радиообмен на английском языке. Поэтому при полете за границу в состав экипажа включался переводчик, который в полете вел связь с диспетчерскими службами и переводил все команды и информацию экипажу. В международных аэропортах он сопровождал командира и штурмана в авиадиспетчерские службы для взаимодействия со служащими при оформлении дальнейшего плана полета и решения других вопросов. Лишь через 25 лет в 1996 году в учебно-летном отделе Центра боевого применения и переучивания летного состава ВТА был создан цикл, на котором осуществлялась подготовка экипажей к выполнению полетов по международным воздушным линиям с обучением их ведению радиообмена на английском языке.

23 сентября погода в Кефлавике улучшилась. Туман рассеялся, нижний край облачности — 100 м, видимость — 1,5 км. Можно было лететь. На высоте 7600 м пересекли Атлантику. Полет длился 5 ч 20 мин. 4 ч шли в облаках и 1 ч 20 мин за облаками. В облаках началось обледенение, пришлось включать противобледенительные системы.

Ночью приземлились в аэропорту Риги, где прошли пограничный и таможенный контроль, отдохнули и вылетели в Москву. Здесь разгрузили ром и наконец-то улетели в свой родной Витебск. Впрочем, отдыхать долго не пришлось. Уже через сутки, в первую же летную смену, экипаж участвовал в полетах на боевую подготовку, причем летать пришлось в плотных боевых порядках на малой высоте, а 30 сентября улетели в Европу для обеспечения маневров авиационных частей стран Варшавского договора, принимавших участие в совместных учениях.

Всего в 1970 году экипаж вы-

полнил 149 полетов, налетав при этом 297 ч, из них 118 — ночью.

В 1992 году командование и штаб 3-й гвардейской втад были перебазированы под Новгород, затем в Смоленск, а в 2001 году дивизию расформировали.

Генерал майор авиации Н.Ф. Зайцев, почетный гражданин г. Витебска, прокомандовав дивизией 17 лет, после увольнения в запас в 1973 году руководил филиалом конструкторского бюро С.В. Ильюшина, возглавлял областную организацию ветеранов Великой Отечественной войны. В июле 2005 года одному из самолетов ИЛ-76 334-го втап, которым он командовал с 1949 по 1954 гг., было присвоено имя «Николай Зайцев».

339-й втап после распада СССР вошел в состав ВВС Беларуси, а в 1996 году также был расформирован, самолеты и часть летного состава переданы авиационной кампании «Трансавиаэкспорт» и перебазированы под Минск на военный аэродром Мачулище. Последний самолет ИЛ-76 взлетел с аэродрома Витебск-северный 30 июля 1996 года. Взлетно-посадочная полоса демонтирована, хранилище горюче-смазочных материалов, ангары, склады, служебные помещения переданы в муниципальную и республиканскую собственность.

Заслуженный военный летчик СССР полковник А.Е. Черниченко с должности командира 339-го втап в 1978 году уволился в запас. Подполковник А.А. Винярский закончил службу в должности заместителя командира отдельной авиационной эскадрильи по политической части 26-й воздушной армии, майор Д.М. Азяян уволен в запас с должности офицера боевого управления районного центра единой системы управления воздушным движением. Остальные члены экипажа, выслужив установленные сроки, уволены в запас. Общественная организация «Союз офицеров 339-го втап», которую в настоящее время возглавляет майор запаса Б.Н. Тарасов, поддерживает связь с командованием и Советом ветеранов ВТА и 334-го втап, оказывает поддержку ветеранам полка и членам их семей, проводит военно-патриотическую работу с населением, которая, к нашему удовлетворению, в последнее время пользуется все большей популярностью.

**Полковник в отставке
О.В. СИВУХИН**

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Дарков С.К. Российские кадеты: Биографический справочник. М.: АНО Информационно-издательский центр «ДС», 2006. Ч. 2. 166 с. Передана автором (Москва)

«В трубы трубят на Коломне...»: Сб. материалов научно-практической конференции, посвященной 625-летию Куликовской битвы / Под ред. А.И. Шувалькова. Коломна: КГПИ, 2005. Ч. 1. 100 с.; Ч. 2. 312 с.

Передана доктором исторических наук, профессором А.Б. Мазуровым, кандидатом исторических наук, доцентом А.И. Шувальковым (г. Коломна Московской обл.)

1941—1945: Уроки войны — уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 24—25 февраля 2005 г. Вологда: ВГПУ; Изд-во «Русь», 2006. 320 с.

Передана доктором исторических наук, профессором В.Б. Конасовым (г. Вологда)

Петренко А.И. Прибалтика против фашизма. Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. М.: Европа, 2005. 156 с.

Передана автором — кандидатом исторических наук А.И. Петренко (Москва)

О людях Службы горячего Вооруженных сил. Биографический словарь / Под ред. Г.Н. Очеретина. М.: Межрегиональная общественная организация «Ветераны-пенсioenеры Службы горячего ВС РФ», 2006. 240 с., ил. Передана генерал-лейтенантом Г.Н. Очеретиним и генерал-майором в отставке Г.М. Ширшовым (Москва)

Горин Ю.П., Зенков Ю.В. Золотой запас России: док. повесть о выпускниках Калинингр. ВВМУ, Балт. ВМИ им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, героически погибших на атом. подвод. лодках «Комсомолец», «Курск». Калининград: ФолиАнт; ИП И.В. Мишуткина, 2006. 128 с., ил.

Передана капитаном 1 ранга Ю.П. Гориним (г. Калининград)

IX Всемирный русский народный собор. «Единство народов, сплоченность людей — залог победы над фашизмом и терроризмом». Стенограмма. М., 2006. 366 с.

Передана заместителем главы Всемирного русского народного собора, председателем Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (Москва)

Яценко Н.Е. Общественно-патриотический словарь. СПб.: Лань, 2006. 672 с. Передана автором (Санкт-Петербург)

Лосев Е.Ф. Англо-аргентинский конфликт 1982 года. Монография. Калининград: Балтийский ВМИ им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2006. 111 с., ил.

Передана автором — доктором военных наук, доцентом капитаном 1 ранга запаса Е.Ф. Лосевым (г. Калининград)

Летопись ратной славы. Студия военных художников имени М.Б. Грекова / Сост. Д.А. Белолюкин, Т.П. Скоробогатова. М.: Белый город, 2005. 399 с., ил.

Передана менеджером издательства «Белый город» Л.А. Лелековой (Москва)

«БЕЗ АННЕКСИЙ И КОНТРИБУЦИЙ»

Записки о революционных событиях и Гражданской войне в России в 1917–1922 гг.

В.В. САВИНКОВ

НАШ УЧАСТОК обороны, как и весь Румынский фронт¹, имел второстепенное значение. Позиция представляла собой укрепленный простыми окопами узел. Несколько таких узлов были расположены по левому берегу Дуная, ближайшая же позиция направо от нас находилась около Рени. Весь участок, почти 30 верст протяжением, охранялся только разъездами. На лево, в 11–12 верстах, части нашей дивизии занимали другой укрепленный участок, дальше находился Измаил. Артиллерия каждого из участков соединения состояла из 18 трехдюймовых полевых орудий и двух 42-линейных пушек, а противник посылал нам снаряды не менее чем из 48-линейных. Его полевая артиллерия молчала только потому, что находилась на легко обнаруживаемых позициях.

Командование не раз требовало от нас схемы заградительного огня. Это было смешно: мы могли покрыть сплошным огнем всего около 200 сажень, т.е. четверть порученного нам протяжения реки.

Ложавшие против нас позиции неприятеля не были разведаны вовсе. Мы не имели карт этой местности. Нам присылали много различных карт, но нужных среди них не было и добиться присылки их мы никак не могли. Я неоднократно ездил в штаб бригады и в штаб дивизии², но все, что мне удалось раздобыть, был ряд самолетных снимков, частично захватывавших и нужную нам местность. Снимки эти мне дал начальник штаба дивизии, взяв с меня при этом слово, что я их верну; это был единственный экземпляр. Таким образом наша артиллерия была лишена четких оснований для борьбы с артиллерией противника. Собственные наблюдения, производившиеся весьма упорно и непрерывно, да вышеупомянутые снимки — вот все, чем мы располагали. Между тем складчатая местность противоположного берега позволяла ставить батареи в любом месте.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 1, 2, 3, 4.

Несколько раз разведчики — и наши артиллеристы и пехотинцы — переправлялись на тот берег. Однако, это было совершенно бесполезно: неприятельские сторожевые посты охранялись собаками, не позволявшими приблизиться и застать часовых врасплох.

В то время как наша разведка заявляла о своем несовершенстве и своей пассивности, неприятельская действовала довольно активно. Особенно — воздушная. Самолеты противника совершали облеты наших позиций регулярно с большой смелостью, даже дерзостью. Это и немудрено было: охрану воздушного пространства над нами осуществлял всего лишь один взвод — большего количества орудий выделить мы не могли. Кроме того, шрапнель³ для борьбы с самолетами не совсем пригодна, а бризанты⁴ нам присылались редко, да и то только начиная с июля.

В интересах разведки немцы устроили двухмесячные курсы шпионажа, где обучались знавшие русский язык болгары⁵. По ночам шпионы небольшими партиями переправлялись через реку и на некоторое время растворялись среди местных жителей, совершенно от них неотличимые. Потом разбредались кто куда и проникали в наше расположение до самых глубоких тылов. Впечатление было такое, будто шпионы сновали всюду, между прочим — и в окопах нашей второй и третьей линии, всегда пустых. Отсюда иногда они давали сигналы. Около тщательно, казалось, замаскированного и укрытого даже сверху 42-линейного взвода дважды взвизывались ракеты. Из села, находившегося в 10 верстах от берега на возвышенности, сигнализировали постоянно. Я сам видел сигналы, производившиеся красным фонарем. Это село, где стояли обозы, отделялось от штаба дивизии всего лишь узким рукавом озера. Говорили, что там — главная квартира шпионов. Как бы там ни было, но однажды оттуда выбежала собака с подвязанным у ошейника пакетом. Она счастливо избежала ловцов и под огнем нашей пехоты благополучно пе-

реплыла Дунай. В артиллерийскую трубу было превосходно видно как она, выбравшись из воды, спокойно отряхнулась и деловито побежала дальше.

Интересный случай приключился с новым наблюдательным пунктом командира дивизиона. Маскировка этого пункта, устроенного в неприметном месте, была такова, что, проходя мимо, и в двух шагах его не заметишь. И все-таки неприятель о нем узнал от шпиона, обнаружившего его и подавшего сигнал белым листом бумаги среди бела дня в солнечную погоду. Вскоре вражеские снаряды стали ложиться около неизвестного, как полагали, не только неприятелю, но и нашим солдатам наблюдательного пункта.

Защита нашего участка сначала была поручена полку, носившему громкое имя «Тимский» (есть такой город — Тим). Командир его, маленький, кругленький, добродушный, простой и очень скромный полковник вышел на войну, кажется, ротным командиром. Он производил впечатление одного из тех офицеров, что незаметно для самих себя совершают необыкновенные подвиги, жертвуют собой, не придавая этому ровно никакого значения, полагая, что именно в этом и заключается долг их службы.

Я встречался с полковником несколько раз, и каждый раз он жаловался и на солдат, и на офицеров. Впрочем, для этого имелись основания. Командный состав полка состоял главным образом из выпускников школ прапорщиков, а не военных училищ, половина которых принадлежала к отвратительной категории офицеров, состоявшей из лиц очень низкого происхождения чуть ли не с трехклассным образованием. Солдаты были правы, считая, что тем не стоит слишком заноситься. Прапорщики же такие, попав из «грязи в князи», относились к нижнимчинам много хуже «настоящих» офицеров, т.е. офицеров из «господ» — кадровых офицеров и прапорщиков-интеллигентов. Школы прапорщиков, давая малообразованным людям очень мало хорошего, прививали им все отри-

цательные стороны офицерства — чванство, заносчивость, склонность к произволу и злоупотреблению властью. Гордые своим положением, эти выходцы из мелочных лавок, парикмахерских, бывшие курьеры и рассыльные, а то и извозчики, смотрели на свою власть, как на право самодурствовать и наслаждаться безответственностью. Припоминая все испытанные когда-то ими самими унижения, обиды и оскорбления, они повторяли их над солдатами. Я сам читал письмо такого прапорщика, сообщавшего своей жене, что он «бьет морды сколько душе угодно», и насыщался от солдат достаточно рассказов об этих «серых героях». Разумеется, такие начальники никакого авторитета в солдатских глазах не имели и менее всего могли способствовать поддержке престижа офицерства вообще. Как исключения, попадались и среди этих офицеров блестящие и способные командиры, любимые солдатами и имевшие на них большое влияние, но в общем полубразованное и необразованное офицерство было для армии величайшим злом. К этой категории офицерства нельзя причислять прапорщиков, произведенных из нижних чинов за боевые заслуги: эти в подавляющем большинстве были самые достойные люди и часто — превосходные офицеры, несмотря на недостаток образования.

Кроме командира в Тимском полку кадровых офицеров было всего два. Бывая здесь в офицерском собрании, я вынес удручающее впечатление об офицерском составе. Особенно об одном подпоручике по фамилии не то Шелегов, не то Шелехов, лет двадцати двух, бывшем студенте-первокурснике, называвшем себя большевиком⁶. В один прекрасный день в батальоне, в котором он служил, была вынесена на митинге весьма диковинная резолюция (ее автор упомянутый подпоручик). Сущность солдатского решения заключалась в следующем: батальон, отказавшийся выйти из резерва и занять передовую позицию на острове, объявил, что не желает более проливать «братскую кровь» и потому заключает союз не только с болгарами, но и чуть ли не со всеми славянскими народами, а также с Соединенными Штатами и от имени этой новой коалиции объявляет войну всему империалистическому

миру, в том числе и немцам. Воевать батальон собрался только за счастье и свободу всех угнетенных и не иначе, как против всего света. Как ни была нелепа резолюция, цели своей она достигла: батальон на позицию не вышел. Впрочем, какое дело было солдатам до слов резолюции, главное — не воевать. Немедленно куда следует, в том числе и во все комитеты, полетели телеграммы. Какой-то из крупных комитетов отвечал, что спешно высылает делегацию для уговоров батальона.

Тем временем бунтовщики спокойно сидели в землянках резерва, щелкали семечки, играли в карты, а подпоручик Шелегов (буду именовать его так) вел агитацию в остальных частях полка. Зашли агитаторы и к нам, артиллеристам, однако не имели особенного успеха. Горячим сторонником их резолюции явился лишь один из фейерверкеров четвертой батареи по фамилии Скиба, из деревенских лавочников, человек на редкость глупый, тоже называвший себя большевиком. Он умел с необыкновенным пафосом произносить весьма бессвязанные и бессмысленные, пересыпанные иностранными словами и ходячими фразами речи так, что никак нельзя было уловить, чего, собственно говоря, ему надо. Но солдаты его слушали охотно, к тому же голос у Скибы был зычный, что для солдатских митингов имеет большое значение.

Чтобы парализовать вредную агитацию, был назначен совместный митинг пехоты и артиллерии. Приехал член одного из высших артиллерийских политиков, входивший в состав комитета нашей дивизии, наш бригадный адъютант. Это был смелый, энергичный и жизнерадостный офицер, то же обладавший звучным голосом, не хуже чем у Скибы, решительными жестами, георгиевским солдатским крестом и привлекательной бравой наружностью. Правда, поскольку до войны он являлся помощником присяжного поверенного, то не был лишен часто встречающейся в почтенном адвокатском сословии некоторой легкости мыслей. Тем не менее он заявил свою полезность в непростое революционное время.

Митинг состоялся под вечер в расположении пятой батареи. Народу собралось не особенно много. Целиком, за исключением занятых по службе, присутст-

вовала лишь моя команда. В стороне, противоположной от нее, расположились солдаты тяжелого взвода, изрядно поколотившие утром явившихся к ним агитаторов из пехоты.

Сначала выступали ораторы из солдат. Затем после сумбурной речи подпоручика Шелегова попытался говорить один из пехотных офицеров. Но только он начал речь, просто, по-солдатски (он был из нижних чинов), его прервали. Тогда я громко обратился к офицерам, выговаривая им, что они допускают такое обращение нижних чинов по отношению к себе. После меня выступил бригадный адъютант, умевший хорошо говорить с солдатами. Наконец, появился Скиба. Неожиданно он заговорил так, будто никогда большевистской агитацией и не занимался, а только и делал, что боролся с нею. В результате почти единогласно была вынесена резолюция о предании подпоручика Шелегова суду, как виновника смуты, и о немедленном занятии окопов отказавшимся батальоном.

На следующий день приехали комитетчики. Подпоручик был отрешен от командования ротой и отправлен в комитет дивизии. Инцидент был ликвидирован.

В дивизионном комитете подпоручик Шелегов попал в переделку: весь комитет состоял из оборонцев. В конце концов подпоручик заявил, что раскаивается в содеянном, которое совершил не по злему умыслу, а по глупости; признавая всю тяжесть вины, он предлагал в виде искупления, чтобы его публично высекли. Его заявление вошло в протокол, подписано им и было разнесено по всем частям дивизии в качестве приложения к приказу, в котором инцидент тоже было уделено достаточно внимания. Этот невероятный факт, наверное не забытый никем из свидетелей, может служить достаточно яркой иллюстрацией тому, какого рода типы встречались среди занимавшихся разложением армии офицеров.

Вскоре Тимский полк был сменен. Командир нового полка, полковник Р., высокий и тощий, отличался исключительной для офицера культурностью, живым умом, мужеством и твердостью. Став на позиции, он тотчас же принялся за исправление и улучшение окопов. Не желавшие работать солдаты возмутились. Решительность пол-

ковника, с которой он одной частью полка арестовал другую, отказавшуюся от работ, комитета была признана контрреволюционной. С этих пор полковника Р. стали травить и косвенно поддерживать ведомую в полку агитацию против него, хотя до революции он пользовался редкой любовью солдат.

10, 11 и 12 июля нам предстояло демонстрацией подготовки переправы поддерживать наступление, ни места, ни времени которого мы не знали. К этому дню были еще раз тщательно проверены, дополнены и нанесены на схемы все данные об артиллерии противника. К батареям подтянули большое количество боеприпасов, проверили телефонную связь, протянули запасные линии.

Моим людям предстояло впервые подвергнуться серьезной проверке. Служба телефониста во время боя самая опасная: в то время как остальные укрыты в окопах, телефонист под любым огнем обязан исправлять повреждения на линии, иначе батарея замолчит. Все это, разумеется, телефонистам было ведомо.

Рано утром заскрежетала в небе первая шрапнель — наша. Через полчаса пушки хлопали не умолкая. Неприятельские тяжелые снаряды рвались почти беспрерывно. Вскоре нами были обнаружены неприятельские батареи почти все, на местах, нами заранее обозначенных. Кроме них открылись несколько отдельных легких взводов и орудий и шестидюймовая гаубичная батарея. Как ни странно, но к пяти—шести часам вечера неприятельские батареи одна за другой смолкли, и на другой день с противной стороны не раздавалось ни одного выстрела. От перебежчиков-болгар и взятых случайно в плен рыбаков мы узнали, что вражеская артиллерия понесла большие потери, а от гаубичной батареи осталось только одно орудие из четырех.

За исключением тяжелого взвода, занимавшего идеальную позицию, остальная наша артиллерия подверглась очень сильному обстрелу. Но нам везло: из артиллеристов был убит всего один, да и тот случайно и не на позиции; пехота потеряла несколько человек ранеными и двух, помнится, убитыми. Но огонь, особенно по отдельным взводам пятой и шестой батарей, был ужасный.

Одно время на позиции от-

дельного взвода пятой батареи шестидюймовые и сорокавольтовые бомбы падали непрерывно, часто по несколько сразу. И под таким огнем фейерверкер Шевченко семь раз выходил чинить телефонные провода. Не дожидаясь приказаний, как только прерывалась связь он выходил из блиндажа в ад, о котором не может иметь представления не испытывавший того же, методично и аккуратно, прижавшись к земле, согласно всем правилам, исправлял повреждения. Вокруг него без перерыва рвались бомбы. Он возвращался бледный и весь засыпанный землей. Впоследствии признавался: страшно было и молил Бога, чтобы сразу убило, не искалечило.

Этот Шевченко был человек незаурядный. Юношей эмигрировал в Америку; сделался электромонтером, жил припеваючи, скопил несколько тысяч долларов, собирался жениться; выучил несколько иностранных языков, на всех читал и писал. С объявлением войны, будучи в возрасте за тридцать, бросил все и приехал в Россию. Грудь его была увешана тремя Георгиями, заработанными им так же, как заработал он в этот день четвертый.

Другой телефонист, трижды чинивший провода, был молодой добровольец, страдавший какой-то неизлечимой болезнью желудка и чахоткой. Истощенный донельзя, он всегда оставался весел, всегда шутил и озорничал по-мальчишески. Так и на этот раз (он явно искал смерти) в самый сильный огонь выбежал из блиндажа и стал делать вид, что хочет руками поймать снаряд. Он не получил ни царапины.

В этот день отличились многие телефонисты на батареях и из моей команды. Отличился тот самый парень, который просил меня не сразу его пристреливать. Отличился и старший команды. Это был молодой московский рабочий, слесарь, на редкость умный парень, развитой, способный, очень грамотный — «не фейерверкер, а золото». Умел команду придержать в руках: ему обязан я тем, что всегда мог положиться на своих людей. Правда, и вся команда состояла из славных, молодых парней, веселых и довольных всем окружающим.

Боевая часть батарей работала прекрасно. В день боя юноши,

силы которых к тому же были ослаблены дизентерией, устали настолько, что иные, в минутные перерывы стрельбы, ложились на землю, совершенно, казалось, обессиленные и не способные более ни на одно движение. Но раздавалась команда — вскакивали как ни в чем не бывало и продолжали работать.

Успех этого артиллерийского состязания был настолько очевиден, что не мог быть незамечен даже самым глупым солдатом. Наши батарейцы подтянулись, приобрели уверенность в себе и в офицерах. Поняли — враг есть и война не окончена. Подтянулись и бородачи. Сначала робели, но потом исправно подвозили снаряды, оглядываясь на разрывы и не прислушиваясь к вою и жужжанью осколков. И они, пожалуй, смекнули: как бы далеко ни была деревня, но такой враг, если фронт развалится, и до нее доберется: «Больно уж здорово палит. Какое же замирение?» Этот бой сильно приободрил солдат: вначале война увлекает, а наша артиллерия не была истрепана ежедневной и длительной страдой.

Через два-три дня мы получили известие об успехе нашего наступления на Юго-Западном фронте⁷. Офицеры воспрянули духом. Один только Л. проронил: «Ничего не выйдет; сегодня наступают, завтра побегут; дайте им только наткнуться на сопротивление!». Он один из нас всех понимал положение.

Пехота в день боя посылала к нам делегатов с требованием прекратить огонь. Теперь она примолкла. У нее создалось впечатление, что все воюют, а она одна бунтует, митингует и заявляет: «Без аннексий и контрибуций». Возникла опаска: как бы воюющие войска, узнав, что такой-то «наш полк» их не поддерживает, не пришли да не расправились по-свойски. Как это ни странно, но такие разговоры стали на нашем участке повсеместны. Я это знаю от солдат своей команды.

Через несколько дней пришли вести, подтвердившие мрачные предчувствия Л. Трагический смысл происшедшего⁸ был понятен каждому. Пришел и приказ командовавшего армией генерала Цурикова⁹, в котором он говорил о позорном поведении пехоты: она не пошла в наступление несмотря на то, что артиллерия на восемнадцативерстном фронте в точном смысле слов

сравнила с землей три линии неприятельских укреплений. Потом стала известна геройская смерть офицеров и их денщиков, в числе около 70 человек, бросившихся в атаку, когда полк от нее отказался. Они погибли на глазах равнодушного полка, безучастно следившего через два дня за торжественными похоронами, устроенными немцами этим 70 героям. Пришло известие о батарее, развернутой фронтом пошедшей в наступление на верную смерть, когда пехота не желала идти. Все было напрасно: пехота не двинулась.

Впечатление от всего этого было неопишное. Никто, ни офицеры, ни солдаты не ожидали, что дело зашло так далеко, что возможны такие последствия разложения. Ощущение греха перед родиной остро возникло в солдатской массе: пехота ходила пристыженная и только огрызалась на брань артиллеристов, обвинявших ее в измене. Некоторые оправдывались: не мы, мол, были и в Тарнополе, и Калуше и на Серети; мы-то наступать не прочь, не отказываемся; мы бы не побежали; мы собственно, более так, для разговору, а воевать, что ж. Коль надо, мы не прочь.

Все как-то сразу изменилось. Нет-нет да отдаст честь пехотинец, чего давно уже не бывало; артиллеристов трогать перестали; взялись за лопаты, не протестовали против занятий. Очевидно и солдата хватало по голове. А тут еще подоспела телеграмма, заставившая было солдат поверить, что непорядкам конец. Я говорю об известной телеграмме Корнилова, Савинкова (моего брата), и Филоненко по поводу смертной казни. Введут, или не введут? Вот вопрос, заставивший пехоту скрести в затылках.

Как-то возвращаясь в свою хату, я был встречен во дворе людьми своей команды, кричавшими ура. Старший махал над головой какой-то бумажкой. Оказалось: смертная казнь введена.

На шум сбежалось из соседних дворов человек тридцать пехотинцев.

— В чем дело? Телеграмма? Что за телеграмма? — любопытствовали они.

— То, что вас... вешать будут, вот что! — со злобным торжеством крикнул один из разведчиков.

Я прочел телеграмму вслух, и пехота, провожаемая злобными

насмешками артиллеристов, разбрелась молча.

Следующие дни ясно показали, что наступил перелом. Был психологический момент, когда армию, а может быть даже и всю Россию, можно было схватить и удержать. Каждый офицер чувствовал: путем быстрых, решительных и последовательных мер, вот именно сейчас, можно что-то сделать. Ведь все резко изменилось: настроение солдат поднялось; большевики замолкли и спрятались; масса стала враждебно относиться к агитаторам.

Офицеры воспрянули духом: ждали сильного властного голоса; думали, что правительство учтет этот момент и воспользуется случаем, тем более, что никому не казалось, что это изменение настроения — чисто местное явление; чувствовалось, что то же самое происходит и на всех фронтах. Один Л. оставался по-прежнему пессимистом и, со своей свойственной ему ядовитостью называя правительство «дужиной устриц, да и то не свежих». Мы заступились за правительство, в особенности за Керенского, — велика в него была вера. Впрочем, скоро мы убедились, что побеждает лозунг «без аннексий и контрибуций». Л. был прав.

До этого времени мы удивительно дружно жили на своей «даче». После катастрофы на Юго-Западном фронте отношения стали портиться. Офицеры стали терять равновесие и самообладание. В сущности, каждому была нанесена очень тяжелая рана, в особенности тем, кто был на войне с самого начала. «К чему же все это было?» — рассуждали офицеры. Родина, честь ее, миллионы жертв, море крови, доблесть, самоотвержение, верность, геройство, женские и детские слезы — все осквернено, все втоптанно в грязь, все выброшено, как негодная ветошь, ради шкурных интересов толпы. Не могли говорить о прошлом; не могли молчать о будущем — не о своем личном, конечно. Раздражались, сердились, вспыхивали из-за пустяков — у каждого болело одно и то же. Дошло до того, что и разговаривать стало невозможно; больше чем когда-либо стали играть в карты.

Помню один разговор: на меня обиделись ужасно и дело чуть-чуть не дошло до ссоры. Я высказал как-то мысль, высказываемую и на этих страницах,

именно: офицерство в целом является одной из причин развала армии. Я утверждал, что офицерство рутинно, некультурно, и неважно подготовлено в смысле военном; оно всегда стояло далеко от солдата и не сумело к нему приблизиться после революции; оно чуждо общественных и политических интересов, невежественно в этой области до неприличия и замкнуто только в узкий круг профессиональных интересов; офицерство (это самое главное) — непредприимчиво, недействительно, неэнергично, безвольно; оно способно только следовать за кем-нибудь, между тем как именно оно должно вести за собой; я опровергал взгляд на офицерство, как на жертву, брошенную толпе правительством (такой взгляд был сильно распространен); я говорил, что совершенно недостаточно геройски и самоотверженно умирать — это и солдаты умели и умеют не хуже офицеров; надо еще и уметь жить ради того, за что умеешь умирать; надо творить; надо ясно отдавать себе отчет в том, чего хочешь, и бороться за это также геройски и также самоотверженно, как и за опутанный проволокой кусочек изрытой земли, называемый позицией.

Может быть правильным было молчать, но после Тарнополя мне стало противно смотреть, как здоровые, молодые, сравнительно культурные и образованные люди, имевшие все шансы быть чем-то, жалостно причитали над своей горькой судьбиной, обвиняя в несчастьях армии и России все и всех, кроме себя самих, и так легко, без всякой борьбы, без всяких усилий сдавались. Впрочем, они воображали всегда, что сделали все, что от них зависело. «Солдат должен быть таким-то и таким-то, делать то-то и то-то» — такова была их мерка; раз солдат не таков, как этого требует устав, и не делает того, что надо, — руки умываются и человек отходит в сторону. Таким было отношение громадного большинства офицеров. Что касается нашего участка, то таким оно было только у одного прапорщика Е., командира тяжелого взвода, который не убеждал солдат ни в чем.

Впрочем, все это не особенно отразилось на наших отношениях: по существу все мы относились друг к другу, как и раньше,

только внешне было гораздо больше раздраженности и напряженности.

Командир дивизиона предложил мне должность старшего офицера четвертой батареи; я отказался, так как со дня на день ждал перевода. Отправляясь на фронт, мы с братом (оба мы отправившись почти одновременно) сговорились, что при первой возможности он устроит мне перевод туда, где он будет, чтобы мы могли видеться хоть изредка. Перевод несколько запоздал, но это не имело значения, так как дизентерия не позволила бы мне предпринять длительное путешествие.

Нашей бригадой командовал старый генерал. Я знал о нем только то, что он был «канцелярской крысой» и прозван он был офицерами «Чик-чик». Прозвище это было ему дано, потому что он так страшно заикался, после двух-трех слов непременно шипел: «Чик-чик». С этим самым генералом мне несколько раз пришлось столкнуться: я отказывался выполнять его требования, не входившие в круг моих обязанностей, предполагавшие вторжение мое в область ведения командиров батарей. Касались эти требования хозяйственных вопросов, к которым я, по своей должности адъютанта дивизиона, никакого отношения не имел. 10 июля произошло самое острое столкновение.

В самый разгар боя из бригады начали передавать какую-то интендантскую телефонограмму, одну из тех, что постоянно загружали наши провода. Я приказал отложить прием телефонограммы до окончания боя. Командир бригады, узнав об этом, приказал принять немедленно. Я приказал передать в бригаду, что согласно уставу во время боя никакие телефонограммы, кроме оперативных, не принимаются. Генерал потребовал меня к телефону и приказал немедленно же принять телефонограмму. Я отказался, сославшись на устав, и добавил, что не имею права отрывать телефонистов от боевой работы. Этого генерал, естественно, переварить не мог. Началась переписка, в которой самое деятельное участие принимал командир дивизиона. Назначили дознание, и генерал решил отдать меня под суд. Напрасно бригадный адъютант убеждал его не поднимать дела, которое кроме неприятностей самому

генералу, иных последствий иметь не может. Старик очень был раздражен и упорствовал.

Как только пришло известие о моем переводе и как только позволила мне дизентерия, я отправился в бригаду. Адъютант со свойственным ему юмором, рассказал мне следующее. Очень может быть, что ради полноты картины он что-нибудь и прибавил.

Несколько дней назад генерал окончательно решил предать меня суду и собственноручно составил соответствующий пункт приказа. Как раз, когда он был занят его писанием, принесли почту. В числе пакетов была телеграмма с требованием «срочно командировать в мое распоряжение прапорщика Савинкова», подписанная: «Главкоюз Корнилов». В свежих газетах рядом с назначением Корнилова Верховным Главнокомандующим стояло назначение брата управляющим Военным министерством. Адъютант подал генералу и то, и другое, указав на то, что я — брат Бориса Викторовича Савинкова. Генерал прочел и остолбенел (адъютант описывал это очень живописно и с большими подробностями), вспотел, вытер лысину и наконец произнес: «Какое счастье, что я не успел его отдать под суд!».

Прибавил адъютант к своему рассказу что-либо, или нет, но я был поражен приемом, на этот раз оказанным мне генералом: он чуть-чуть не бросился мне в объятья и смотрел на меня ласково до невозможности. Сколько сожалений о том, что такой способный офицер покидает бригаду! Сколько забот о моей дизентерии! Сколько пожеланий! Как властно звучало генеральское казначею: «Выдайте поручику (я был только прапорщик, но генерал на радостях стал ошибаться) все, что только возможно!».

Должен с удовольствием отметить, что среди офицеров, прекрасно знавших о том, что новый управляющий Военным министерством мне брат, не нашлось ни одного, чье бы отношение ко мне изменилось хоть на иоту: как были хорошими товарищами, так и остались ими. Впервые подхалимство по отношению к себе встретил я в лице его превосходительства, уболенного сединой, украшенного орденами и имевшего позади лет двадцать пять «беспорочной» службы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Румынский фронт — оперативно-стратегическое коалиционное объединение, созданное в связи с поражением румынских войск от германских в сентябре-ноябре 1916 г. и включавшее в себя 9, 4, 6-ю русские и румынскую армии. На него возлагалась задача по обороне южного крыла русского фронта на рубеже Кымпулунг — устье Дуная. Участвовал также в летнем наступлении русских войск в 1917 г.

² В.В. Савинков занимал в то время должность, судя по его описанию, командира взвода (команды) связистов и разведчиков и адъютанта артиллерийского дивизиона.

³ Шрапнель — артиллерийский снаряд с поражающей «начинкой» (сферическими пулями, стержнями, стрелами и т.п.), предложенный английским офицером Г. Шрапнелем в 1803 г.; в начале 40-х гг. XX века уступил место осколочным и осколо-фугасным снарядам.

⁴ Бризанты (от французского выражения — «дробящий») — произвольное название осколочного и осколочно-фугасного снаряда с дистанционным взрывателем, обеспечивающим взрыв в воздухе на определенной высоте.

⁵ Болгария в Первую мировую войну выступала на стороне Германии.

⁶ В это время между партией большевиков и другими партиями обострилась борьба за влияние в войсках. Как представитель «партии власти», т.е. эсеров, автор «Записок» не мог простить этого соперникам в борьбе и за армию, и за власть. Перерабатывая спустя десять лет после происшедших событий свои прежние дневниковые наброски, он, создает впечатление, усилил в себе и неприязнь, и необъективность по отношению к партиям иной, чем эсеровская, формации, в первую очередь к большевикам.

⁷ Речь идет о временном успехе Юго-Западного фронта в ходе активных действий, как части летнего русского наступления в 1917 г. Начиная со второй половины июня, войска фронта, прорвав оборону противника, стали продвигаться вперед. Так, к концу месяца соединения 8-й армии под командованием генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова заняли Галич и Калуж, захватив большое количество боевых трофеев и значительное число пленных, правда, при существенных собственных потерях.

⁸ Ввиду того, что солдаты Русской армии в массовом порядке отказывались выходить на боевые позиции, летнее наступление 1917 г. приостановилось, в том числе и войск Юго-Западного фронта. Воспользовавшись паузой, противник нанес контрудар, в результате которого не только вернул утраченные позиции, но и отбросил русские соединения значительно восточнее занимаемого ими прежде рубежа.

⁹ Цуриков Афанасий Андреевич (1858—1923) — генерал от кавалерии. В 1915 г. — командир 24-го корпуса, в 1916-м — командующий 6-й армией; с 1920 г. — служил в РККА, являлся членом Особого совещания при Главкоме Вооруженных сил Республики.

Публикация В.А. АВДЕЕВА

(Продолжение следует)

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ в Великой Отечественной войне

УВИДЕЛА свет книга «Моряки-балтийцы в боях за Родину (1941—1945)»*, написанная по инициативе Союза ветеранов Балтийского флота совместно с учеными Калининградского регионального отделения Академии военно-исторических наук под руководством председателя Союза ветеранов Балтийского флота действительного члена Академии военно-исторических наук контр-адмирала в отставке Б.П. Нечитайло. Труд отражает богатый боевой опыт, накопленный в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Посвящен он 60-летию Великой Победы.

Особая ценность книги в том, что в ней опубликованы воспоминания участников войны, встретивших ее юношами и до сих пор продолжающих активную деятельность по обобщению опыта войны и военно-патриотическому воспитанию молодежи. Так, в статье «Прорыв кораблей и судов КБФ из Таллина в Кронштадт 28—29 августа 1941 года» (с. 62—81) ее автор — Ф.П. Еременко, встретивший войну курсантом 1-го курса ВВМУ им. М.В. Фрунзе, раскрывает малоизвестные стороны обороны Таллина и перехода кораблей флота в Кронштадт. Федор Парамонович является живым свидетелем этих событий, и свою статью он посвятил 2-й роте 1-го курса набора 1940 года ВВМУ им. М.В. Фрунзе, погибшей в Финском заливе на эсминце «Володарский» 28 августа 1941 года.

Основанную на достоверных архивных источниках статью «Торпедные катера Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне» (с. 166—200) значительно оживляют и делают интересной для читателя воспоминания одного из ее авторов — П.П. Белоуса — вице-адмирала в отставке, участника войны, члена комитета Союза ветера-

ранов Балтийского флота. Командиром «МО-38» встретил войну Михаил Давыдович Амусин — автор статьи «Записки раненого офицера» (с. 293—303), также живой свидетель ужасов, смертей и крови войны, ставшей для ее участников «самым чистым по патриотическому духу и самым справедливым временем». Предметом его статьи стали воспоминания о дозорной службе «морских охотников» в Финском заливе, полученном им ранении, лечении в госпитале и награждении орденом Красного Знамени в Георгиевском зале Кремля, который ему вручил в 1942 году М.И. Калинин.

Шестнадцатилетним школьником встретил войну Д.В. Кучин. В октябре 1941 года он поступил после эвакуации из Астрахани в Бакинское Военно-морское медицинское училище. Уже через год военфельдшером юноша был назначен в Отдельный батальон морской пехоты Каспийской военной флотилии, а в дальнейшем на канонерскую лодку «Н. Островский» Волжской военной флотилии. Особенности боевой деятельности флотилии в 1943 году отражены им, кстати, ныне живущим, в статье «Мы победу приближали как могли» (с. 346—355).

Героические и трагические страницы сражений в небе Балтики, тяжелейший труд технического состава истребительной авиации в годы войны с исторической достоверностью показан в статье «Кёнигсбергский истребительный авиаполк», автор которой Г.В. Мартыновский — участник описываемых событий (с. 356—378). Несколько расширяет территориальные рамки книги статья гвардии полковника в отставке, участника Великой Отечественной войны Олега Николаевича Поспелова «И на Тихом океане мы закончили поход» (с. 397—409), в которой автор повествует о завершающем периоде Второй мировой войны — разгроме Японии в 1945 году. Будучи курсантом, он находился на практике на 902-й батарее 3-го артиллерийского дивизиона Островного сектора береговой обо-

Обложка книги

роны ТОФ, когда по распоряжению командования флота 10 августа его и других курсантов откомандировали на десантные суда для пополнения боевых расчетов зенитных орудий. Высадка морского десанта в Сейсине стала настоящим испытанием для будущего офицера.

Многие статьи подготовлены на основе ранее проведенных научных исследований, но вполне лаконично и достоверно освещают отдельные аспекты развития военного искусства, боевой деятельности и структур советского Военно-морского флота в годы войны. Среди них статьи: В.Г. Егорова и В.А. Закатова «Организационная структура Краснознаменного Балтийского флота накануне и в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (с. 7—40), Б.П. Нечитайло «Развитие военно-морского искусства на Балтийском театре военных действий в Великой Отечественной войне» (с. 126—149), А.А. Римашевского и Ю.Г. Сопина «Влияние боевой подготовки надводных сил КБФ на решение боевых задач флота в Великой Отечественной войне» (с. 150—165), Н.Е. Хромова «Победные залпы подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны» (с. 201—221), В.С. Висовер и В.Г. Кикнадзе «Радиоразведка советского Военно-морского флота в Великой Отечественной войне» (с. 222—238), Б.М. Амусина и В.А. Колмогорова «Межтеатровый маневр силами ВМФ по внутренним водным путям в ходе Великой Отечественной войны» (с. 239—244), В.Г. Деревяго и М.Б. Урюпина «Инженерное обеспечение сил Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне» (с. 253—271) и др.

Интерес читателей, а также уважение ветеранов вызовут статьи, специально подготовленные авторами для данного издания и раскрывающие наиболее любопытные детали из истории флота в годы Великой Отечественной войны. К ним относятся работы Е.Н. Рукавишниковой «Боевые действия КБФ в ходе стратегической обороны» (июнь—июль 1941 года) (с. 41—61), В.П. Щеголева «Участие Краснознаменного Балтийского флота в оборонительных операциях Великой Отечественной войны: исторический аспект» (с. 82—97), Э.М. Соболева «Корабельная артиллерия эскадры Краснознаменного Балтийского флота в битве за Ленинград» (с. 98—125), И.Н. Кинякина «Военно-морское образование в СССР в годы Великой Отечественной войны» (с. 245—252), Е.Ф. Лосева «Питомцы Каспийского Военно-морского училища в Великой Отечественной войне» (с. 326—345), В.Г. Литвиненко «Я бы пошел с ними в разведку» (с. 307—325), С.А. Гурова «Инженеры-механики Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне» (с. 272—292) и В.С. Геманова «Знаменитая атака века» (с. 379—396).

Безусловно, подготовка столь обширного труда является заслугой редакционной коллегии книги (Б.М. Амусин, И.Н. Кинякин, Ю.Ю. Аристович, Г.А. Максимов, Н.Е. Хромов, В.Г. Кикнадзе), сумевшей подобрать удивительный по своему составу авторский коллектив из участников Великой Отечественной войны, ветеранов Балтийского флота и действующих офицеров. Не случайно, в предисловии книги, написанном командующим Балтийским флотом адмиралом В.П. Валувевым, сказано, что «флотская общечеловеческая, ветераны ВМФ, все интересующиеся историей флота и любящие его получили прекрасный подарок: военно-исторический труд, написанный компетентным авторским коллективом...».

Содержание, насыщенный иллюстративный ряд и доступный стиль изложения делают книгу привлекательной как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся историей России.

А.Б. СЕЛИФАНОВ

* Моряки-балтийцы в боях за Родину (1941—1945) / Б.П. Нечитайло, В.Г. Егоров, Б.М. Амусин и др.; Союз ветеранов Балт. флота, Калинингр. регион. отделение Академии военно-истор. наук. Калининград: Янтар. сказ, 2005. 420 с.

ОКОПНЫЙ ГЕНЕРАЛ А.Е. СНЕСАРЕВ ВЕРНО СЛУЖИЛ ОТЕЧЕСТВУ

ИСТОРИК, писатель и краевед А.Я. Морозов посвятил своему выдающемуся земляку — крупному военачальнику, известному ученому, человеку с очень непростой судьбой — Андрею Евгеньевичу Снесареву новую книгу*. Много лет Алим Яковлевич с особой тщательностью собирал для нее материал. Свой труд он сравнил с крестьянским одеялом, сшитым «из множества “лоскутков” дневниковых записей, писем и воспоминаний» (с. 198). В книге читатель встретит примечательные факты, связанные с каждым, можно сказать, этапом жизни незаурядного человека: детством, студенческими годами, разведывательной, дипломатической, исследовательской, военной службой. Вряд ли оставят кого равнодушным запоминающиеся подробности об участии окопного генерала в Первой мировой войне, о том, как он воспринял Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года, о его послереволюционной деятельности, о необоснованном аресте, об испытаниях в Свирских лагерях и на Соловках, о тяжелой болезни и смерти. Сведения обо всем этом А.Я. Морозов почерпнул из дневников и писем генерала, а также рукописей его дочери — Е.А. Снесаревой.

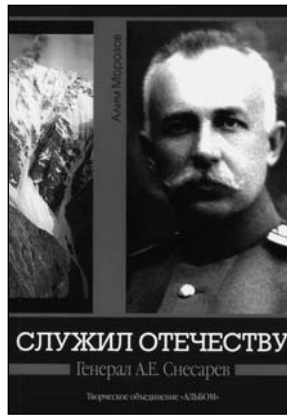
Родился А.Е. Снесарев 1(13) декабря 1865 года в слободе Старая Калитва Воронежской губернии. Учение начал в Камышевской церковно-приходской школе (там преподавал отец), затем окончил Нижне-Чирскую прогимназию и Новочеркасскую гимназию, где стали проявляться его математические способности. Сын простого священника, он не только смог выдержать

вступительные экзамены в Императорский Московский университет на отделение математических наук физико-математического факультета, но и стать одним из лучших студентов.

Сразу после окончания университета Андрея Евгеньевича зачислили рядовым в 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский его величества Александра III полк, что и предопределило дальнейшую судьбу будущего генерала. Решив остаться в армии, он поступил в Московское пехотное училище. Впрочем, здесь проявился и еще один талант А.Е. Снесарева — певческий. Благодаря хорошему слуху и красивому голосу он стал солистом пользовавшегося популярностью училищного хора. Многие даже прочили ему карьеру оперного певца, однако это не повлияло на его окончательный выбор. Пение осталось любимым увлечением.

Из книги можно узнать и о небольшом периоде жизни Снесарева, связанном с журналистской деятельностью: ему довелось редактировать журнал «Чтение для солдат», принимать активное участие в выпуске газеты «Голос Правды», поднимать на страницах печатных изданий насущные вопросы армейской жизни.

Февральскую революцию 1917 года генерал А.Е. Снесарев рассматривал больше в нравственном аспекте, нежели в политическом и социальном. Он глубоко переживал за судьбу армии и страны, что видно из его писем и дневниковых записей, вошедших в книгу (с. 114—121). Не оставили его тревожные мысли и переживания и после падения Временного правительства. Наделенный даром исторического предвидения, он еще в июне 1917-го, т.е. до Октябрьской революции и до жестокого

Обложка книги

вооруженного столкновения двух враждующих в расчлененной на части России сил — белой и красной, писал: «Класс встает на класс, и, если кончится мировая война — начнется гражданская...» (с. 135).

Так и получилось. В этой, предсказанной им самим, круговерти он по зову сердца и совести определил свое место там, где оказалось большинство трудового народа: царский генерал встал на сторону Советской власти.

Генерал Снесарев служил и никогда не прислуживался. Из его дневниковых записей, нашедших место на страницах книги, видно, что он всегда добросовестно выполнял свой долг перед Отечеством.

Вскоре Андрей Евгеньевич стал думать о профессорской деятельности, а в июле 1919 года возглавил Академию Генерального штаба, которую пришлось заново возрождать. Он сделал очень много по поддержанию и устройству некогда элитного учебного заведения: сформировал талантливый педагогический состав, занимался обновлением учебной программы, налаживал непрерывный учебный процесс и более или менее сносный по тому времени быт слушателей и преподавателей. При этом Снесарев не прекращал собственную научную деятельность: писал статьи, читал лекции, в том числе и публичные, занимался переводами (он мог говорить и писать на четырнадцати языках), издал книгу «Афганистан».

Однако в августе 1921-го ученого освободили от обязанностей начальника, оставив в должности профессора. Такое решение, казалось, не предвещало репрессивных мер, поскольку семь лет спустя Снесареву присвоили звание Героя Труда, но 27 января 1930-го его неожиданно арестовали. Высшая мера наказания ему была заменена десятилетним сроком заключения. В 1934 году Снесарев тяжело заболел. «Андрею Евгеньевичу пришлось заново учиться ходить, восстанавливать нарушенную речь». Восхищаясь выдержкой и мужеством своего героя, автор книги писал: «Он проявил недюжинную волю в борьбе с недугом» (с. 195). В сентябре того же года Снесарев освободился из заключения «условно-досрочно по состоянию здоровья» (с. 195).

Вскоре, так и не оправившись от тяжелой болезни, Андрей Евгеньевич скончался, и лишь почти тридцать лет спустя после его смерти Военная коллегия Верховного суда СССР выдала справку дочери генерала о том, что дело по его обвинению пересмотрено, а сам Андрей Евгеньевич реабилитирован посмертно.

Заканчивая свою книгу о знаменитом земляке послесловием, А.Я. Морозов выразил большую благодарность Анне Андреевне Комиссаровой, внучке генерала, за предоставленные ему из семейного архива Снесаревых редкие документы и материалы. Думается, что они также с интересом будут восприняты читателями, как и многочисленные публикации А.Е. Снесарева и об А.Е. Снесареве в «Военно-историческом журнале»**.

** См.: Воен.-истор. журнал. 1965. № 2. С. 47—57; № 8. С. 118—124; 2000. № 1. С. 72—84; 2001. № 9. С. 30—34; № 12. С. 62—67; 2002. № 2. С. 42—49; № 3. С. 53—60; № 11. С. 62—65; 2003. № 1. С. 64—69; № 2. С. 51—57; № 3. С. 40—46; № 8. С. 35—40; № 9. С. 33—36; № 10. С. 41—45; № 11. С. 51—57; 2004. № 3. С. 33—38; № 4. С. 38—43; № 6. С. 47—50; № 7. С. 35—37; № 8. С. 32—38; № 9. С. 18—22; № 10. С. 49—53; № 11. С. 51—56.

О.А. ЗНАМЕНСКАЯ

* Морозов Алим. Служил Отечеству: Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2005. 200 с., ил.

ШТУРМОВЫЕ ВИНТОВКИ МИРА

ОСНОВАНИЕМ к написанию как этой столь примечательной книги*, так и других односторонних с ней научно-популярных работ, вышедших в России и Великобритании, послужили, можно сказать, техническое образование и опыт армейской службы их автора. Значительную роль сыграл и его давний интерес к избранной теме, которая веками не теряет своей значимости.

Злободневна эта тема и в наши дни. Непрерывное развитие тактики боевых действий, вызванное непрекращающимися в мировом масштабе вооруженными конфликтами, приводит в свою очередь к необходимости создания новых видов оружия и современных подходов к его боевому применению в различных условиях. Конструкторы на базе уже существующего и хорошо зарекомендовавшего себя в деле вооружения создают в различных точках земного шара не только модификации известных образцов, но и принципиально новое оружие. Исследователи в то же время изучают и популяризируют конструкторский опыт прошлых лет, обобщают новые идеи, делают предположения о развитии технической мысли в будущем. Вот и в данной книге представлены не только исторические тенденции технического совершенствования автоматического оружия и его боеприпасов, но и перспективные разработки современных конструкторов, последовательно рассматривается и серийное оружие, находящееся на вооружении современных армий мира, и то, что по тем или иным причинам не попало на производственный конвейер, подробно освещаются интереснейшие прототипы известных образцов, оригинальные проекты и смелые решения. Читатель имеет возможность познакомиться и

* *Попенкер М.Р.* Штурмовые винтовки мира. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: «Изд-во «Полигон»», 2004. 304 с., ил.

Обложка книги

с историей создания тех или иных видов штурмовых винтовок, и с обстоятельным описанием их устройства, и с малоизвестными именами создателей оружия, и с любопытными историческими фактами. Помогало автору в работе сотрудничество с различными российскими оружейными журналами, а также владение одним из наиболее популярных сайтов в интернете, посвященных стрелковому оружию.

Первая часть книги содержит обширный вводный материал, дающий обзор развития автоматов и штурмовых винтовок в мире, анализ перспективных тенденций развития этого вида вооружения. Вторая часть представляет собой справочные материалы по оружию, созданному за последние 60 лет. Удобные для поиска материалы скомпонованы автором по принципу принадлежности описываемых образцов к тем или иным странам, где эти образцы были разработаны.

Каждая модификация оружия наглядно проиллюстрирована (более 200 ил.), достаточно подробно описана с приведением полужительных и отрицательных параметров, с обстоятельным сравнительным анализом различных образцов.

Несмотря на большое количество рассматриваемых типов штурмовых винтовок, материал легко усваивается. Технические термины не мешают восприятию текста, язык доступен широкому кругу читателей.

В.В. СЫСОЕВ

А.А. СВЕЧИН ОБ ИСКУССТВЕ ВОЖДЕНИЯ ПОЛКА

ВЫШЕЛ в свет труд* выдающегося русского военного ученого Александра Андреевича Свечина (1872—1938 гг.), крупнейшего классика отечественной военной мысли, который теорию ведения войны познавал в процессе обучения, практику — на полях сражений. На основе собственного боевого опыта, недюжинных способностей и глубоких теоретических знаний, а также кропотливой исследовательской работы А.А. Свечин написал более двадцати книг.

Настоящая книга — это описание действий 6-го Финляндского стрелкового полка в годы Первой мировой войны под командованием полковника, затем генерал-майора А.А. Свечина. Главными персонажами рассматриваемого произведения стали солдат и прапорщик. Не случайно и то, что Свечин в «Искусстве вождения полка» использует дневники воевавших под его началом прапорщика В.К. Триандафиллова и рядового, ставшего младшим унтер-офицером Штукатурова.

Автор повествует о боевой действительности осознанно и объективно, ничего не приукрашивая, выявляя ошибки, допущенные не только высшим командованием, но и свои собственные, обстоятельно раскрывая тем самым специфику механизма управления войсками.

Изначально «Искусство вождения полка» представляло собой издание в двух томах. Судьба второго тома никому не известна, он бесследно исчез. Эта же книга представ-

* *Свечин А.А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914—1918 гг. / Вступ. ст. И.С. Даниленко. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2005. 448 с.

Обложка книги

ляет собой переиздание 1-го тома в том виде, в каком он впервые увидел свет в 1930 году.

Труд, хотя и написан в стиле воспоминаний, не имеет чисто мемуарного характера. Состоит он из двух основных частей. Первая часть («Основные линии») представляет собой рассказ о самом авторе, о том, каким образом он стал командиром 6-го Финляндского стрелкового, о его знакомстве с командным составом, жизнью и бытом вверенной ему части. Вторая («Потухшие вулканы») — описание непосредственной боевой деятельности полка под командованием Свечина. Предваряют основную текст биографическая статья «Борец против лжи и безмолвия» и предисловие к первому изданию — одна из критических рецензий, которые сопутствовали первому выходу книги.

Особое внимание следует уделить статье «Безмолвный фронт», которая стоит особняком в труде. Это крик души автора о той составляющей основную силу войны, которая всегда остается в тени и, выступая основным творцом фронтового успеха, зачастую становится главной жертвой неудачи или победы.

«Искусство вождения полка» — это не просто книга о войне, это правдивое и обстоятельное исследование действий армии с глубоким пониманием природы и общего хода конкретной войны.

А.В. МЕДВЕДЕВА

• ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ •

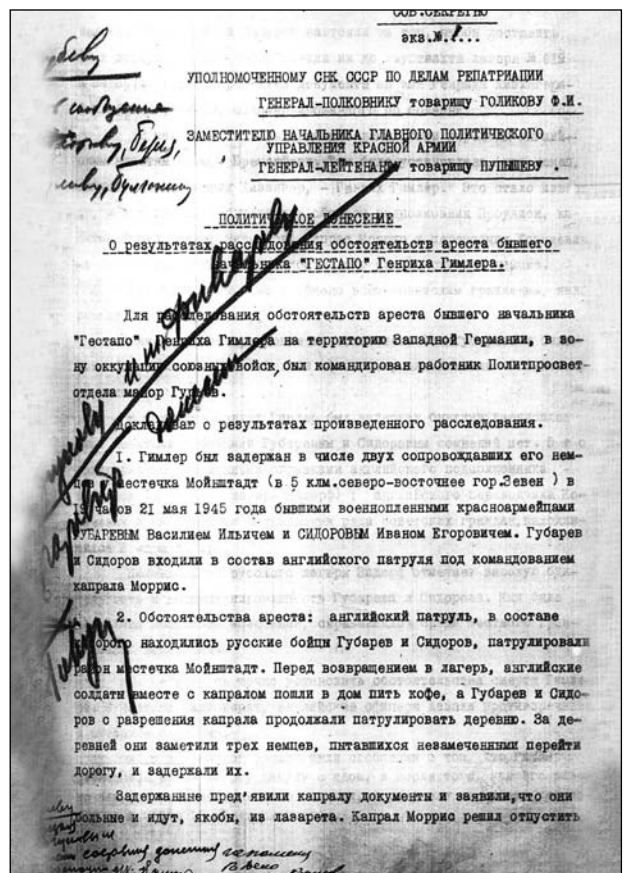
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ АРЕСТЕ ГИММЛЕРА

В февральском номере нашего журнала была опубликована статья*, название которой прямо говорит о ее содержании: «Правда об аресте Гиммлера». Читатели не только быстро откликнулись на публикацию, но и стали присылать известные им новые сведения по данному вопросу. Один из таких материалов, поступивших в редакцию от сотрудницы Государственного архива Российской Федерации О.Н. Косенко, мы сегодня и публикуем в качестве дополнения к статье А.И. Симонова.

ИСТОРИЯ ареста Генриха Гиммлера¹ в зарубежной и отечественной историографии освещается по-разному. Согласно точке зрения западных историков Гиммлер был задержан британскими властями 22 мая 1945 года на контрольно-пропускном пункте на мосту у г. Бремерверде². В советской печати немногочисленные статьи повествовали о том, что за день до этой даты рейхсфюрер СС был схвачен бывшими пленными красноармейцами³. И лишь недавно этот факт был подтвержден опубликованными материалами из Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ)⁴. Хотя эти документы в некоторых моментах противоречивы, тем не менее они достаточно полно воссоздают картину последних дней жизни Гиммлера.

21 мая 1945 года около 19 часов бывшие советские военнопленные В.И. Губарев⁵ и И.Е. Сидоров⁶ задержали Гиммлера и сопровождавших его адъютантов Гротмана и Махера, в то время как английские солдаты, также входившие в состав патруля, пили кофе в Мейнштедте. Немцы были отконвоированы до гауптвахты лагеря № 619 в Зеедорфе, где и провели ночь. 22 мая их направили в г. Бремерверде, а затем — в лагерь интернированных 30-го корпуса английской армии в Вестертимке. 23 мая подозрительных лиц доставили в лагерь № 031 возле г. Люнебурга, где Гиммлер на-

* Симонов А.И. Правда об аресте Гиммлера // Воен.-истор. журнал. 2006. № 2.

Оригинал первой страницы документа № 1

звал себя — его личность была подтверждена офицером контрразведки штаба 2-й британской армии. Вечером того же дня рейхсфюрера СС повезли на новый допрос в управление контрразведки 2-й британской армии в г. Люнебург. Там во время личного досмотра он раздавил зубами ампулу с цианистым калием. Спустя 15 минут, в 23 ч 4 мин он умер.

24 мая⁷ английский переводчик Ковачевич сообщил всем советским гражданам сборного пункта в Зеедорфе, в том числе И. Сидорову и В. Губареву, что один из арестованных ими 21 мая немцев оказался Г. Гиммлером. При последующем прибытии в лагерь новых групп британских солдат советские репатрианты подтверждали, что Гиммлер был задержан Сидоровым и Губаревым.

Публикуемые сегодня документы относятся к части фонда «Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации» (Ф. Р-9526сч. Оп. 6), хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), и в отличие от опубликованных по этой теме материалов из ЦА ФСБ РФ имеют точную ссылку на место хранения. Именно в фонде Управления по делам репатриации первоначально отложилось «Дело о задержании Гимmlера», позже переданное в Главное управление военной контрразведки (ГУКР).

На документе № 1 имеются: резолюция Ф.И. Голикова⁸ на имя своего заместителя о подготовке сообщений об аресте Гимmlера В.М. Молотову, Л.П. Берии, В.С. Абакумову, Н.А. Булганину, а также соответствующая отметка об исполнении документа и направлении его в дело. Следовательно, пока остаются неизвестными решения наркомов иностранных, внутренних дел и наркома обороны⁹ по этому вопросу, хотя есть основания полагать, что сообщения уполномоченного по репатриации указанным адресатам сохранились в архивах, но они пока неизвестны или недоступны исследователям.

Документ № 2 свидетельствует о том, что в мае 1946 года Сидоров и Губарев все еще находились в Московском сборно-пересыльном пункте, то есть не менее 9 месяцев. Однако ходатайство Управления по делам репатриации о направлении бывших военнопленных к месту жительства указывает на исключение из правил в данном вопросе, поскольку к местам прежнего или вновь установленного жительства направлялись бывшие военнослужащие Красной армии, прошедшие проверку в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ НКВД СССР) и признанные негодными к службе, а также нетрудоспособные инвалиды, больные неизлечимым недугом (при отсутствии на них материалов о конкретных преступлениях). Остальные военнопленные направлялись в рабочие батальоны и в постоянные кадры промышленности, на спецпоселение или подлежали аресту и суду.

Документ № 1

Политическое донесение начальника политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации полковника Г.С. Логунова уполномоченному по делам репатриации генерал-полковнику Ф.И. Голикову и заместителю начальника Главного политического управления Красной Армии генерал-лейтенанту Н.В. Пупышеву о результатах расследования обстоятельств ареста рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера¹⁰

6 августа 1945

Экз. № 1

Для расследования обстоятельств ареста бывшего начальника гестапо Генриха Гимmlера на

территории Западной Германии в зону оккупации союзных войск был командирован работник политпросветотдела майор [Л.Г.] Гурьев.

Докладываю о результатах произведенного расследования.

1. Гимmlер был задержан в числе двух сопровождавших его немцев у местечка Мойнштадт¹¹ (в 5 км северо-восточнее г. Зевен¹²) в 19 часов 21 мая 1945 года бывшими военнопленными красноармейцами Губаревым Василием Ильичем и Сидоровым Иваном Егоровичем. Губарев и Сидоров входили в состав английского патруля под командованием капрала Моррис[а].

2. Обстоятельства ареста: английский патруль, в составе которого находились русские бойцы Губарев и Сидоров, патрулировал район местечка Мойнштадт. Перед возвращением в лагерь английские солдаты вместе с капралом пошли в дом пить кофе, а Губарев и Сидоров с разрешения капрала продолжали патрулировать деревню. За деревней они заметили трех немцев, пытавшихся незамеченными перейти дорогу, и задержали их.

Задержанные предъявили капралу документы и заявили, что они больные и идут якобы из лазарета. Капрал Моррис решил отпустить немцев. Но Губарев и Сидоров настояли на том, чтобы доставить их в лагерь, и сами конвоировали их до гауптвахты лагеря № 619 в Зидорф¹³. Гимmlер предъявил документы на имя Генриха Хизингера¹⁴ — фельдфебеля, якобы откомандированного по болезни.

22 мая 1945 года задержанные немцы были переданы английским властям в г. Бремерферд¹⁵. Там было установлено, что немец, по документам Генрих Хизингер, — Генрих Гимmlер. Это стало известно, как заявляют английские офицеры подполковник Проудлок, капитан Фроуд, майор Нидерсон, капрал Моррис и переводчик Ковачевич, в ночь с 23 на 24 мая со слов одного из задержанных немцев¹⁶.

Это было тотчас же сообщено всем советским гражданам, находящимся в лагере Зидорф¹⁷.

Фамилии, месторождения и местожительства Губарева и Сидорова были записаны английскими офицерами для доклада английскому командованию.

В том, что Генрих Гимmlер был задержан бывшими советскими военнопленными советскими бойцами Губаревым и Сидоровым, сомнений нет. Это подтверждено письменными справками английского подполковника Проудлок[а] (начальник[а] лагеря Зидорф), английского переводчика Ковачевич[а] и письменными показаниями ряда советских граждан, находившихся в этом лагере.

Командование русского лагеря Зидорф отмечает высокую бдительность и дисциплинированность Губарева и Сидорова. Ими было задержано несколько эсэсовцев, скрывавшихся среди местного гражданского населения.

3. Не удалось точно установить обстоятельства смерти Гимmlера. В частных разговорах английские офицеры давали противоречивые и путанные сведения.

а) В английской печати были сообщения о том, что Гимmlер держал все время во рту ампулу с ядом, и после того как его разоблачили, во время

медицинского осмотра он раздавил ее зубами, проглотил яд и через 15 минут скончался.

б) Английский переводчик Ковачевич рассказал, что у Гиммлера еще на гауптвахте обнаружили какие-то таблетки. Гиммлер заявил, что это лекарство от желудочной боли, и ему оставили их. Во время допроса в Бремерферде Гиммлер якобы проглотил эти таблетки и отравился.

в) Капрал Моррис рассказывал советским репатриантам, что при обыске Гиммлера на гауптвахте в Зидорфе он обнаружил у него две ампулы с жидкостью и хотел их изъять. Гиммлер заявил, что это лекарство от желудочной боли, и ему их оставили. В Бремерферде якобы Гиммлер проглотил эти ампулы и через 15 минут умер.

г) Место погребения останков Гиммлера никто не знает. По сообщению английской печати, Гиммлер похоронен в безымянной могиле. Подполковник Проудлок рассказывал советским гражданам, что Гиммлер похоронен у города Бремерферде. Капитан Фроуд уверяет, что останки Гиммлера увезены и преданы земле в г. Люденбург¹⁸. Переводчик Ковачевич сообщает о том, что могила Гиммлера находится якобы в каком-то местечке около города Люденбурга, а майор Андерсон рассказывает, что Гиммлера похоронили в густом лесу, где-то в 25 километрах от города Люденбурга.

ВЫВОДЫ

1. За проявленную высокую бдительность Губарев Василий Ильич и Сидоров Иван Егорович, находящиеся сейчас в Москве, в Московском военном-пересыльном пункте, заслуживают награждения.

2. Обстоятельства отравления и место погребения Гиммлера объясняются различно. Необходимо через разведывательные органы путем агентурной проверки установить — отравился ли в действительности Гиммлер, или отравление его инсценировано.

**Начальник политпросветотдела
Управления уполномоченного СНК СССР
по делам репатриации
полковник ЛОГУНОВ**

Резолюции:

1) Голубеву¹⁹. Подготовить сообщения Молотову, Берия, Абакумову, Булганину. Голиков. 6.8.[1945]

2) Логунову и т. Филатову²⁰. Подготовить донесение. Голубев.

3) Ванееву²¹. Поговорить с тов. Логуновым в отношении составления донесения по резолюции 9/8 [1945]. Филатов.

Пометы:

1) Получено в 23.00 9.8 [1945]. 9/8[1945]. Филатов.

2) Исполнено. В дело. П[од]п[олковник] Куликов²².

ГА РФ. Ф. Р-9526сч. Оп. 6. Д. 89. Л. 15—17. Подлинник. Машинопись.

Документ №2

**Донесение начальника политпросветотдела
Управления уполномоченного СМ СССР
по делам репатриации полковника
Г.С. Логунова начальника Сборно-пересыльного
пункта г. Москвы
полковнику Горячеву²³ с просьбой
демобилизовать красноармейцев
И.Е. Сидорова и В.И. Губарева, задержавших
Г. Гиммлера²⁴**

18 мая 1946 г.

Экз. № 2

Специальным расследованием установлено, что красноармейцы (бывшие военнопленные) Сидоров Иван Егорович 1920 года рождения и Губарев Василий Ильич 1916 года рождения, неся патрульную службу на территории Западной Германии (около местечка Зидорф²⁵), проявляли исключительную бдительность. Они задержали несколько скрывавшихся гитлеровцев, в том числе начальника гестапо Генриха Гиммлера, и передали их командованию союзных войск.

За время нахождения в группе репатриации 2-й Ударной армии 2-го Белорусского фронта Сидоров и Губарев показали себя дисциплинированными, исполнительными и выдержанными красноармейцами.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР²⁶ оформите демобилизацию красноармейцев Сидорова И.Е. и Губарева В.И. из рядов Красной Армии и направьте их к постоянному месту жительства с соответствующими личными документами.

**Начальник политпросветотдела
Управления уполномоченного Совета Министров
СССР по делам репатриации
полковник ЛОГУНОВ**

В е р н о: старший лейтенант ОБЕЗ

П о м е т ы: Политпросвет[отдел]. Стромынка № 3227.

ГА РФ. Ф. Р-9526сч. Оп. 6. Д. 241. Л. 171. Заверенная копия. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гиммлер Генрих (1900—1945), рейхсфюрер СС, с 1929 г. — глава войск СС (охранных отрядов нацистской партии). С 1936 г. — начальник полиции Германии. Направлял и контролировал деятельность созданного им в 1939 г. главного управления имперской безопасности (РСХА), в состав которого входило руководство уголовной полиции, гестапо и СД. С 1943 г. — министр внутренних дел, в 1944 г. одновременно возглавлял «Армию резерва», командовал армией «Верхний Рейн» на Западном фронте, а в январе—марте 1945 г. — группой армий «Висла» на советско-германском фронте.

² Hugh Thomas. SS1. The Unlikely Death of Heinrich Himmler. London: Fourth Estate, 2001. P. 149; Мэнвелл Р. Знаменосец «Черного ордена» Гиммлер. М.: Центрполиграф, 2000. С. 382—388.

³ Гиммлера поймали наши солдаты. Выдержки из сохранившейся в архивах записи рассказа советского солдата В. Губарева

ва о задержании им Гимmlера, из ряда других архивных материалов, восстанавливающих этот исторический факт // Известия. 1964. 26 сентября; Шумихин В. Человек, поймавший Гимmlера. О рядовом запаса В.И. Губареве // Красная звезда. 1964. 4 октября.

⁴ Последние дни Гимmlера. Новые документы из Центрального архива ФСБ РФ. Предисловие А.М. Калганова и Б.Л. Хавкина // Новая и новейшая армия. 2001. № 1. С. 129—151.

⁵ Губарев Василий Ильич. Родился в 1916 г. в Жаржавинской слободе (Фабричный сельсовет) Сапожковского р-на, Рязанской обл. С 1939 г. в Красной армии, служил в 363-м артиллерийском полку в г. Тульчине (Винницкая область). 8 сентября 1941 г. попал в плен (в Запорожской обл.). Находился в лагерях в Днепрпетровске, Дрогобыче, Оснабрюке. Освобожден союзными войсками 4 мая 1945 г., после чего находился в сборном пункте № 619 в г. Зеedorфе. В 1945 г. репатрирован в СССР, где успешно прошел госпроверку. Сведений о дальнейшей его судьбе в документе нет.

⁶ Сидоров Иван Егорович (1920—1979) — родился в с. Ключи, Широко-Карамышенского р-на, Саратовской обл. С 7 июня 1941 г. в Красной армии, служил в стрелковом полку, в батарее 120-мм минометов. 17 августа 1941 г. на станции Хальч (Белорусская ССР) попал в плен. Находился в лагерях в Бобруйске, Барановичах, Острове, Торне, Маленбурге и Эльбинге. Освобожден союзными войсками 29 апреля 1945 г. в лагере «Сапшост». После освобождения находился в сборном пункте № 619 в г. Зеedorфе. В 1945 г. вернулся на родину, прошел госпроверку.

⁷ По другим данным 25 мая.

⁸ Голиков Филипп Иванович (1900—1980), в Красной армии с 1918 г., с июля 1940 г. — заместитель начальника Генштаба — начальник Разведывательного управления. Во время войны служил в действующей армии, был на военно-дипломатической и военно-административной работе. С 1944 г. уполномоченный СНК СССР по делам репатриации. В 1958—1962 гг. — начальник Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота. В 1961 г. удостоен маршальского жезла, с 1962 г. — генеральный инспектор Министерства обороны СССР.

⁹ Донесение Ф.И. Голикова В.С. Абакумову опубликовано. См.: Последние дни Гимmlера... С. 145, 146.

¹⁰ Авторский заголовок: «Политическое донесение о результатах обстоятельств ареста бывшего начальника «Гестапо» Генриха Гимmlера». В оригинале текста документа — «Гимmlер».

¹¹ Мейнштедт (Meinstedt) — здесь и далее неточные транскрипции немецких географических названий.

¹² Цевен (Zeven).

¹³ Зеedorф (Seedorf).

¹⁴ Точная транскрипция фамилии — Хитцингер (Hitzinger).

¹⁵ Бремервёрде (Bremervörde).

¹⁶ Личность Гимmlера была установлена 23 мая.

¹⁷ 24 или 25 мая переводчик Ковачевич сообщил советским гражданам, находившимся в лагере Зеedorф, что один из задержанных В. Губаревым и И. Сидоровым 21 мая немцев оказался Г. Гимmlером.

¹⁸ Люнебург (Lüneburg).

¹⁹ Голубев Константин Дмитриевич (1896—1956) — генерал-лейтенант, заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (1944—1949).

²⁰ Филатов Н.А. — полковник, начальник отдела по работе за границей Управления по делам репатриации, с августа 1945 г. заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

²¹ Вансеев В.Н. — полковник, начальник направления по Германии Управления по делам репатриации.

²² Куликов П.Ф. — подполковник, сотрудник отдела по работе за границей Управления по делам репатриации.

²³ Инициалы установить не удалось.

²⁴ Авторский заголовок: «Начальнику СПП города Москвы полковнику товарищу Горячеву».

²⁵ Точная транскрипция — Зеedorф (Seedorf).

²⁶ Имеется в виду один из указов Президиума ВС СССР о демобилизации от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии»; от 25 сентября 1945 г. (демобилизация второй очереди); от 20 марта 1946 г. (демобилизация третьей очереди).

Помета написана перед заголовком документа рукой сотрудника политпросветдела Управления по делам репатриации старшим лейтенантом В.С. Обезом. Дом № 32 по ул. Стромьнке с 1941 по середину 1946 г. находился в ведении Московского военного округа.

Публикация О.Н. КОСЕНКО

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ •

КРЕЙСЕР

«КРАСНЫЙ КАВКАЗ»

В МАЕ 1916 года — 90 лет назад — на Николаевской судостроительной верфи «Руссуд» был спущен на воду заложенный в октябре 1913 года легкий крейсер «Адмирал Лазарев». Достраивался он после окончания Гражданской войны и в состав Черноморского флота вошел 25 января 1932 года под новым названием «Красный Кавказ». Водоизмещение 9 тыс. т, скорость 29 узлов (53,7 км/ч), длина 169,5 м, ширина 15,7 м, осадка 6,6 м. Вооружение: 4 180-мм, 12 100-мм, 2 76,2-мм, 4 45-мм и 10 37-мм орудий, 6 12,7-мм пулеметов, 4 трехтрубных торпедных аппарата, 100 морских якорных мин. Экипаж — 878 человек.

Крейсер участвовал в первых заграничных походах: осенью 1933 года совершил плавание в Италию с заходом в порты Турции и Греции. Во время Великой Отечественной войны корабль, действуя в составе Черноморского флота, ставил минные заграждения, сопровождал транспорты, в октябре 1941 года участвовал в эвакуации войск из Одессы в Крым, перевозил войска в осадженный Севастополь и эвакуировал из него раненых. Крейсер принимал активное участие в высадке десанта у д. Григорьевки 22 сентября и в порт Феодосия 29 декабря 1941 года. «Красный Кавказ» одним из первых в ВМФ 3 апреля 1942 года был удостоен гвардейского звания. В октябре 1942 года участвовал в срочной переброске войск из Поти в Туапсе с целью ликвидации угрозы прорыва гитлеровцев к Черному морю на туапсинском направлении. В сентябре 1943 года корабль участвовал в совместной операции войск Северо-Кавказского фронта и сил Черноморского флота по освобождению города и порта Новороссийск, действуя в составе сил прикрытия и поддержки морского десанта. В мае 1947 года «Красный Кавказ» стал учебным, в 1949 году он был передан в отряд опытовых судов, а в 1955-м исключен из состава ВМФ. Во время Великой Отечественной войны кораблем командовали капитан 2 ранга, со 2 марта 1942 года капитан 1 ранга А.М. Гуштин (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.); капитан 2 ранга В.Н. Ерошенко (с ноября 1942 г. до конца войны). В 1967 году имя «Красный Кавказ» унаследовал большой противолодочный корабль Черноморского флота, построенный также в Николаеве. БПК «Красный Кавказ» был исключен из состава ВМФ в 1998 году.

Летчик-штурмовик А.В. Демехин: «ГОВОРЯТ, Я СОВЕРШИЛ ПОДВИГ...»

ФРОНТОВАЯ весна сорок четвертого года. Ничто уже не могло спасти фашистов от неминуемого полного поражения. Советские летчики успешно громили врага в воздушных боях, уничтожали его самолеты и другую технику на аэродромах, проявляя при этом смелость, находчивость и героизм. Вот что писала армейская газета «Сталинский воин» 17 марта о подвиге, совершенном летчиками 503-го штурмового авиационного полка (206-я штурмовая авиационная дивизия, 7-й штурмовой авиационный корпус, 8-я воздушная армия, 4-й Украинский фронт): «Штурмовики, которых вел лейтенант Андрей Демехин, крепко ударили по вражескому аэродрому. Ни сильный огонь зениток, ни атаки немецких истребителей, ни плохая погода не помешали им отлично поразить цель! Уже на обратном пути штурмовики заметили, как в нескольких километрах от аэродрома противника сел один из советских истребителей. Машина была подбита зенитками. Штурмовики видели, как советский “ястребок” вспыхнул и из него поспешно выскочил летчик. Из четырех ближайших деревень к месту посадки советского истребителя спешили гитлеровцы. Некоторые из них ехали верхом на лошадях. Боевому товарищу грозила большая опасность. Штурмовики мгновенно приняли решение — спасти друга. Образовали круг, а младший лейтенант Владимир Милонов, выпустив шасси, пошел на посадку. Внизу перепаханное поле, неизвестный по прочности грунт. Самолет немного пробежал, а потом резко развернулся влево и сразу остановился. Летчик вылез из кабины. Оказалось, спустило простреленное фашистами левое колесо. Взлетать на таком самолете нельзя. Тем временем два других штурмовика, кружась, наблюдали за товарищами. Они увидели, что вслед за одним советским самолетом попал в беду и другой. Тогда лейтенант Демехин передал по радио своему ведомому младшему лейтенанту Петру Ключеву: “Иду на посадку, прикройте!”. Он приземлился вблизи двух самолетов, но и его машина застряла в размокшем грунте. Неимоверными усилиями летчикам и стрелкам удалось выкачать тяжелую машину на проходящую рядом дорожку. Отсюда можно и взлетать. Но их нагоняют трое немецких всадников, совсем близко и пешие фашисты! Видя это, младший лейтенант Петр Ключев и его воздушный стрелок сержант А. Князев открыли по фашистам огонь и задержали их. Тем временем летчик-истребитель младший лейтенант И. Стопа и младший лейте-

нант В. Милонов сели в кабину стрелка. Воздушный стрелок Демехина старший сержант Н. Разгоняев приспособился на подкосе левой стойки шасси, а стрелок Милонова старший сержант Н. Хирный — на подкосе правой стойки шасси. Самолет сделал разбег и оторвался от земли».

Десятки километров пролетел штурмовик с необыкновенной нагрузкой и с выпущенными шасси, а затем совершил благополучную посадку на ограниченной площадке. Самолет и люди были спасены. И когда А.В. Демехина спросили, как он оценивает свой поступок, он сказал: «Говорят, я совершил подвиг. По-моему, я только выполнил долг советского воина». Его мысль дополнил лейтенант П.Н. Ключев: «Мы всегда помним запovedь великого русского полководца А.В. Суворова: “Сам погибай, а товарища выручай”. Этой заповеди мы всегда будем верны». Вскоре после необычного полета лейтенанту Андрею Васильевичу Демехину было присвоено звание Героя Советского Союза¹.

Биография героя проста. Андрей Демехин родился 6 декабря 1921 года в селе Думиничи (ныне поселок городского типа) Думиниченского района Калужской области в семье рабочего². В 1924 году семья переехала в Ворошиловград. В 1937 году Андрей окончил семилетку и поступил работать на завод «20 лет Октября», на котором его отец работал литейщиком. Юноша работал слесарем-лекальщиком и одновременно без отрыва от производства учился в аэроклубе, который окончил в 1938 году. С 1939 года, вплоть до поступления в 1941 году³ в Энгельскую авиашколу пилотов, он работал на заводе № 60. После окончания в декабре 1942 года авиашколы его направили пилотом в 503-й штурмовой авиационный полк (503 шап), который вел боевые действия на Сталинградском фронте. Там летчик-штурмовик Андрей Демехин произвел 22 успешных боевых вылета на одноместном Ил-2 и был награжден орденом Красной Звезды. 25 января 1944 года лейтенант Демехин назначается заместителем командира эскадрильи. В том же году он награждается двумя орденами Красного Знамени за боевую работу на Северо-Кавказском и Южном фронтах. Всего им совершено 118 боевых вылетов. Как участник борьбы за Мелитополь Демехин был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза^{*}. В боевой характеристике командир 503 шап отмечал, что «лейтенант Демехин А.В. — отличный летчик-штурмовик, при выполнении заданий проявляет находчивость, дерзок и настойчив. В Сталинграде, несмотря на большое сопротивление истребителей и зенитной артиллерии противника, над целью работал до 30 минут, выполняя боевой приказ, подчас на сильно поврежденном самолете,

* Звание Героя Советского Союза присвоено А.В. Демехину 13 апреля 1944 года, однако в объемном тексте наградного листа нет упоминания о героическом спасении боевых товарищей 10 марта 1944 года. Таким образом, возникает вероятность того, что А.В. Демехин именно за этот подвиг награжден не был.

непрерывно подвергаясь атакам вражеских истребителей. Традиции Сталинграда на своем штурмовике лейтенант Демехин А.В. пронес всюду, с ним громил немцев в Таганроге и штурмовал в Донбассе, с ним дрался за Мелитополь»⁴. Из многих боевых эпизодов, зафиксированных в военно-исторических документах действующей армии, приведем только один: «11 ноября 1943 года летчик Демехин А.В. вылетал на боевое задание по уничтожению войск противника в населенных пунктах Гутерталь, Ногансруе. В период 15.48.—16.04. группа штурмовала пехоту и скопление автомашин, на третьем заходе на высоте 600 метров была встречена группа до двадцати Ме-110 под прикрытием восьми Ме-109, штурмующая населенный пункт Данило-Ивановка. Лейтенант Демехин атаковал Ме-110, заходивший в лоб Ил-2, и очередь из пушек и пулеметов поджег мотор Ме-110. Вражеский самолет упал на 3 километра севернее Данило-Ивановки, что подтвердили ведущий группы капитан Воротник С.Г. и летчики лейтенанты Гнеушев и Луценко»⁵.

Как видно из боевой биографии 22-летнего Андрея Демехина, он был опытным летчиком-штурмовиком. За мужество, отвагу, героизм и высокое боевое мастерство он отмечен многими наградами. Его решение спасти боевых товарищей и идти самому на смертельный риск можно объяснить лишь с позиций традиций войскового товарищества и личных моральных качеств. За несколько лет до этого точно в такой же весенний день, он полез в холодную ледяную воду, увидев тонущего в реке малыша⁶. Эти же благородные чувства руководили им и 10 марта 1944 года при спасении боевых товарищей. Андрей Васильевич Демехин внес достойный личный вклад в победу над врагом. К большому сожалению, жизнь героя оборвалась 8 октября 1946 года при исполнении служебных обязанностей. Он не дожид до своего 25-летия двух месяцев, но светлая память о Герое Советского Союза летчике-штурмовике Андрее Васильевиче Демехине жива. Его именем названа улица в Ворошиловграде. Бюст героя установлен на заводе, где он работал⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Губин Б.А., Киселев В.А. Восьмая воздушная: Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1986. С. 157—159.

² Герои Советского Союза (Краткий биографический словарь). В 2 т. М.: Воениздат, 1987. Т. 1. С. 415.

³ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 503 шап. Оп. 523673. Д. 1. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Там же.

⁶ Шуканов Б. Русский характер. Боевые подвиги авиаторов // Советская авиация. 29 янв.

⁷ Кояндер Е. И вернулся на свой аэродром // Ворошиловградская правда. 1980. 19 апр.

**Полковник в отставке А.А. ЕГЕРЕВ;
полковник запаса О.А. ХОТЯГОВ**

ОН КЛЯТВУ ВЫПОЛНИЛ

100 лет со дня рождения
Героя Советского Союза
Муса Джалиля

*Пусть брызнет последняя капля крови,
на клятве не будет пятна!*

Муса Джалиль

СРЕДИ прославленных воинов-вожан никогда не будет забыт татарский поэт, Герой Советского Союза Залилов Муса Мустафарович¹ (литературный псевдоним Муса Джалиль). Он родился 15 февраля 1906 года в селе Мустафино (ныне Оренбургская область) в семье крестьянина. В 1920-е годы учился в военно-партийной школе в Оренбургской губернии, где приобрел военные навыки. «Ученики школы, — писал он впоследствии, — выполняли воинские обязанности, несли в городе караульную службу, сражались с бандами. Так рано взял я в руки винтовку, стал бойцом»². В 1931 году Муса Залилов окончил филологический факультет МГУ, затем возглавил Союз писателей Татарской АССР. На следующее утро после начала Великой Отечественной войны Муса Джалиль отнес в военкомат заявление с просьбой направить его на фронт. 13 июля он уже надел военную форму и был направлен в формирующийся под Казанью артиллерийский полк.

В июле 1941 года Джалиль писал в письмах своей жене Амине: «Меня зачислили в артиллерию, конным разведчиком. Это в армии самая ответственная, самая сложная и опасная работа»³. Привыкший преодолевать трудности, Муса изучал военное дело с особым рвением и за короткое время освоил специальность артиллериста.

Находясь в военном лагере, поэт написал стихотворение «Тупчы анты» («Клятва артиллериста»), которое было напечатано в газете «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») 8 августа 1941 года. Стихотворение заканчивалось призывом к борьбе с врагом:

*Рассчитан прицел,
батарея готова,
Команды скорее давай, лейтенант!
Скажи языком огневым, моя пушка,
Проклятому Гитлеру свой приговор,
В лицо этой гадине плюнь, моя пушка,
Врагов обреки на разгром и позор.
Пусть молнией грозной снаряд пронесется
И тучей тяжелою вздыбится дым,
Чтоб в небо взлетели останки фашистов,
Чтоб враг ни один не остался живым!*

Рукопись стихотворения, давшего позже название сборнику, сохранилась в архиве газеты «Кызыл Татарстан». В ней автор сделал приписку «27 июль, Н-ская часть»⁴. Один из основных мотивов стихотворения — верность воинской клятве. Мысль эта в той или иной форме звучит почти в каждом его стихотворении военной поры.

Когда выяснилось, что конный разведчик 4-й батареи рядовой Залилов — известный поэт, руководитель татарской писательской организации, его хотели либо демобилизовать, либо оставить в тыловой части. Но Джалиль решительно воспротивился этому: «Мое место — в армии, среди воинов. Моя задача — быть на фронте, бить фашистов»⁵. Он добился отправки на курсы политработников. В приказе начальника курсов № 231 от 5 августа 1941 года указывалось: «Зачислить курсантом... и на все виды довольствия... с 19 июля 1941 года»⁶. Курсы были рассчитаны на 6 месяцев, занятия проходи-

ли уплотненно. После окончания курсов в апреле 1942 года, Муса был направлен на Волховский фронт корреспондентом армейской газеты «Отвага» (полевая почта 1550, ответственный редактор Румянцев).

Началась жизнь армейского военкора, полная трудностей, лишений и риска. Поэт осваивает новый жизненный материал, метко подмечает конкретные детали фронтовой действительности, пишет статьи и очерки для нового, ставшего впоследствии постоянным, раздела: «Мастера своего дела». Так, пробыв несколько дней на огневой позиции минометного расчета сержанта Ибрагимова, Джалиль подготовил статью «Кочующий миномет», в которой постарался раскрыть секрет успеха минометчика. В очерке «Командир пулеметчиков-зенитчиков» он также по-деловому, кратко и точно рассказывает о методах повышения боевого мастерства: «Для достижения наилучших результатов в стрельбе необходимо раньше всего определить расстояние до самолета, скорость его полета. Но это еще не все. Нужно чтобы наводчики и прицельные умели самостоятельно уточнять и изменять эти данные соответственно движению самолета. Некоторые зенитчики не умеют ловить вражеский самолет на курсовом параметре, то есть на точке наименьшего приближения. На это надо обратить особое внимание...»⁷.

За короткое время Муса Джалиль стал подлинным военным корреспондентом. Вместе с тем он продолжал оставаться поэтом, находя даже в труднейших фронтовых условиях время для стихов, по ночам, примостившись у солдатского огонька.

Очевидцы рассказывают, что Муса все время носил в полевой сумке толстую потрепанную тетрадь, в которую записывал все сочиненное им.

*Перо положил я в походную сумку,
а рядом висит за плечом автомат.*

Эти строки написаны им во время обучения на курсах политработников.

3 июня 1942 года Джалиль писал с Волховского фронта Гази Кашшафу: «Я продолжаю писать стихи и песни. Но редко. Некогда, и обстановка другая. У нас сейчас кругом идут жестокие бои. Крепко деремся, деремся не на жизнь, а на смерть».

17 августа 1943 года в газете «Знамя артиллериста» было опубликовано стихотворение, переведенное с татарского на русский язык. Джалиль писал:

*Ясен взгляд мой и прицел проверен —
Вражий танк, пылай, закутан в дым!..
Близок день, когда фашизм, как зверя, мы истребим!..
За друзей, расстрелянных, сожженных,
Мы клянемся отомстить стократ!
За детей — за каждый крик и стон их —
Получай, убийца, мой снаряд!*

Эти стихи артиллеристы часто пели тогда в походах, как гимн, как клятву на мотив широко известной походной песни. Редакция сопроводила это стихотворение следующим примечанием: «Муса Джалиль — известный татарский поэт, фронтовик»⁸.

Судьба Джалиля сложилась так, что как раз в эти дни, дни ожесточенных боев против врага, автор святой клятвы артиллеристов томился в фашистской тюрьме, именно тогда гитлеровцы подвергли его нечеловеческим пыткам.

26 июня 1942 года при выходе из окружения в автомашину, где находился Джалиль, попала бомба. Муса был ранен. Ему осколком раздробило левую ключицу. Другой осколок рикошетом прошел вдоль ребер. Без сознания, тяжело раненный, оглушенный взрывной волной, он попал в плен. Фашисты направили его в один из прибалтийских лагерей.

«В плену испытал все ужасы, прошел через сорок смертей, затем был перевезен в Берлин... Обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму», — записал поэт в Моабитской тюрьме на последней страничке своего блокнота.

Как показали найденные впоследствии документы, Муса Джалиль и его товарищи были казнены в тюрьме Плётцензе на гильотине 25 августа 1944 года с 12 ч 06 мин до 12 ч 36 мин⁹. Казни следовали одна за другой с интервалом в три минуты. Джалиль погиб после 791 дня непрекращающейся борьбы с врагом.

Вскоре после войны писатель Юрий Корольков — в то время корреспондент «Правды» в Берлине, осматривая сохранившуюся часть тюрьмы, обнаружил на стене камеры № 382 надпись: «...Мы прошли через сорок смертей и не покорились. Муса Джалиль».

Здесь, в мрачном каменном мешке, за железными решетками поэт создавал свои бессмертные стихи, вошедшие потом в знаменитую Моабитскую тетрадь.

С июля 1942 года по 1 января 1944 года Муса Джалиль написал не менее 150 стихотворений и одну поэму. До нас дошла лишь меньшая часть того, что написано им в фашистской неволе. Первая Моабитская тетрадь содержит шестьдесят, вторая — пятьдесят стихотворений.

Более 60 лет назад вышел сборник стихов Мусы Джалиля под названием «Клятва артиллериста» (Татгосиздат, 1942) на татарском языке. В нем вместе со стихотворениями о Великой Отечественной войне опубликованы антифашистские произведения 20-х и 30-х годов. В 1944 году увидел свет еще один его сборник — «Письмо из окопа» (Татгосиздат, 1944) уже на русском языке. Обе эти книги автору не суждено было увидеть.

Стихи Джалиля вошли в золотой фонд нашей литературы. Они переведены почти на все языки народов России, их знают многие читатели в ближнем и дальнем зарубежье.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1956 года за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А еще через год Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР присудил поэту Ленинскую премию, также посмертно.

На берегу Волги, близ Казанского Кремля, на площади Первого мая возвышается памятник автору «Клятвы артиллериста» и «Моабитской тетради» (скульптор В.Е. Цигаль, архитектор А.Г. Голубовский, 1966 г.). Это памятник мужеству солдата-артиллериста и стойкости поэта-гражданина. Однако лучшим памятником герою и всем погибшим в минувшей войне стали стихи Джалиля. В миллионах экземпляров они разлетелись по планете.

*Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою:
Песни всегда посвящая я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.*

«Мои песни». Перевод С. Липкина

В этом стихотворении, ставшим как бы поэтическим завещанием, звучат мужество воина и непреклонность гражданина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В других источниках: Мустафович, Мустафиевич.

² Джалиль Муса. Сочинения. Казань, 1962. С. 462.

³ Письма жене // М. Джалиль. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. Казань: Таткнигаиздат, 1956. С. 401, 402.

⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 4921. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 120, 121.

⁵ «Социалистик Татарстан». 1966. 13 февраля.

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Оп. 316159. Д. 4. Л. 214.

⁷ Воспоминания о Мусе Джалиле. Казань: Таткнигаиздат, 1966. С. 109.

⁸ «Советская Татария». 1956. 17 ноября.

⁹ Муса Джалиль. Костер над обрывом / Сост. Ч. Залилова, С. Кошечкина. М.: Правда, 1987. С. 565.

Полковник запаса Е.В. ПАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ КОНТР-АДМИРАЛА

С.В. ЕВДОКИМОВ

Плавание на миноносце «Свирепый»

В 1902 году Невский завод сдавал в казну четыре эскадренных миноносца типа «Сокол» водоизмещением в 250 т — «Строгий», «Стремительный», «Сметливый» и «Свирепый». В это время я окончил Минный офицерский класс в Кронштадте и был назначен минным и старшим офицером на эскадренный миноносец «Свирепый». Миноносцы эти предназначались для службы на Черноморском флоте и должны были прорваться через Дарданеллы и Босфор, так как турки, не желая усиления Черноморского флота, русских военных судов через проливы не пропускали. Предстояло нам очень интересное плавание вокруг Европы с заходом во многие порты, поскольку запас угля был небольшой и длительных переходов мы делать не могли. Время года было самое штормовое в океане и во всех морях, через которые лежал наш путь. Плавание предстояло нелегкое, но очень интересное.

Я явился на «Свирепый» счастливейшим человеком в мире и узнал, что все испытания миноносца почти закончены. Осталось испытание на скорость хода, т.е. пробег миноносца по мерной миле. Завод получал премию чуть ли не за каждую 0,1 узла сверх контракта, а потому им предпринимались все меры, чтобы уголь был отборный, а смазочные материалы лучшие и даже как можно меньше людей присутствовало при этом испытании (вес). Управляется миноносец на мерной миле заводским лоцманом, который правит как по нитке. Команда вся от завода, у всех механизмов — заводские мастеровые, из военной команды — по одному специалисту и мы, офицеры. Только легли на мерную милу, как увидели лайбу, идущую под парусами поперек нашего курса. Мой командир капитан 2 ранга С. только успел крикнуть лоцману: «Столкнемся!» — и хотел схватить за руку, чтобы вильнуть и избежать столкновения, но тот отдернул руку и ответил совершенно хладнокровно, не выпуская трубки изо рта: «Ничего». Лоцманом был старый финн. Мы разрежали лайбу пополам и пошли дальше, даже не почувствовав особенного толчка. Скорость оказалась при испытании 31,8 узла, и русский флот обогатился самым быстроходным миноносцем в мире. В то время такой скорости не было ни в одном флоте.

Возвратившись после окончания испытания, мы узнали, что лайба была гружена пилеными дровами, на ней были старики — муж и жена. Баба была на руле, а муж — на носу. Лайбу мы разрежали пополам. Баба на маленькой шлюпочке, которую лайба тащила на буксире, спасла мужа. На «Свирепом» была на форштевне содрана краска и оборваны сигнальные фалы с левой стороны, больше никаких повреждений не оказалось. Когда мы спросили лоцмана, отчего он не вильнул, чтобы избежать столкновения, он ответил: «Ничего, не надо второй раз ходить, дорого стоит». Мой командир послал меня узнать о здоровье хозяев лайбы. Я их разыскал, жили они в очень бедной лачуге. Все их состояние заключалось в лайбе, на которой они перевозили пиленые

дрова, этим и существовали. Душевное состояние их было ужасно: они боялись суда и тюрьмы за нарушение правила «не пересекать мерной мили, когда происходит испытание». Кроме того, потеряв лайбу, старики лишились единственного заработка.

Из Главного морского штаба мы получили распоряжение «после столкновения ничего не трогать и не исправлять». Следующее распоряжение Главного морского штаба было: «Всем четырем миноносцам ждать посещения государя императора». В назначенный день и час прибыл его величество государь император, отец Иоанн Кронштадтский и свита. Отец Иоанн отслужил напутственный молебен, по окончании которого сказал теплое, задушевное слово с пожеланием благополучного плавания. Слова его были просты, сильны, шли прямо в душу и вызвали слезы на глазах команды и офицеров.

После молебна его императорское величество изволил произвести детальный смотр всем миноносцам. Он с глубоким пониманием дела интересовался каждой мелочью, а также проявлял большой интерес к укладу и удобствам жизни личного состава. Государь император приказал показать ему наши повреждения после столкновения. Мой командир и я, как старший офицер миноносца, сопровождая его величество, показали содранную краску на форштевне, и командир доложил, что еще оборваны сигнальные фалы с левой стороны. Все были очень удивлены, что мы разрежали лайбу пополам с 30-узловой хода, и повреждений у нас нет. Государь спросил: «А что с людьми на лайбе?» Командир сказал, что он посылал меня к ним, и они совершенно благополучны. Государь приказал мне доложить ему подробно. Я доложил об их душевном состоянии, беспокойстве, что теперь с ними будет, и потере источника заработка. Его величество обратился, кажется, к адмиралу Нилову и сказал: «Объяви им строгий выговор с предупреждением, что, если они не будут соблюдать правил, им придется отвечать по всей строгости закона и они будут преданы суду. Ну, и купи уж старикам новую лайбу». Доброта и милость императора тронули всех до глубины души. Поблагодарив офицеров и команды за прекрасное состояние эскадренных миноносцев, хорошее выполнение всех учений, тревог и авралов и пожелав счастливого плавания, его величество отбыл.

Производя смотр и учения, государь разговаривал почти с каждым офицером и матросом, задавал вопросы по специальности, а также расспрашивал о личной жизни. Когда коком матросом 2-й статьи Квочкой (фамилия нашего кока) и боцманом Малым была подана проба пищи, государь похвалил борщ и дрожашего от волнения Квочку, и милостиво с ним и с боцманом разговаривал.

Было у меня много фотографий из морской жизни, но после революции во время моих странствований все пропало.

Дня через два после смотра мы ушли в море. Путь наш был вокруг Европы: Гибралтар, Средиземное море, Дарданеллы, Мраморное море, Босфор, Черное море и Севастополь. Из-за малого водоизмещения миноносца (250 т), небольшого запаса угля и штормового времени года мы заходили во многие порты.

Во время перехода на эскадренном миноносце «Свирепый» из Санкт-Петербурга в Севастополь вышли из Амстердама и пошли в Лиссабон. В Бискайском заливе мы попали в очень сильный шторм. Нас так качало и заливало, что вода через передние трубы иногда попадала в топку котлов. Пар невозможно было держать, кочегары выбились из сил, и я, как старший офицер, назначил им в помощь палубную команду, в числе которой был комендор Сисков, человек огромного роста, большой физической силы, очень скромный и добрый. На этом переходе в разгар шторма одного матроса подхватила волна, накрывшая часть миноносца. Вылетая за борт, он схватился за леер и вывихнул руку в плече, но в этот момент комендор Сисков схватил его за ногу и,

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 3, 4.

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

как перышко, вытащил на палубу. В старое время ни доктора, ни фельдшера на каждом миноносце не было, а назначали на отряд или на дивизион миноносцев. У нас была аптечка и наставление, когда какие лекарства давать, и я, как старший офицер, лечил команду до прихода в порт. Мы с боцманом вправили матросу руку, довольно долго его помучив.

Пришли в Лиссабон утром, развели в камбузе огонь, дали команде горячий обед и разрешили отдыхать до вечера. Вечером командир, горячо всеми любимый капитан 2 ранга М.И.С., разрешил очередное отделение отпустить в цирк. Двигатель динамо-машины перебирали, электрического освещения не было, и я распорядился при масляном освещении, было плохо видно. Напомнил команде о хорошем поведении на берегу и сказал: «Помните, по вам будут судить о России». Вызвали номера, осматривал, чтобы все были аккуратно одеты. Возвращается команда с берега, встречаю и проверяю. Выкликаю Сискова, и вдруг выходит человек с полосатыми ногами, как у тигра, лапы. Вахтенный подносит фонарь. «Да ты босой! Пропил сапоги?» — спрашиваю. «Никак нет, я ходил босой, ваше благородие, вы не заметили, когда отпустили. Я ваксой начистил ноги, горели, как чертов глаз*. У меня сапоги сторели, когда на переходе работал в кочегарке, и ни у кого достать не мог, все не лезут. Когда съехали на берег, пошел дождь, ваксу и смыло малость. А в цирке я сидел как турок, подкорчив ноги, и держал газету. Они думают, что я грамотный по-ихнему, и не заметили. Никто ничего не сказал. Простите, обманул, но очень хотелось на берег, в цирк». С тех пор команда звала его «тигра».

На этом тяжелом переходе, когда шторм стал ослабевать, много летучих рыбок часто попадало к нам на палубу. Команда их подбирала и пробовала жарить, но была очень разочарована, так как мяса в них нет. Потом мы встретили большое количество различных птиц, которые, очевидно, во время шторма совершенно выбились из сил и буквально облепили миноносец, от изнеможения не боясь даже людей. Они сидели на миноносце и отдыхали, команда их кормила и старалась не беспокоить. Нужно было видеть, как великан Сисков заботился о птицах: кормил, приносил им пресную воду, поил совсем ослабевших из рук и страшно сердился, когда кто-нибудь по неосторожности их спугивал.

Плавание было чрезвычайно интересное, но трудное. Так как по предписанию Главного морского штаба мы должны были прорываться под видом коммерческих, а не военных судов, у нас были сняты орудия и минные аппараты и отправлены в Севастополь по железной дороге. Получили мы также распоряжение Главного морского штаба: «Миноносцы прорываются полным ходом по одному каждую ночь, т.е. в течение 4 ночей, закрасить названия, и офицеры и команда должны быть в штатском платье». Мы надели штатское, а команду переодели в дождевое платье. Очередь прорыва — по старшинству командиров. Мой командир в отряде был младшим, и наша ночь была 4-я.

Из Пирея по очереди ушли три миноносца, настала наша очередь. Снялись с якоря, вышли в море, погода была очень свежая, а через некоторое время начался сильный шторм. Вода через трубы попадала в топки котлов, и мы не могли держать пар. Все люди измучились, хода нет. С большим трудом добрались до пролива Дора и решили зайти в небольшой порт Святого Николая, что на острове Зей. Очень нам не хотелось заходить, отстаиваться: страдало наше самолюбие, ведь три миноносца прошли, а нам не удалось, и получается, что мы нарушаем весь план прорыва.

Входим в порт и, к нашей радости, видим: стоят все три миноносца, которые, испытав то же, что и мы, отстаиваются и ждут погоды. Бухточка открытая, зыбь и

толчея страшная, ветер штормовой. Стоим все на двух якорях и от канатов не отходим, того и гляди лопнут — прямо Новороссийская бора. Такой шторм мы встретили только в Бискайском заливе. Через некоторое время погода начала поправляться, шторм стихать, и мы опять по очереди уходили, беря курс на Дарданеллы. Перед входом в Дарданеллы заменили военный флаг коммерческим. Прошли мы Дарданеллы, Мраморное море и вошли в Босфор.

Я стоял на вахте. Вдруг подбегает наш инженер-механик Владимир Федорович Львицын и кричит мне: «Потек холодильник, идти не можем, нужно стать на якорь!» Стали на якорь, осмотрели холодильник. Оказывается, потекли трубки. Необходимо разбирать и менять их, что займет несколько часов. Идти дальше невозможно, так как питать котлы соленой водой нельзя, можно сжечь. После починки холодильника необходима пресная вода, чтобы наполнить котлы. Пресной воды у нас нет. Нужно сообщить по телефону в Константинополь, чтобы нам привезли баржу пресной воды. Ночь на исходе, прорваться в темноте не успеем. Стоим на якоре и не знаем, что же с нами теперь будет. Мы не вооружены, и нас можно взять голыми руками. Никто, конечно, не поверит, что мы коммерческий пароход. Офицеры надели штатское платье, команду переодели в дождевое платье, поскольку для команды не было штатского. Ждем рассвета.

Рассвело. На берегу, на горе, видим большое белое здание, стоят часовые. Командир приказал мичману Г. пойти на четверке на берег и попросить разрешения поговорить по телефону с Маниадаки (поставщик Русского флота в Константинополе), чтобы нам срочно привели баржу с пресной водой. Следим за нашим мичманом: вот он поднялся на гору, вошел в дом вместе с часовым. Что-то очень долго его нет.

Наконец он вернулся на миноносец и рассказал следующее: дом этот оказался турецким госпиталем, часовой проводил его в кабинет к главному доктору, где он увидел сидящего за столом старого почтенного турка с большой седой бородой. Тот прекрасно говорил по-французски. Мичман попросил его разрешить поговорить по телефону с Константинополем. Турок любезно разрешил, встал, подошел к окну и спросил: «С какого вы парохода?». Миноносец под русским коммерческим флагом видно как на ладони. Мичман указал. Турок очень долго пристально смотрел на мичмана и потом сказал: «Как вам не стыдно, молодой человек, указывая на миноносец «Свирепый», говорить, что это коммерческий пароход, кто же может этому поверить!» Мичман был очень смущен: даже известно название миноносца. Пожав крепко мичману руку, старик сказал: «Ваше правительство договорилось с нашим, и наше решило пропустить четыре миноносца в Черное море с условием проходить по ночам, чтобы наш народ не видел и не волновался, что вы усиливаетесь; мы любим русских и воевать с вами не собираемся. Раз с вами такое несчастье, как не помочь. Говорите по телефону, передайте привет командирю миноносца и уходите возможно скорее».

Несмотря на то что с того времени прошло уже сорок восемь лет, я думаю, что весь разговор с доктором я привел почти дословно. Часа через три мы заменили трубки холодильника, получили пресную воду, свежую провизию и снялись с якоря. Черное море нас встретило неприветливо — большим штормом, но на душе было легко и радостно. Мы, моряки, очень любим заграничные плавания. Всегда шли с удовольствием, но и возвращались радостно в Россию, потому что к концу плавания всегда чувствовалась тоска по родине.

Входя 14 января 1903 года на рейд Севастополя, мы услышали похоронный салют. Это хоронили всеми любимого, прекрасного моряка и человека главного командира Черноморского флота адмирала Сергея Петровича Тыртова.

Публикация полковник в отставке
В.А. ГУРКОВСКОГО

* Когда медь хорошо вычищена старые боцманы и матросы говорили: «Горит, как чертов глаз».

«32, 31, 15, 28, 22/17, 14, 17, 27, 25/32, 22, 16, 22, 19, 1, 24, 31, 9, 30, 5, 26/32, 13, 30, 27, 14/32, 31, 21/32, 28, 22, 19, 30, 31, 26».

13. Перевал, по которому М.Д. Скобелев блестяще осуществил трехдневный зимний переход Балканского хребта — 8, 25, 32, 27, 25, 30, 15, 27, 25, 26.

14. Болгарский поэт, точно описавший М.Д. Скобелеву путь по указанному выше перевалу и совершивший переход с колонной русского генерала — 32, 22, 14, 27, 31/15, 28, 17, 19, 22, 26, 27, 31, 19.

15. Село, которое в связи с изменившейся боевой обстановкой вместо соседней деревни Шипки атаковал М.Д. Скобелев, имея в боевом порядке батальоны Углицкого пехотного полка, дружины болгарского ополчения и саперов — 8, 22, 26, 30, 31, 19, 31.

16. Командующий южной турецкой армией, осаждавшей Шипку. Эта армия сдалась войскам генерала М.Д. Скобелеву во главе со своим командующим — 19, 22, 15, 15, 22, 28, 4 — 32, 17, 8, 17.

17. Русская армия, имевшая замысел преодолеть Балканы в направлении Софии, взять ее и продвигаться южнее хребта на Адрианополь и Константинополь — 21, 13, 30, 17, 26, 15, 27, 17, 1.

18. Город, от которого по весенней распутице передовой отряд генерала М.Д. Скобелева совершил стремительный переход на юг к Адрианополу, опережая армию Сулейман-паши, идущую с запада, и войска Мухтар-паши, стремящиеся туда же с востока — 27, 17, 24, 17, 30, 28, 5, 27.

19. Город, на который двинулся скобелевский отряд после взятия в январе 1878 года Адрианополя. Со дня на

день М.Д. Скобелев ждал приказа двинуться на Константинополь и занять его, но приказ не поступал: война заканчивалась — 9, 17, 14, 17, 28, 21, 23, 17.

20. Ряд славных побед генерала М.Д. Скобелева, в которых особенно ярко проявился его полководческий талант: а) 12, 22, 16, 20, 17, 30, 17; б) 24, 22, 28, 22, 30, 5, 22/20, 31, 16, 5;

в) 32, 22, 16, 22, 11, 31, 21/18, 17, 28, 27, 17, 30;

г) 8, 22, 26, 30, 31, 19, 15, 27, 25, 26/18, 31, 26;

д) 32, 22, 16, 22, 11, 31, 21/27/17, 21, 16, 25, 17, 30, 31, 32, 31, 28, 2;

е) 17, 11, 17, 28 — 14, 22, 27, 22.

21. Город, вблизи которого по невыясненным причинам в ходе поездки по Болгарии с целью выбора участка под монастырь летом 1880 года трагически погибла мать М.Д. Скобелева — 32, 28, 31, 19, 21, 25, 19.

22. Туркменская девочка-сирота, удочеренная М.Д. Скобелевым после взятия крепости Геок-Тепе в 1881 году. Впоследствии она боролась за народное образование и развитие национальной культуры в Туркмении — 14/29/14, 22, 27, 25, 30, 15, 27, 17, 1.

23. Село в Рязанской губернии, где был захоронен генерал от инфантерии М.Д. Скобелев — 15, 32, 17, 15, 15, 27, 31, 22.

24. Патриот Болгарии и большой друг России — автор волнующего текста на памятнике около братской могилы русских воинов в Скобелевском парке города Плевна — 15, 14, 31, 1, 30/24, 17, 25, 29, 31, 19.

Автор криптограммы полковник в отставке А.С. ЖДАНОВСКИЙ

Уважаемые читатели!

Победитель этого конкурса получит приз — книгу: 60 лет открытия второго фронта в Европе (6 июня 1944 г.). М.: ИД «Мегапир», 2005. 256 с. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на викторину «К 100-летию создания подводных сил России» (Воен.-истор. журнал. 2006. № 1) — в № 6 (июнь); на криптограммы «К 90-летию Брусиловского прорыва» (№ 3) — в № 8 (август); «Адмирал П.С. Нахимов» (№ 2) — в № 7 (июль); «Сын степей донских М.И. Платов» (№ 4) — в № 9 (сентябрь); «Генерал М.Д. Скобелев» (№ 5) — в № 10 (октябрь).

Ответы на криптограмму «Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 12). Ключевые слова: 1. Франция; 2. Командир батальона; 3. «Полковник Малино»; 4. Старший преподаватель Академии имени М.В. Фрунзе; 5. Прут; 6. Днестр; 7. Шестая; 8. Южный; 9. Донская; 10. Вторая гвардейская; 11. Запорожская; 12. а) Никопольско-Криворожская; б) Березнеговато-Снигиревская; в) Одесская; 13. Второй Украинский; 14. М.В. Захаров; 15. С.М. Штеменко; 16. Маршал Советского Союза; 17. а) оперативное на котельниковском направлении; б) стратегическое Корсунь-Шевченковское; в) Будапешт-Балатонская битва; 18. Четвертая; 19. Дебреценская; 20. Хингано-Мукденская; 21. Герой Советского Союза; 22. «Победа»; 23. Югославия; 24. а) командующий войсками Забайкальско-Амурского военного округа; б) главнокомандующий войсками Дальнего Востока; в) командующий войсками Дальневосточного военного округа; г) первый заместитель министра обороны и главнокомандующий Сухопутными войсками; д) министр обороны СССР. Текст: Его полководческий почерк зримо проступал в операциях по освобождению Ростова-на-Дону, Донбасса, Юга Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии, а также в разгроме японской Квантунской армии в Маньчжурии. Все эти операции... несли на себе отпечаток подлинного творческого вдохновения, необычайной настойчивости в их осуществлении, составили яркие страницы истории военного искусства.

Победителем этого конкурса стал **Иванов А.Ю.** (учитель, д. Хлепень, Смоленская обл.). Он получает приз — книгу: *Мартин Кристофер. Русско-японская война. 1904—1905 / Пер. с англ. Е.К. Солнцевой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 220 с.* Поздравляем!

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция
«Военно-исторического журнала»!

Члены Костромского регионального отделения Движения поддержки флота, Костромского морского собрания с большим удовлетворением отмечают регулярные, взвешенные и компетентные публикации журнала, посвященные военной истории государства, Военно-морского флота. В этом несомненная заслуга всего коллектива редакции.

В году 100-летия создания подводных сил государства мы в числе других публикаций особо отмечаем подготовленную викторину об истории подплава. Ее автор — полковник в отставке А.С. Ждановский во многом расширил наши знания об истории подводных сил и нацелил нас на ее углубленное изучение. Передайте Александру Сергеевичу наши самые искренние пожелания доброго здоровья, успехов в его полезной и необходимой деятельности.

В качестве ответов на вопросы викторины высылаем вам изданный в Костроме сборник военно-исторических материалов, посвященный 100-летию создания подводных сил*. Просим не судить нас строго, поскольку у нас провинциальный уровень возможностей по источникам информации об истории флота.

В то же время отметим, что было бы правильным для исследователей военной истории областей, краев в публикациях ежемесячного «Хронографа» «Военно-исторического журнала» о персоналиях военачальников указывать место их рождения. Так как мы ограничены в работе с архивами, расположенными в Москве и Санкт-Петербурге, то подобная информация очень важна для нас. Полученные нами сведения затем систематизируются и публикуются в ежегодных Календарях военной истории государства и Костромской области. Данные «исторические святцы» впоследствии являются ежемесячными планами работы по героико-патриотическому воспитанию советских ветеранов, средств массовой информации. Возможно вам понравится наш подход к изданию Военного календаря Костромской области. Мы понимаем то, что в нем преобладают военно-морские события и персоналии — по ним у нас была наработана информационная база. Полагаем, что с вашей помощью в будущем календари будут более содержательны и актуальны.

С уважением,

**капитан 1 ранга запаса
Ф.П. БЕРСЕНЕВ**
(г. Кострома)

* Подводному флоту России — 100 лет! Кострома: ЗАО «Линия График Кострома», 2006. 40 с.

Обложка
сборника

Сведения об авторах номера

АВДЕЕВ Валерий Александрович — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

БЕЛИК Юрий Леонидович — научный сотрудник центра археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра» (г. Керчь)

БОБРОВ Михаил Александрович — докторант Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (п. Монино Московской обл.)

ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич — референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А.Иордана, кандидат исторических наук, полковник в отставке (Москва)

ДЕНИСОВ Сергей Леонидович — начальник Научно-методического центра Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко, полковник медицинской службы, кандидат медицинских наук (Москва)

ЕГЕРЕВ Аметист Аркадьевич — заместитель начальника отдела научно-исследовательской работы и информации Центрального дома авиации и космонавтики РОСТО (ДОСААФ), полковник в отставке (Москва)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ЗНАМЕНСКАЯ Оксана Андреевна — студентка Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

ИПАТОВ Петр Васильевич — заместитель начальника Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко по научной и методической работе, полковник медицинской службы, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор (Москва)

КЛЮЖЕВ Вячеслав Михайлович — начальник Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко, генерал-майор медицинской службы, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор (Москва)

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич — старший редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

КОВАЛЕВСКИЙ Николай Федорович — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала», полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник (Москва)

КОСЕНКО Оксана Николаевна — ведущий специалист отдела информационно-поисковых систем Государственного архива РФ (Москва)

КУЛИК Сергей Владимирович — доцент исторического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЛОБАНОВ Андрей Владимирович — начальник военного представительства МО РФ, подполковник (Москва)

ЛОТА Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент (Москва)

МАКОВСКАЯ Лиля Константиновна — заведующая архивом, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

МЕДВЕДЕВА Анна Викторовна — студентка Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

МИРЕНКО Анатолий Иванович — Начальник управления финансово-экономической деятельности центрального аппарата Министерства обороны РФ, генерал-майор запаса, заслуженный экономист России, кандидат исторических наук (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПАНОВ Евгений Викторович — доцент Казанского высшего артиллерийского командного училища, полковник запаса, кандидат исторических наук (г. Казань, Республика Татарстан)

РЕБРОВА Ирина Викторовна — преподаватель кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар)

РИПЕНКО Юрий Борисович — профессор кафедры управления войсками Михайловской военной артиллерийской академии, полковник запаса, кандидат военных наук, доцент (Санкт-Петербург)

СЕЛИФАНОВ Александр Борисович — студент Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

СИВУХИН Олег Васильевич — полковник в отставке (г. Витебск, Беларусь)

СЫСОЕВ Вадим Владимирович — студент Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

ШЕРШНЁВ Александр Павлович — инженер по метрологии Общевойсковой академии ВС РФ (Москва)

ХВОРОСТЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХОТЯГОВ Олег Аслангериевич — старший научный сотрудник Центрального дома авиации и космонавтики РОСТО (ДОСААФ), полковник запаса (Москва)

На 1 стр. обл. ил. из кн.: Летопись ратной славы. Студия военных художников имени М.Б. Грекова/ Сост. Д.А. Белокин, Т.П. Скороботатова. М.: изд. «Белый город», 2005. 400 с., ил.

Материалы номера рецензировали: кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник запаса А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ); кандидат исторических наук, доцент Л.И. Комиссарова (Северо-Западная академия государственной службы); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); доктор исторических наук полковник в отставке В.М. Крылов (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи); кандидат исторических наук, доцент генерал-майор И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат педагогических наук адмирал В.В. Масорин (Главное командование ВМФ); кандидат педагогических наук контр-адмирал В.П. Масягин (командование Балтийского флота); доктор исторических наук С.В. Мироненко (Государственный архив Российской Федерации); доктор военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск); доктор исторических наук, профессор полковник в отставке М.И. Фролов (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов; А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ).

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов "Военно-исторический журнал" может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его должность, фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи, не заказанные редакцией, не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (495) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на "Военно-исторический журнал" обязательна.

Компьютерная верстка —
В.А. ГОРОХОВСКИЙ, А.А. БАРАНОВА

Электронная версия «Военно-исторического журнала» на главной странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160,
Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 157-84-50(факс), 157-87-19.

Сдано в набор 30.03.2006
Подписано к печати _____.2006
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Тираж ____ экз. Зак. ____
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена
в Редакционно-издательском центре
Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2006.

ВСЁ К ПОДКРЕПЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ И УСПОКОЕНИЮ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

▲ Начальник ГВКГ им. академика Н.Н. Бурденко заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор генерал-майор медицинской службы В.М. Ключев

▲ Эмблема и нагрудный знак ГВКГ им. академика Н.Н. Бурденко ▲

Президент Российской Федерации В.В. Путин и заместитель председателя правительства — министр обороны Российской Федерации С.Б. Иванов в ГВКГ им. академика Н.Н. Бурденко

Читайте в номере

▲ Вестибюль первого этажа в главном корпусе госпиталя

▲ Восточный фасад госпитальных зданий. Построен в 1820—1830 гг.

▲ Вид главного госпиталя в Лефортово Художник Ф. АЛЕКСЕЕВ, XVIII в.

К 300-летию создания Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко

ГЛАВНЫЙ военный клинический госпиталь (ГВКГ) имени академика Н.Н. Бурденко является первым государственным лечебным и медицинским образовательным учреждением России. В его стенах берет начало история отечественного больничного и военно-госпитального дела. В созданной одновременно с самим госпиталем госпитальной школе была впервые начата подготовка врачей «из природных россиян». Здесь зарождалась российская медицинская наука, были написаны первые отечественные медицинские труды.

Сегодня ГВКГ имени академика Н.Н. Бурденко — крупнейшее головное многопрофильное специализированное лечебное учреждение Вооруженных сил РФ, в котором развернуто 116 лечебно-диагностических отделений и лабораторий, оказывающих практически любую квалифицированную помощь ежегодно более 20 тыс. больным и раненым. В стенах госпиталя работают 19 профессоров, 47 докторов наук и 138 кандидатов наук, 8 из которых — главные медицинские специалисты Министерства обороны РФ.

За три столетия работники госпиталя принимали участие практически во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых участвовала Россия. За это время в госпитале медицинскую помощь получили более 4 млн. наших сограждан. Колыбель российского здравоохранения, — ГВКГ имени академика Н.Н. Бурденко в преддверии 300-летия, отмечаемого 5 июня 2006 года, свято выполняет свой долг, являясь одним из лучших медицинских учреждений страны. О его истории читайте в статье начальника госпиталя — заслуженного врача РФ, доктора медицинских наук, профессора генерал-майора медицинской службы В.М. Ключева.

Из истории создания ордена Победы

▲ Первые эскизы ордена для награждения высшего командного состава Красной армии Художник А.И. КУЗНЕЦОВ. 1943 г.

▲ И.Ф. Казеннов с первыми орденами Победы 1944 г.

▲ Варианты эскизов ордена Победы Художник А.И. КУЗНЕЦОВ. 1943 г.

▲ Маршал Советского Союза Г.К. Жуков Фрагмент картины художника П.Д. КОРИНА. 1945 г.

Иллюстрации из кн.: Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1985. № 1; Польша. Честь. Слава. Награды России. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004.

ИСТОРИЯ ордена Победы началась в июле 1943 года, когда один из сотрудников штаба тыла Красной армии полковник Н.С. Неелов сделал эскиз ордена для награждения высшего командного состава и показал его начальнику тыла генералу армии А.В. Хрулеву. Награда была задумана автором как орден с девизом «За верность Родине» и профильными изображениями В.И. Ленина и И.В. Сталина в центре двух наложенных друг на друга золотых пятиконечных звезд.

Одновременно с разработкой вариантов будущей награды, более богатых по оформлению, был привлечен художник А.И. Кузнецов. После встречи с мастерами-ювелирами Московской ювелирно-часовой фабрики к 20 июля он сделал первые рисунки ордена с включением в его композицию драгоценных камней.

Работа над новой наградой возобновилась в октябре 1943 года, когда А.И. Кузнецов получил указание продолжить разработку проекта награды уже как ордена Победы. 18 октября на стол А.В. Хрулева легли очередные эскизные проекты, по одному из которых был срочно изготовлен образец ордена, показанный И.В. Сталину 25 октября. Рассмотрев образец, Верховный Главнокомандующий предложил вместо изображений Ленина и Сталина поместить в центре будущего ордена либо Герб СССР, либо Спасскую башню с фрагментом Кремлевской стены. Через несколько дней Сталину представили семь новых эскизов.

Учтя замечания по отобранному эскизу, А.И. Кузнецов сделал новый, а ювелирно-часовая фабрика изготовила пробный экземпляр ордена из платины с бриллиантами и рубинами. 5 ноября 1943 года правительство одобрило окончательный эскиз и представленный образец ордена, а 8 ноября был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Победы.

Изготавливался орден на Московской ювелирно-часовой фабрике под руководством художника-ювелира И.Ф. Казеннова. Камни — бриллианты и рубины — были получены из Гохрана. Кропотливой и сложной процедурой была подборка бриллиантов, общий вес которых в каждом ордена должен был составлять ровно 16 каратов при количестве 170.

Первое награждение орденом Победы состоялось 31 мая 1944 года в Кремле. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков, орденом Победы № 1 был награжден Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Указом от этого же числа и в один день с Жуковым орденом Победы № 2 получил Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Всего за годы Великой Отечественной войны было произведено 19 награждений высшим военным орденом страны.

Учреждение ордена Победы явилось знаковым событием. Сам факт появления такой награды за полтора года до подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии как бы предвещал неизбежный и близкий конец войны. Новый орден стал не только знаком высшего воинского отличия, свидетельством непревзойденного полководческого искусства, но и символом Победы для советского народа и всего человечества.

Публикацию подготовил капитан 3 ранга В.Г. КИКНАДЗЕ

ЗА ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Международная научная конференция, посвященная 60-летию открытия второго фронта в Европе

МИЛЛИОНЫ людей в России с благодарностью и глубоким уважением относятся к нашему общему с союзниками по антигитлеровской коалиции героическому и вместе с тем трагическому прошлому, объединившему нас против нависшей над всем человечеством угрозы поражения. В рамках программы празднования 60-летия Победы Советского Союза над фашистской Германией в Российской Федерации уделялось должное внимание нашей совместной с союзниками борьбе.

Открытие в июне 1944 года второго фронта, сыгравшего важную роль в разгроме фашистской Германии, не могло пройти незамеченным в России. По инициативе Ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил (Мегапир) и при

поддержке военных атташатов США, Великобритании, Франции, а также представителей ветеранских организаций этих стран была подготовлена и проведена международная научная конференция, посвященная 60-летию открытия второго фронта (Нормандская операция, 6 июня — 24 июля 1944 г.). По согласованию руководителей делегаций местом проведения конференции был избран Центр исследования конфликтов Министерства обороны Великобритании (Кемберли близ Лондона).

Российская делегация под руководством председателем совета директоров Ассоциации Мегапир доктора философских наук полковника А.Н. Каньшина насчитывала 15 человек. 6 человек из состава делегации принимали участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны.

На конференции с основными докладами выступили директор Центра исследования конфликтов Чарльз Дик и Маршал Советского Союза Д.Т. Язов. Доклад Ч. Дика был посвящен подготовке и проведению Нормандской десантной операции,

оценке ее отдельных эпизодов, места и роли в ходе Второй мировой войны в целом и представлял для присутствующих определенный профессиональный интерес. Д.Т. Язов в своем докладе обстоятельно показал, в каких внешних условиях готовилась и проводилась операция «Оверлорд» и как Советский Союз на восточном фронте, союзнические государства на других фронтах, в том числе и силы Сопротивления, своими активными действиями способствовали успешному проведению Нормандской операции. В докладе было приведено много исторических фактов, не получивших ранее широкой известности.

С большим интересом участники конференции выслушали выступление главы российской делегации А.Н. Каньшина, который остановился на ряде проблем, стоящих перед современниками. В выступлении представителя США Д. Майера были изложены факты боевого товарищества и сотрудничества стран коалиции. С приветственным словом от Министерства обороны Великобритании выступил директор департамента военного обра-

ОЦЕНОК ВАЖНЕЙШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

зования Роджер Джаклинг, который в своем выступлении коснулся проблем, связанных с поиском новых форм и способов подготовки военных специалистов всех государств в связи с международным терроризмом и другими современными проблемами.

На следующий день после конференции российская делегация совместно с приглашенными участниками конференции выехала в г. Портсмут, где готовилась и откуда начиналась Нормандская десантная операция «Оверлорд». Делегация посетила музей («D — Day»), посвященный Нормандской операции.

Отличительной особенностью состоявшейся международной конференции является то, что впервые за послевоенный период удалось провести ее на многосторонней основе, с участием представителей государств антигитлеровской коалиции, которыми сделана попытка объективно, в присутствии других заинтересованных сторон, оценить важнейшие исторические события Второй мировой войны, в том числе открытие второго фронта в Европе.

▲ У входа в музей Нормандской операции Портсмут

▲ В зале конференции

▲ Доклад Маршала Советского Союза Д.Т. Язова

▲ Доклад директора Центра исследования конфликтов Министерства обороны Великобритании Ч. Дика

▲ Выступление председателя Совета директоров Ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил (Мегапир) доктора философских наук А.Н. Каньшина

▲ Выступление представителя США — помощника военного атташе в России подполковника Д. Майера

▲ Отдание воинских почестей у мемориала в честь погибших воинов — участников Нормандской операции Портсмут

▲ На берегу Ла-Манша Портсмут

Публикацию подготовил В.Г. КАПАНИН

Иллюстрации из кн.: 60 лет открытия второго фронта в Европе (6 июня 1944 г.). М.: ИД «МЕГАПИР», 2005.

▲ Прием в клубе ветеранов морских конвоев Портсмут

